

Андрей Фролов
Путь наверх

Город Лифтов – 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4988909
«Андрей Фролов. Путь наверх»: Эксмо; Москва; 2013

Аннотация

Представьте себе город, где лифты не просто перевозят людей с этажа на этаж, а сами думают и принимают решения. Они разумны, одушевлены и с давних пор являются верными друзьями человека. У каждого Лифта – свой характер и своя профессия: есть спокойные, серьезные пассажирские Лифты, грузовые Лифты-трудяги, скоростные и веселые курьерские Лифты, важные Лифты для особых поручений... Именно в таком необычном месте жили наши герои, близнецы Дима, Витя и Настя. Однажды ребята тайно проникли в незнакомый Лифт Высокого класса, который привез их на очень странный этаж. И это стало началом приключений, таких увлекательных и опасных, что герои не могли о них даже мечтать!

Андрей Фролов Путь наверх

Пролог

В уютном зрительном зале медленно гаснет свет. Почти сразу в сердцевине невесомого проволочного куба, куда нацелены амбиграфические проекторы, вспыхивает волшебный зеленый росток. Он тянется ввысь, превращается в полноценный стебель. На макушке его зреет бутон, символизируя нечто таинственное. Лепестки цветка грациозно раскрываются, постепенно истончаясь до прозрачности.

Мелькает блеклая, испещренная помехами эмблема Гильдии. Объемный значок неспешно проворачивается на 360 градусов, чтобы было заметно на всех зрительских местах. Затем в каркасе школьного амбивизора молнией проносится сопроводительная информация: «Учебное пособие Н202-5/12». Две последние цифры означают возраст аудитории, которой адресована передача. «ПРАВИЛА ПОЛЬЗОВАНИЯ ПАССАЖИРСКИМ ЛИФТОМ С АВТОМАТИЧЕСКИМ ПРИВОДОМ ДВЕРЕЙ», – гласит заголовок.

Вставленные в главный проектор тонкие амбикарты, похожие на блестящие пластинки слюды, очень стары. Немного обколоты по краям, потертые и исцарапаны. Их используют далеко не первый учебный год, отчего объемное изображение в специальном проволочном кубе время от времени рябит и подрагивает. Цвета тусклые, приглушенные, но это не мешает младшеклассникам различать происходящее внутри амбивизора.

В кубе появляется мультипликационный мужчина – высокий, элегантный и немолодой, с тонкой улыбкой мудрого наставника. На голове у него старомодная шляпа. В руках информационный планшет, поверх которого он как будто бы изучает зрителей, медленно поворачиваясь вокруг своей оси.

– Здравствуйте, дети, – приятным голосом произносит персонаж, слегка приподнимая шляпу и продолжая улыбаться. – Меня зовут профессор Разумов, и мы уже встречались с вами на курсах неотложной медицинской помощи и уроках техники безопасности жизнедеятельности.

Разумов переставляет длинные ноги, вышагивая на месте. При этом мультяшная фигура все же движется, и в кадр неспешно вползает кабина с двустворчатыми дверьми, в которой безошибочно угадывается лифт.

– Уверен, подобную передачу вы уже неоднократно смотрели дома вместе со своими родителями. – Профессор кивает, с пониманием разводя руками. – Но школьная программа предусматривает ежегодное закрепление пройденного материала. Поэтому сегодня мы еще раз повторим правила, знать которые обязан каждый. И в этом мне поспособствует мой верный товарищ и ассистент Помогалкин.

Он по-дружески подмигивает аудитории. Вторя этому чуточку хулиганскому жесту,

над двустворчатými дверьми вспыхивает ярко-желтый (из-за старости амбикарты он кажется тусклым и почти бесцветным) огонек светодиода.

– Просыпайся, Помогалкин, – приветствует профессор кабину, склоняясь над пультом вызова и говоря в специальные микрофоны. – Готов рассказать нашим юным зрителям свод правил?

Диоды на пульте мигают, а двери распахиваются. У нарисованного лифта вдруг вырастают забавные пухлые ножки и ручки. Над входом, где еще недавно виднелось узкое информационное табло, прорезаются глаза и широкая улыбка.

– Здравствуйте, профессор! Здравствуйте, дети! – Помогалкин жизнерадостно машет рукой, пританцовывая на месте. – То, что мы с профессором сейчас расскажем, должен знать каждый!

Разумов неспешно начинает. Помогая себе жестами, он вкратце описывает основные компоненты вызывного аппарата и перечисляет разнообразные коды доступа, которым издавна подчиняются кабины. Продемонстрировав сразу несколько протоколов вызова, профессор напоминает, что пока зрители не подросли, им запрещено пользоваться грузовыми, курьерскими и скоростными кабинами, а также пассажирскими и развлекательными – без сопровождения взрослых.

В амбивизоре, прямо над мультипликационным лифтом и мужчиной в шляпе, вспыхивает слово «Важно!». После чего оба персонажа с демонстративной строгостью грозят аудитории пальцами.

– Помните, дети, – со всей серьезностью произносит профессор Разумов, – после автоматического открывания дверей вы обязаны убедиться, что кабина находится прямо перед вами.

Вдруг мультяшный лифт хулиганисто отпрыгивает в сторону. Мужчина этого не замечает. Резко оборачивается, собираясь сделать шаг, но вовремя замирает на месте. Какое-то время Разумов балансирует на одной ноге, словно стоит на краю обрыва. Затем восстанавливает равновесие, укоризненно грозя Помогалкину пальцем. Тот виновато пожимает «плечами» и объясняет, что техника, даже самая разумная, не застрахована от накладок.

– Для того и нужны правила! – назидательно добавляет лифт, поворачиваясь к зрителям.

– Верно, мой славный помощник! Войдя в кабину, установите желаемый протокол, – продолжает Разумов, похлопав по выпуклой дверце-пузу. – Выберите пункт назначения, после чего лифт приступит к выполнению предписанной программы. Двери закроются автоматически, кабина придет в движение. Если же протокол неверен или необходимых полномочий у вас нет, лифт сам вступит с вами в аудиальный контакт, указав на это и не позволив нарушить закон.

Помогалкин мягко закрывает створки, подмигивает детям и со смешным звуком перепрыгивает через профессора, снова оказываясь у него за спиной. Наклоняясь вперед, лифт делает вид, что чешет несуществующую макушку.

– Но что делать, если протокол верен и подтвержден, после его ввода двери закрылись, а кабина не пришла в движение? – озадаченно спрашивает он, с надеждой глядя на мужчину.

– Тогда вам следует ввести протокол открытия дверей и немедленно покинуть лифт, – поправляя нарисованную шляпу, со знанием дела отвечает ему нарисованный Разумов. – Если вам не удалось установить с кабиной голосовой контакт или какой-то из протоколов не выполнен, пользоваться неисправным лифтом строго запрещено!

Помогалкин вскидывает вверх указательный палец, словно вдруг все понял. На «лице» его сияет улыбка. Все еще торжествуя, пузатый персонаж добавляет:

– Помните, что при поездке взрослых с детьми первыми в кабину должны входить взрослые, а уже затем – дети. – Над головами героев передачи появляются несколько объемных значков, иллюстрирующих правила. Некоторые символы перечеркнуты красной линией. – При выходе первыми должны идти дети.

– Совершенно верно, Помогалкин! – хвалит его профессор. – Если же неисправность застала вас в пути, введите протокол вызова технического персонала. Сообщите необходимую информацию диспетчеру и точно выполняйте его указания.

– Да-да, – торопливо кивает лифт, подчеркивая важность момента, и машет рукой. – Ни в коем случае не пытайтесь покинуть неисправную кабину самостоятельно и не позволяйте делать этого сопровождающим вас взрослым!

– Умница, Помогалкин! Ты абсолютно прав! – Разумов сияет, крайне довольный своим помощником. – А еще, дети, вы должны помнить, чего нельзя делать при работе с нашими верными помощниками.

Он заглядывает в планшет, словно вдруг запомнил лекцию. Над его головой начинают вспыхивать сопроводительные пиктограммы, наглядные и простые.

– Детям дошкольного возраста запрещено пользоваться лифтом без сопровождения взрослых! – говорит мужчина, указывая на значок, замигавший над шляпой. Помогалкин, иллюстрируя запрет, скрещивает на пузатой груди руки, словно перечеркивая вход в кабину. – Также пользование лифтом запрещено, если кабина задымлена или в ней ощущается запах гари.

Из закрытых створок Помогалкина начинает сочиться карикатурный дымок, а сам ассистент принимается смешно бегать вокруг профессора, размахивая руками.

– Также в пассажирских кабинах, которыми в ближайшие несколько лет вы научитесь пользоваться, – продолжает Разумов, сильно дунув на помощника и вихрем мультяшного ветерка затушив пожар, – запрещено перевозить взрывоопасные, легковоспламеняющиеся и ядовитые грузы. Для этого существуют особенные лифты, специально подготовленные к таким видам перевозок.

На «голове» Помогалкина появляется каска, а на руках – здоровенные синие резиновые перчатки. Он наставительно обращается к зрителям, снова поднимая вверх бледно-синий палец.

– Если вы заметили, что кто-то из взрослых нарушает данное правило, немедленно свяжитесь с диспетчером через пульт протокольного доступа и сообщите о правонарушении! – говорит лифт, и профессор согласно кивает в ответ.

– Также вы можете сделать взрослым замечание, – добавляет Разумов, – если кто-то из них, забывшись, вталкивает в кабину или вывозит из нее коляску с ребенком внутри.

– Конечно! – подхватывает Помогалкин. – В момент входа в кабину и выхода из нее маленькие дети должны находиться на руках у взрослых!

– Именно так, Помогалкин, ты молодец! – хвалит его профессор, удовлетворенно кивая и призывая аудиторию оценить отменную сообразительность своего помощника. – А еще вы должны внимательно следить за индикаторами перегрузки кабины. И никогда – слышите меня? никогда! – не пытайтесь вручную открывать двери лифта, даже если тот неисправен и не отвечает на попытки установления голосового контакта!

За спинами ведущих начинают появляться новые мультипликационные лифты. Толстые и тонкие, массивные и хрупкие, многоместные и совсем тесные – они входят в кадр и окружают Разумова и Помогалкина кольцом. Стоят смирно, молча и приветливо глядя на юных зрителей.

– Помните, дети! – Разумов кивает каждому, кто сидит в школьном зале для просмотра учебных программ. – Лифт никогда не навредит человеку и не пойдет против его воли, если верны полномочия доступа и согласованные с администрацией протоколы.

Мультипликационные лифты вокруг мужчины улыбаются. На них можно заметить самые различные маркировки и аббревиатуры. Тут и скоростные гонщики, и курьеры, и тяжелые транспортники – скопление машин символизирует единство человека и его творений.

– И главное, ребята! – Профессор снимает шляпу, обводя широким жестом окружившие его кабины. – Помните, лифты нужно беречь. Они не только наши верные помощники. Они наши самые преданные друзья, без которых городская жизнь была бы

гораздо сложнее! Берегите лифты. Будьте с ними вежливы, аккуратны и законопослушны, и они отплатят вам заботой и любовью!

Вся сотня кабин на смешных ножках, собравшаяся вокруг профессора и его ассистента, поднимает руки. Улыбаясь, нарисованные механизмы приветливо машут школьникам, словно подтверждая произнесенные напоследок слова.

Картинка начинает темнеть. Еще раз вспыхивает объемный значок Гильдии, мелькает надпись «конец учебного пособия». После чего амбиграфические проекторы затухают, и в уютном зрительном зале медленно загорается свет.

Вступление

Эта история произошла давным-давно в далеком-предалеком будущем. Может быть, она и вовсе не происходила, но тогда вы имеете все основания поинтересоваться, откуда же мне известны ее подробности? Выходит, она все же произошла? Пожалуй... Сложно установить, когда и где именно, но это факт. Я попробую рассказать вам эту увлекательную историю, не упустив ни единой детали. И уже вам самим решать, насколько она правдоподобна.

Все началось с того, что герои истории решили отправиться из дома за своим отцом и оказались в довольно зловещем месте, куда их привез Лифт Высокого класса. Кто знает, произошли бы все эти мрачные, но захватывающие события, если бы дети были послушны и всегда следовали правилам взрослых? Наверное, не произошли бы. Но известно даже малышам: прелесть любой истории заключается в том, что она всегда начинается с чего-то манящего, а подчас даже запретного. Хотя тут мы излишне забегаем вперед, и наперво стоит рассказать еще кое о чем...

Спасгород существовал испокон веков. С незапамятных времен, сколько себя помнили населявшие его люди. Так утверждали все без исключения взрослые, об этом писалось в толстенных учебниках истории, об этом авторитетно рассуждали мудрые жители верхних ярусов Спасгорода, которых в остальном городе называли Смотрителями.

Он был вечен и велик – город, носящий такое спокойное и красивое название. Прочно опираясь на земную твердь, он шпилем возносился к невидимым небесам. Впрочем, вполне возможно, никуда он не возносился, а вообще скрывался под землей на многие и многие этажи. Но одно я знаю точно – никто не мог с уверенностью определить, какого размера был огромный цилиндр (для легкости повествования мы будем именовать его башней), населенный сотнями тысяч (а может, и миллионами) людей.

Я говорю – никто не мог с уверенностью определить его размеров, – потому что для этого необходимо было выйти за стены Спасгорода и окинуть его хотя бы одним-единственным взглядом. Но это было попросту невозможно. Потому что за стенами города царила страшная опасность, подстерегающая всякого, кто мог бы попытаться покинуть внутренний периметр. Подтверждая значение этой опасности, город-башня не имел ни одного окна или внешней двери. Потому что окно (в отличие от крепкой металлической стены) не всегда способно уберечь тех, кто внутри, от того, что находится снаружи.

Но живущие в безопасности Спасгорода люди ни капельки не расстраивались по поводу отсутствия окон – свет им дарил самый мощный в мире прожектор под названием Светоч-ЗСИ-2, чьи лучи проникали на каждый без исключения ярус. Погасая через равные промежутки времени, этот замечательный прибор сообщал горожанам, что наступает ночь и пора укладываться спать. Именно поэтому, как и у нас с вами, у жителей города существовали понятия день и ночь, утро и вечер, время полдника или же полночь.

Не было в Спасгороде проблем и с чистым воздухом. Его давал городу еще один любопытный прибор. Он носил красивое имя Поток-ЗВИ-4 и день за днем наполнял просторные этажи чистым вкусным воздухом, температуру которого можно было легко регулировать в зависимости от задачи. Например, на *полянах* с оранжереями, где фермеры выращивали картошку, клубнику, помидоры, зеленый лук и еще целую кучу нужных и

полезных продуктов, температура всегда была высокой. А чуть выше, на этаже Снежные Склоны, где для детей и взрослых работали прекрасный ледяной каток и лыжные трассы, было холодно, будто настоящей зимой.

Нужно сказать, что различные приборы, станки и вообще механизмы неоценимо облегчали горожанам жизнь. Специальные перерабатывающие установки давали чистую воду, кухонные комбайны и печи помогали готовить еду, многоместные самокаты возили пассажиров по территориям ярусов. А специальная информационная сеть позволяла смотреть по амбивизорам (это почти как телевизоры, только картинка объемная и проецируется в специальную коробку) хорошие фильмы и новостные передачи.

Но первыми среди первых и лучшими среди лучших из всех помощников человека в городе издревле оставались Лифты. Пассажирские и грузовые, Высокого, Среднего и Низкого классов, неторопливые и скоростные, стеклянные и похожие на железные бочки – они были повсюду и везде. И это справедливо, ведь без Лифтов в городе, похожем на огромный цилиндр, было бы невозможно перемещаться между этажами. С их помощью люди отправлялись из жилых кварталов на работу и возвращались с нее. Возили свои семьи в магазины и на ярмарки. Ездили в гости к друзьям с других полей или катались отдыхать в Зеленые Зоны, где росли удивительной красоты деревья и цветы.

Однако стоит помнить, что Лифты Спасгорода не были обыкновенными кабинами, бездумно перемещавшими людей с этажа на этаж. Они были разумны и мудры. Да-да, именно так – разумны, способны разговаривать и весьма умны. Они определяли размеренный и отлаженный ход жизни Спасгорода.

Ни один из них (даже самый любопытный и разговорчивый) никогда бы не отвез убежавшего из дома шалуна на этаж с рабочими цехами, где детям опасно находиться. Ни один из них (даже самый деловой и торопливый) не позволил бы нарушить правила транспортировки различных грузов. Ни один из них (даже самый избалованный и себе на уме) не повез бы бездельников в парк аттракционов, пока не окончен рабочий день. Лифты помогали людям, они жили с ними бок о бок, и люди платили Лифтам уважением и заботой.

Именно для заботы о Лифтах еще в стародавние времена на верхних этажах Спасгорода, где размещались ремонтные цеха, была создана Гильдия Смотрителей. Эти трудолюбивые и умные люди чинили Лифты, смазывали их моторы, настраивали центральные процессоры, чистили кабины и иногда модернизировали устаревавшие модели. За это Смотрителей очень-очень уважали в городе, обязательно прислушивались к их мнению и старались всячески помогать их нужной и важной работе.

Да-да, вы верно догадались – в точности с одним из таких уникальных Лифтов и связано начало нашей истории! Впрочем, не только начало, но не станем забегать вперед. Как мы и договорились, давайте рассказывать по порядку...

Глава 1, в которой люди и Лифты нарушают установленные правила, а кое-кто отправляется в неожиданное и довольно рискованное путешествие

Это был самый обычный и ничем не примечательный день, один в один похожий и на вчерашний, и на позавчерашний. Эрудированный читатель, конечно, знает, что именно в такие ничем не выдающиеся дни и начинаются самые интересные приключения...

Так вот, день был заурядным, не предвещал ничего удивительного и лишь напоминал, что до выходных осталось всего два таких же непримечательных учебных денечка. Утро началось, как всегда, с яркого луча Светоча, сквозь оконные стекла и прозрачные зеленые занавески проникшего в дом наших юных героев. В добротный и симпатичный двухэтажный дом под красной черепицей, что располагался на ярусе Заботинск и входил в один из кварталов целого поселка таких же симпатичных и крепких домов, в которых жили механики и их семьи...

Наверное, мне нужно пояснить, как это двухэтажный дом уместился всего на одном этаже Спасгорода? Все дело в том, что городские ярусы, которые в башне с давних пор называли «полянами», были гораздо выше, чем привычные всем нам этажи домов или магазинов. Например, расстояние от пола до потолка было таким большим, что в него легко вместились бы огромная «десятиэтажка».

Древние строители Спасгорода специально устроили все именно так – слишком низкая крыша поляны напоминала бы людям о мрачных пещерах или катакомбах, заставляя грустить и злиться без повода, а высокие своды радовали глаз. Несомненно, даже самый высокий потолок не мог быть похож на небо, каким его знаем мы с вами. Но старинные зодчие сделали все, что могли. А могли они многое – и потому под сводами голубого цвета часто парили искусственные облака, очень похожие на настоящие.

Чтобы не избавляться от этой приятной иллюзии живого небосклона, городские власти (большую часть которых составляли мудрые Смотрители) издали закон, запрещающий строительство зданий выше четырех «обычных» этажей. Именно поэтому все жилые поселки Спасгорода, на какой бы поляне они ни располагались, больше напоминали уютные деревеньки или крохотные городки, застроенные невысокими домиками с разноцветными черепичными крышами.

Теперь продолжим...

Отраженный хитроумной системой сотен зеркал, установленных под высоким потолком, ослепительный взор Светоча разлился по поселку. Точнехонько в эту же секунду почти во всех домах заиграли свои жизнерадостные мелодии будильники, поднимая взрослых на работу, а детей в школу. Распахивались окна, чтобы впустить в комнаты потоки свежего воздуха и выгнать остатки сна. Захлопали двери, когда уже проснувшиеся поселчане вышли во внутренние дворы своих домов, чтобы сделать обязательную зарядку. Включалась музыка, где-то свистел чайник. И в этих звуках, привычных и родных, было что-то столь уютное и домашнее, что хотелось улыбаться друг другу и желать всем доброго утра.

Страхивая с лица последние паутинки сна, в ванную комнату для взрослых босиком прошлепал отец семейства – высокий и статный Петр Петрович, механик третьего (почти самого высокого) разряда, имеющий доступ даже к ремонту водоочистительных резервуаров. Как всегда по утрам, привычно задержавшись у дверей детских комнат, он строго и многозначительно постучал по деревянному косяку, напоминая соням, что утро уже наступило. В ответ из-за дверей донеслось привычное утреннее мычание, после чего вновь воцарилась тишина.

Конечно же, дети Петра Петровича просыпались не сразу, как и все дети в мире, не желая покидать теплых постелей и честно убеждая себя, что обязательно встанут ровно через пятнадцать минут. Так они и нежились в кроватях, пока в ванной шумела вода. Однако когда на обратном пути Петр Петрович уже готовился вновь постучать, на этот раз еще более решительно, на пол полетело сразу три детских одеяла. С визгом, топотом и смехом из комнаты выскочили двое мальчишек, похожих друг на друга, словно зеркальные отражения. Сейчас, когда они в буквальном смысле слова застряли в дверном проеме, хватаясь за рукава, отпихиваясь локтями и пытаясь как можно скорее попасть в коридор, Петр Петрович мог различить их лишь по цвету пижам.

Одновременно из комнаты напротив, ни с кем не толкаясь, но столь же радостно визжа, выскочила девчонка. И даже одного взгляда на эту девочку хватало, чтобы с точностью утверждать, что она приходилась мальчишкам не просто сестрой – она была похожа на них, как похожи цветы с одной лесной полянки. Разве что ее лицо, коленки и локти не украшали многочисленные ссадины и порезы, но ведь на то она и была девочкой, не так ли?

– Доброе утро, Настенька, – только и успел сказать Петр Петрович, отступая в сторону, чтобы не быть стоптанным во время традиционной утренней гонки.

– Привет, па! – Опередив мальчишек ровно на волосок, девочка по имени Настя первой ворвалась в детскую ванную комнату, захлопнув дверь прямо перед носами обоих.

– Ну вот, это из-за тебя продули! – Тот, что носил красную пижаму, беззлобно ущипнул

брата за плечо.

– Если бы ты не так торопился выиграть, мы бы не продули! – Второй мальчик, одетый в зеленое, несильно толкнул брата в грудь и прислонился к стене, протирая сонные глаза. – Опять ее дурацкие учебники в школу тащить... Доброе утро, пап!

Только сейчас заметив в коридоре Петра Петровича, мальчики улыбнулись отцу.

– Доброе утро, разбойники... – Тот потрепал обоих по давно не стриженным белобрысым макушкам. – Умывайтесь скорее, пора на зарядку. Мама сегодня вернется чуть пораньше, так что завтракать сядем вместе...

– Круто! – Радостно подпрыгнул на месте мальчик, одетый в красную пижаму.

– Здорово, – сквозь зевоту согласно протянул его брат, после чего оба поплелись в сторону второй ванной комнаты.

– Готовьтесь отрабатывать, неудачники! – Сквозь закрытую дверь донесся до них голос сестры, после чего девочка зашлась залихватистым смехом. – У меня сегодня целых четыре предмета!

– Настенька! – Петр Петрович уже спускался на первый этаж дома. – Не груби братьям. Витя, Дима, жду вас на улице...

– Давай быстрее, Витька! – Мальчик в красной пижаме оглянулся на дверь, за которой все еще посмеивалась сестра. – А то она еще и на зарядку быстрее нас успеет...

– Спешить тоже надо уметь, – многозначительно произнес его брат, поднимая вверх указательный палец, после чего склонился над раковиной и включил кран.

После того, как оба близнеца потратили запас отведенной на утреннее умывание воды и прополоскали рты специальным средством для чистки и укрепления зубов, они спустились в гостиную. Настя, к явному неудовольствию обоих, уже ждала там.

– Ну что, копуши, марш на улицу. Да про тапочки не забудьте, – перехватывая резинкой свои длинные светлые волосы в хвост, командирским тоном приказала она. И легким шагом, больше не оглядываясь на мальчиков, вышла во двор через заднюю дверь.

Несмотря на абсолютно одинаковый возраст, сестра подчас вела себя так, словно на самом деле была старше братьев как минимум на два года. В этом ей помогал и рост – ровесница и точная копия братьев, она была все же на несколько сантиметров выше. Чем все чаще пользовалась, надменно поглядывая на мальчишек сверху вниз.

– Раскомандовалась, понимаешь... Без тебя бы не разобрались, – негромко проворчал Димка себе под нос, но обулся у порога и послушно последовал за Настей.

– Пусть себе командует, завтра точно мы выиграем, – прошептал ему Витька, словно был полностью уверен в своих словах, тоже выходя под теплые потоки Светоча.

Вообще-то, в этом месте нашей истории я хотел бы отдельно отметить, что два брата и сестра жили очень дружно. Гораздо дружнее других братьев и сестер с их улицы, да и вообще из поселка механиков. Близнецы, предельно похожие внешне, но очень разные по характеру, искренне упивались общением друг с другом, не расставаясь ни в школе, ни на улице, ни в проделках. Уже не совсем дети, но еще и не помышлявшие о скором взрослении подростки, сейчас они – все трое – находились в том замечательном возрасте, когда нет ничего дороже крепкой дружбы и братской поддержки. А потому если в семье Петра Петровича между детьми и происходили ссоры, они никогда не были шумными или длительными, а любое соперничество протекало благородно и по неписанным семейным правилам.

Стоя на внутреннем дворе своего крохотного уютного дома, который Спасгород дарил каждому жителю в зависимости от профессии и таланта, все четверо сделали короткую эффективную зарядку.

Поселок продолжал просыпаться, а в сторону рабочих Лифтов уже уходили ранние многоместные самокаты. Скоро они доставят в цеха первые партии механиков, через какое-то время вернувшись за второй сменой, в которую входил и Петр Петрович. То здесь, то там лучи Светоча бликовали на хромированных шахтах многочисленных Лифтов, похожих на сотни труб, исчезающих в облаках, чтобы подпереть светло-голубой лист крыши над

поляной. Из соседнего дома лилась приятная музыка, где-то через улицу женщина кричала собиравшимся в школу детям, чтобы не забыли тетради.

Весело болтая друг с другом, Петр Петрович и его дети вошли в дом. А здесь, к радости и удивлению всех, их уже ждала мама, возвратившаяся с работы. Настя первой кинулась в ее объятия, заботливо интересуясь, не устала, не заболела ли она. Петр Петрович обнял и ласково поцеловал жену, а сыновья, пусть и с легким недовольством, также получили по одному материнскому поцелую в щеку. Беззлобно кривляясь, Витя и Дима переглянулись, но ничего не сказали – если поцелуй мамы при сверстниках из школы уже становился для них ненужной обузой, то дома они не могли отказать ей в таком проявлении нежности.

– Уф, как же я устала, – объявила Юлия Николаевна, опускаясь на удобный пуф у входных дверей и расстегивая сандалии. – Сейчас лишь бы перекусить, и на боковую... Какие пожелания на ужин?

Сколько бы ни навалилось работы, как бы сложно ни прошла ночь, мама всегда выглядела жизнерадостной и полной сил. Одной-единственной улыбкой она разгоняла любые тучи. Вот и сейчас, одетая в легкое желтое платье и белую накидку в горошек, женщина казалась едва ли не живым воплощением частички Светоча, пришедшей в их дом.

Настя начала о чем-то увлеченно рассказывать, Петр Петрович поинтересовался возможностью приготовления картофельного рагу, а мальчики хором затребовали грибной пирог. Юлия Николаевна рассмеялась и сказала, что постарается что-нибудь придумать. Такие беседы по утрам в будни являлись частью семейного ритуала и по-своему дарили уверенность в будущем.

Вероятно, вы удивлены, что Юлия Николаевна пришла с работы именно рано утром, когда ее дети и муж только просыпались, чтобы позавтракать? Но дело в том, что она работала в ночную смену, а это позволяло получать неплохую прибавку к жалованью. Однако на самом деле причина крылась вовсе не в жаловании – просто предприятие, на котором трудилась мама Насти, Димы и Вити, работало только в ночном режиме, когда энергия Светоча была уже не нужна людям и распределялась на других обитателей Спасгорода. Предприятие это было довольно секретным, опасным и хорошо охраняемым, а доступ на его поляну осуществлялся всего несколькими Специальными Лифтами.

Изолированность фабрики, сложный доступ сотрудника на свое рабочее место, многократная обработка одежды и кожи различными химическими составами – все это было жизненно необходимо, потому что Юлия Николаевна работала на животноводческой ферме, способной как прокормить целую часть города, так и уничтожить ее... И как бы ни отговаривал муж, ни волновались дети и ни нашептывали «советы» соседки, Юлия Николаевна не боялась работать с потенциально опасными животными.

– Лифты уберегут, – не уставала повторять она раз за разом любимую поговорку и улыбалась, как будто на свете вообще не могло произойти ничего страшного. – А если Лифт не выдаст, то и Птица не унесет!

А потому ночь за ночью она бесстрашно уходила работать в коровники на нижних полянах, откуда такие же бесстрашные специалисты поставляли в магазины города молоко, мясо, творог или сыр. Возвращалась утром, оставляя усталость за ярко-белым палисадом, потом спала до обеда, после чего хлопотала по дому, готовя ужин или прибираясь...

– Садитесь завтракать! – Довольно скоро этот клич звонко разлетелся по комнатам дома, и вся семья дружно собралась за столом на кухне.

На этот раз домочадцы успели переодеться – братья и сестра были одеты в одинаковые черно-желтые рубашки и просторные штаны, а их отец натянул выдавший виды, но еще добротный рабочий комбинезон.

Дети толкались, обмениваясь шутками. Петр Петрович был, как обычно, сосредоточен и погружен в себя – водрузив на кончик носа крохотные круглые очки, он читал утренний газетный листок, ночью вложенный в их почтовый ящик. И только мама – светлая и улыбкавая, порхала над всеми, расставляя тарелки с кашей, накладывая румяные оладьи и наливая в кружки дымящийся чай.

– А нашей смене на работе премию дают, говядины три килограмма, – продолжала хлопотать она, с улыбкой наблюдая, с каким аппетитом едят дети. – На выходных приготовим жаркое, да еще на суп и холодец останется. Кушай, Витенька, возьми еще оладушку...

– Спасибо, ма, я уже наелся...

Но тут их застольный разговор прервал Петр Петрович, обернувшийся к радиоприемнику на тумбе.

– А ну-ка, семейство, потише...

Привстал со стула. Провел пальцем по засаленной сенсорной панели, с усилием делая громче, и старенький крохотный передатчик забормотал чуть разборчивее. Радио в Спасгороде было одно, зато хорошее – каждый час по нему передавали новости, крутили современные и старинные песни, а по вечерам транслировали интересные интервью с самыми разными жителями города – от строителей до профессиональных электриков.

– К остальным новостям... – Чуть искаженный помехами, голос диктора был приятен и глубок. – Минувшей ночью в районе Нижнего Шлюза была перехвачена стая крыс, пытавшаяся пробраться на поверхность поляны Черемухин. На безопасном расстоянии вредители были уничтожены специальной группой быстрого реагирования Лифтов Скоростного Назначения, место контакта оцеплено и продезинфицировано. Как сообщили нашей редакции в пресс-центре Гильдии Смотрителей, операция была проведена быстро, эффективно и не оставила крысам ни единого шанса на успех...

– А почему нужно де-зин-фи-цировать место столкновения с крысами?

Настя внимательно выговорила громоздкое слово по слогам, обернувшись к отцу. Но вместо Петра Петровича ей ответил Витя.

– Потому что крысы, как и живущие за стенами города пернатые, переносят заразу, часто смертельно опасную для человека, – поучительно сказал он, прихлебывая чай. – Особенно, если крысы идут со Свалки, что под Нижними Шлюзами.

– Совершенно верно, – папа кивнул, подтверждая произнесенные мальчиком слова, но Насте этого показалось мало.

– А нам на уроках до сих пор изображение крысы не показывали... – Теперь она говорила с обидой, будто ей на самом деле не терпелось изучить этих страшных созданий. – Дескать, только через два класса можно будет...

– И правильно! – вмешалась в разговор мама, убирая со стола пустые тарелки. – Нечего на всякие ужасы смотреть. Вот подрастете, тогда вам в школе про крыс и червей больше расскажут...

И она многозначительно посмотрела на мужа, ответившего ей тем же. Ну, вы, вероятно, знаете такой тип взгляда, которым взрослые обычно обмениваются в присутствии детей. Ничего плохого в нем нет, если не считать плохим тот оттенок легкого высокомерия, которым старшие пытаются в очередной раз доказать себе, что понимают многим больше подрастающего поколения.

Витя и Настя, заметившие эту переглядку, украдкой улыбнулись друг другу. А Димка и вовсе ничего не понял, увлеченно дожевывая оладью.

– Ну все, дорогие мои, пожелайте маме спокойного сна. – И Юлия Николаевна, несмотря на мученические гримасы сыновей, еще раз поцеловала всех своих детей в щеку. – В школе не шалите! Как вернетесь, найдите перекусить в холодильном отсеке, там бутерброды с шоколадным маслом. Настя, проследи, пожалуйста, чтобы братья поели и умылись.

– Конечно, мама. Хорошего отдыха – алмазы в сон, Птицы вон!

– Спасибо, любимые.

И она легкой походкой отправилась наверх, чтобы запереться в спальне и позволить усталости наконец-то победить себя, укрыв одеялом сна.

Не отрываясь от новостного листка, Петр Петрович составил грязную посуду в моечное отделение, на ощупь вынул из шкафчика синюю овальную капсулу. Вложив ее в окно

пневматического передатчика, он закрыл заслонку, и медная труба с легким хлопком всосала депешу, по скрытым каналам неся ее в Ратушу поселка. Именно оттуда, после рассмотрения запроса, семье Петра Петровича будет выписано разрешение получить новую порцию технической воды для бытовых нужд.

Дети в это время разошлись по своим комнатам, собирая школьные сумки.

– Четыре предмета, неудачники, не забыли? – С улыбкой победителя Настя появилась на пороге мальчишеской комнаты, держа в руках стопку учебников. – Кто понесет?

– Давай пополам, что уж...

Димка, не скрывая разочарования, шмыгнул носом и забрал книги у сестры. Отдал два учебника (что потоньше и полегче) брату, остальные засунул в свой ранец. Это ежеутреннее состязание было предельно честным – встававший позже всех и опаздывающий в детскую ванную комнату тащил учебники победителя. В этот раз проигравшим (как чаще всего и бывало) оказался Витя, но Димка никогда не позволял брату самостоятельно нести бремя проигрыша.

– Введение в гидропонику. Начальный курс, – прочитал он на одной из обложек. – Ну и ерунду преподают девчонкам...

– И вовсе не ерунда, – вдруг обиделась Настя, упирая руки в бока, – это очень полезная и жизненно необходимая Спасгороду наука. Софья Павловна говорит, что, если в городе не останется специалистов по гидропонике, может начаться голод!

– Ой, можно подумать, – с дерзкой усмешкой фыркнул Димка, но учебник в сумку убрал. – А вот у нас сегодня токарное искусство, это Спасгороду куда нужнее...

– Тсс, – вдруг произнес Витя, прикладывая указательный палец к губам.

Спорщики разом замолчали. Потому что если их брат, слывший тихоней и умником, внезапно говорил «тсс», это означало что-то исключительно важное. А если повезет, то и жутко интересное – идеи Вити еще никогда не обманывали ожиданий остальных. Вот и сейчас он застыл у окна, даже не зашнуровав ранец, и будто бы к чему-то прислушивался.

– Что такое? – невольно заговорив шепотом, спросил Дима, которого мгновенно начало распирать от азарта и нетерпения.

– Слышали? – Витя повернулся к сестре. – Самокат к дому подъехал.

Отложив учебники на стул, он встал сбоку от окна, выглядывая из-за занавески.

– Точно самокат, – он кивнул со знанием дела. – Легковой, одноместный! Красивый какой, смотрите!

Но ни Димку, ни Настю не нужно было принуждать посмотреть на самодвижущийся аппарат, припарковавшийся возле ограды их дома. Подскочив к брату, они жадно уставились в окно, невольно задерживая дыхание.

В этот момент (полагаю, меня многие поймут) в трех детских сердцах разгоралось что-то, с трудом поддающееся описанию. Что-то безусловно жгучее, кипучее, стремящееся на волю. С волнением разглядывая темно-синюю машину у калитки, они в очередной раз ощутили ту невидимую, но очень прочную связь, что сковывает всех близнецов на свете. Не в силах объяснить словами, отчего так участилось их дыхание, они не совсем понимали, что происходит. Но уже точно знали, что стали свидетелями чего-то очень необычного.

Да, именно так в детских сердцах и рождается приключение, способное навсегда изменить жизни. И хвала всем добрым силам в мире, если это приключение завершается лишь разбитыми коленками, родительским выговором или замечаниями от учителей...

Но сейчас, замерев у окна и прильнув друг к другу, ребята не думали о неприятностях. Они вообще ни о чем не думали в ту минуту, кроме как о компактном трехколесном самокате у калитки. Вправду красивого темно-синего цвета (как и сказал Витька), поблескивающий лаком, вытянутый и обтекаемый, он был само совершенство.

– Ух ты, – только и вымолвил Димка, едва не выдавив стекло лбом.

– Вот это самокат... Больших денег стоит, – важно прошептала Настя, нависая над братом и тоже касаясь лицом прохладного окна. – Может, это и не к нам вовсе? Столько чести...

– Да, ты права, важный человек пожаловал, – согласился Витя, кивая. – Из Ратуши, не иначе.

Словно в ответ на его слова, единственная дверца самоката открылась, выпуская водителя, и дети разом охнули, зачарованные плавными движениями приехавшего. Но больше всего их впечатлило то, что его высокая фигура была полностью скрыта темно-серой хламидой из мягкой струящейся ткани. Из-под необычной одежды не виднелись ни руки, ни носки ботинок, ни голова, спрятанная под широким капюшоном.

Аккуратно прикрыв дверцу самоката, долговязая фигура в плаще направилась к калитке.

– Нет, это точно к нам, – прошептал Витька.

И все трое, не сговариваясь, ринулись к выходу из комнаты.

На цыпочках, чтобы не скрипнули предательские половицы, они прокрались по коридору, достигнув лестницы чуть ли не ползком. Первым шел Димка, самый быстрый и юркий из всех. За ним кралась сестра, и замыкал шествие Виктор.

Распластавшись у перил лестницы так, чтобы не было видно снизу, дети замерли, боясь шелохнуться или вздохнуть. Ведь известно почти любому, сколь захватывающим, хоть и некрасивым делом является подслушивание разговоров, которые ведут взрослые...

Конечно, все трое знали, что им крепко попадет от отца, если тот заметит. Но победа над жгучим любопытством казалась невыполнимой задачей. А потому они разрывались на части от страха и волнения, ожидая увидеть того, кто сейчас войдет через парадный вход. Каково же было удивление близнецов, когда они услышали, как не громко, но отчетливо стукнула задняя дверь. Да-да, та самая, через которую они каждое утро выходили в сад на зарядку. Но самым любопытным стало то, что вслед за этим стуком в доме наступила полная тишина, не нарушаемая ни звуком шагов, ни разговорами. А это в свою очередь означало, что не гость вошел к ним в дом, а Петр Петрович лично вышел, чтобы встретить того во внутреннем дворе.

Переглянувшись, Димка и Настя уставились на Виктора, словно ожидая от него принятия ответственного решения.

– Идите за мной, только тихо! – сурово прошептал Витя, уже это решение принявший.

Теперь, когда утренний визит важного чиновника стал еще более интригующим, они никак не имели права отказать себе в любопытстве. Даже если для этого придется опоздать на специальный многоместный самокат и потом добираться до школы пешком через весь поселок.

Осторожно переступая по ступенькам босыми ногами, дети спустились в холл первого этажа. Пригибаясь, чтобы их случайно не заметили снаружи через окно кухни, прокрались к задней двери, выглядывая из-за шкафа. Зеленые полупрозрачные занавески частично мешали обзору, но сквозь них все равно было видно Петра Петровича и странного гостя в сером плаще.

Отец сидел на лавке возле стола, на котором семья иногда обедала по выходным, а его необычный гость стоял рядом. Было видно, что ведется беседа – человек в плаще кивал головой, а Петр Петрович время от времени что-то отвечал ему.

– Эх, приоткрыть бы дверь, – возмущенно прошептал Димка, глядя на беззвучно шевелящиеся губы отца.

– Из родительской спальни будет слышно, если окно распахнуть, – сокрушенно покачал головой Виктор, – но тогда мама проснется...

– Я, дело ясное, ничего такого не хочу сказать... – Настя вдруг потащила мальчиков за шкаф, разворачивая обоих к себе лицом. – Но если мы застрянем тут еще хоть ненадолго, точно опоздаем на уроки.

– Ой, Настюха, – Димка скривился, будто проглотил что-то кислое, – ну сколько можно твоих поучений?..

– Тсс, – вдруг повторил Витя второй раз за утро, и начавшийся спор был мгновенно прекращен. Забыв о школе, Настя и Дима вновь прильнули к занавеске. – Смотрите, они

куда-то собрались...

И правда, Петр Петрович неспешно вставал, отряхивая штанину и поднимая с лавки ярко-красную куртку механика. Незнакомец в плаще, словно решив не дожидаться его, направился к калитке.

— Куда это они? — Настя, казалось, теперь была взволнована не на шутку. — И маме ничего не сказали...

— Спорить готов, что не в цеха механиков, — азартно выпалил Димка. — Не стал бы начальник к папке приезжать, если бы потом ему все равно на работу! Эх, жалко, сейчас в самокат сядут, и не узнаем, куда поехали...

— Не сядут, — спокойно покачал головой Виктор, отодвигаясь от окна и наблюдая, как отец неторопливо направляется к выходу со двора. — Самокат одноместный, частный. Если куда-то вместе пойдут, то только пешком...

Все трое загадочно переглянулись, думая об одном и том же. Словно заговорщики, они стояли за шкафом на своей небольшой, но удобной кухне, а в воздухе между ними зрело что-то интересное, хотя и не совсем соответствующее правилам хорошего поведения.

— В школу точно опоздаем, — наконец озвучила общие мысли сестра. — Влетит. Все знают, что это против устава — прогулять можно только по болезни или если записка от родителей есть.

— А мы соврем, — беспечно ответил ей Димка, продолжающий мельком поглядывать в окно. — Давайте быстрее что-то решать! А то уйдут, и все зря...

— Давайте, — совершенно серьезно кивнул Виктор, потирая переносицу. — Идем за ними, если никто не против. Узнаем, что за шишка пожаловала, вдруг увидим что-то интересное...

— Или секретное! — не удержался Дима, чуть не подпрыгнув на месте.

— Может быть, — спокойно согласился его брат, — но потом сразу в школу. Там придумаем что-нибудь, беру на себя...

— Витька, ну ты-то куда? — Демонстративно нахмурившись, Настя попробовала спорить, хотя глаза ее горели предвкушением, выдавая истинные чувства. — Ну ладно, Димка — он шалопай. Но ты-то как можешь о прогулах думать? Правила поселка, да и все законы Спасгорода предписывают...

— Я сильно сомневаюсь, что папа отправился на работу. — Расцветая своей мягкой, обезоруживающей, но в то же время победоносной улыбкой, Витька посмотрел на сестру. — А это значит, что правила хоть иногда, но можно нарушать, разве нет?

— А вдруг поймают? — не унималась сестра.

— Сошлемся на папку, он не выдаст, — радостно подхватил Димка, теперь понимая, куда клонит брат. — Здорово придумал, Витька! Бежим!

Второй раз просить не пришлось никого.

Толкаясь и хихикая, все трое рванулись в коридор, торопливо застегивая липучие замки высоких удобных ботинок, входивших в состав школьной формы.

Наспех обувшись и похватав с вешалки черно-желтые куртки, выскочили в дверь. Да-да, выскочили, даже не заперев ее на замок, потому что в Спасгороде это было не принято. Жуликов в добропорядочных районах не водилось, проспекты патрулировала служба урядников, правила этикета и поведения соблюдались горожанами неукоснительно, а потому задвижки, защелки и замки в городе использовались крайне редко.

Итак, они выскочили из своего милого двухэтажного дома, обнесенного невысоким белоснежным заборчиком. Витя, как обычно, медлил, прыгая на одной ноге и пытаясь заправить в ботинок непослушную липучку, и Димке пришлось сбавить скорость, придерживая брата за локоть. Именно поэтому первой у калитки оказалась сестра, недовольно зашипевшая на отставших:

— Быстрее, копуши! Они уже добрались до поворота!

И девочка выскочила на улицу, зачарованно глядя на блестящий обтекаемый самокат, стоявший в двух шагах от забора.

— Красота какая! — Димка лихо присвистнул, чем вызвал у брата очередной приступ

белой зависти – сколько Виктор не пытался, он никак не мог научиться так здорово свистеть. – Вот это тачка! Мне бы такую!

– Шикарный самокат. – Витя робко, словно боялся удара током, провел пальцем по лакированному темно-синему боку. – Как у Смотрителей.

– С чего это ты взял? – недоверчиво осведомилась Настя.

Она была слегка раздосадована заминкой. А еще тем, что мальчики знают о самодвижущейся технике чуть больше ее.

– А ты на номер посмотри, – рассудительно предложил Дмитрий, обходя самокат сзади.

Блестящий номерной знак на самом деле оказался необычным: «ГС-0002». Коротким, легко запоминающимся. Таких в поселковой Ратуше и впрямь не водилось, даже у самых-самых главных чиновников.

– И что Смотрителю делать у нас дома? – Интуитивно ощущая, что братья оказались правы, спорщица все равно недоверчиво хмыкнула, не спеша так вот сразу с этим мириться. – Сами-то верите в такое?

– Как знать, как знать... – пробормотал Витька, с восхищением изучая изгибы транспортного средства. – Папка-то в поселке не последний человек...

– Ну вы идете, или мне одной? – Теперь Настя почти сердилась, уперев руки в бока. – Так мы и школу прогуляем, и за дядькой этим не проследим!

С явным сожалением отвернувшись от новенькой самодвижущейся машины, на которой прикатил таинственный гость, мальчишки со всех ног припустили по улице, наконец-то хоть в чем-то обогнав сестру.

Упругие подошвы ботинок сочно шлепали по резино-асфальтовому покрытию, каким на жилых полянах Спасгорода застилали тротуары и проезжую часть. Редкие поселчане по одному или небольшими группами шли к пассажирским Лифтам, доставлявшим людей на рабочие поляны. Домохозяйки вывешивали сушиться белье. На троих детей, бегущих по улице поселка, никто не обращал внимания – по виду они всего лишь опаздывали на школьный транспорт.

Отец и его гость действительно почти добрались до поворота на центральную улицу. Именно оттуда дорога вела к пассажирской станции, нескольким шахтам грузовых Лифтов, а также красивому искусственному водоему, вокруг которого по вечерам любили гулять молодые мамы с колясками. Рассказывали, что там, в зеленоватой и чуть мутной воде, если долго всматриваться в нее с мостика, можно было заметить последних механизированных карпов, скрывающихся в глубине.

Стараясь держаться чуть поодаль, но не выпускать отца и незнакомца из поля зрения, дети сбавили шаг. Теперь они укрывались в тени домов на правой стороне улицы. И тут произошло странное. Вместо того чтобы направиться в центр поселка, где располагалась Ратуша или, в конце концов, Лифты Высокого класса, Петр Петрович и его спутник свернули влево. В совершенно противоположную сторону.

Ребята застыли на месте, тревожно переглядываясь.

– Если взрослые поймут нас на окраине, – Настя насупилась, – уже не сможем соврать, что спешили на остановку...

– Ничего, я тропки знаю, – с видом покровителя слабых улыбнулся Димка. – Там есть целый квартал домов. Пустующих, незаселенных. Их для новых специалистов резервируют. Между этими домами можно до самого Пустыря добраться!

– Не знаю... – протянула сестра, но тут в разговор вмешался Виктор, совершенно серьезно глядя на девочку.

– Настюха, ну посуди сама. Мы сбежали из дома, чтобы проследить за папой и его товарищем. Уже опоздали в школу, ничего не сказали маме. Разве можно в такой ситуации останавливаться на полдороге? – Он улыбнулся сестре. – Все равно же влетит...

На самом деле, если бы Настя в этот момент решила вернуться, братья послушались бы ее. Когда они делились идеями или предложениями, каждый имел право равноценного голоса. Но если сестра вдруг решала прекратить игру или какую-то шалость, споров не

возникало почти никогда.

На этот раз Настя ничего не возразила.

– Ладно, идем! – улыбнулась она в ответ. – Веди, Димка!

И они свернули следом за отцом. Почти сразу же свернули еще раз, пригибаясь и ныряя между заборами компактных домиков механизаторского поселка, и принялись пробираться меж палисадами.

Время от времени один из троих поднимал голову, чтобы убедиться, что отец и его спутник никуда не подевались из виду, и продолжали движение. Здесь, между домами, как и на тротуаре, дорожки были покрыты вспененным асфальтом, что так приятно шуршит под колесами велосипеда, но кое-где встречались лужайки, засыпанные черными искусственными камнями. Камни эти привозили на поляну из Плавильни, где таких отходов производства образовывались настоящие горы.

– Смотрите, они вправду идут на Пустырь... – охнул Димка, вытягивая вперед руку, а другой вцепляясь в край ближайшего забора.

Остальные, задержав дыхание, проследили за его пальцем, одновременно и совсем не радостно вздохнув. По большому счету, Пустырь не представлял из себя ничего страшного – обыкновенный пустырь, заставленный только на слом годными ящиками или бочками да отработанными металлоконструкциями, до которых не доходили руки уборочной службы. Да, тут не было красивых антрацитовых камешков, устилавших лужайки, веселеньких искусственных цветов или ровного покрытия дороги, а из-под растрескавшегося асфальта виднелся ржавый железный пол поляны. Но в остальном это был всего лишь пустырь, хотя все дети поселка предпочитали именовать его только с большой буквы – Пустырь. Он своеобразным кольцом опоясывал Заботинск, по слухам оставаясь неизменным почти на каждом ярусе Спасгорода – селиться или возводить рабочие постройки вплотную к внешним стенам города по старинной традиции не решался никто.

Этому, конечно, существовало объяснение, ведь в них располагались масса технических и грузовых Лифтов, противокатастрофные системы, генераторы облаков, призмы Светоча и куча других полезных штук. И даже дети понимали, что тебе нечего делать у стен, если ты не специалист... Или не Смотритель, что подтверждало мальчишечью версию с номером самоката.

От произведенного открытия Димка разволновался так сильно, что схватил брата и сестру за руки. Промычал что-то торжественное, словно напевал гимн. И потащил Витьку и Настю за собой, пригибаясь и прячась за прогнившими коробками.

Пожалуй, если бы Петр Петрович захотел проверить, не следят ли за ними, он бы наверняка заметил своих непосед, и тогда серьезного наказания было бы не избежать. Но ни он, ни его высокий спутник в плаще с капюшоном ни разу не обернулись, а потому дети продолжали буквально наступать им на пятки, так и оставаясь не обнаруженными. Достигнув внешней стены Спасгорода, Петр Петрович и высокий человек в сером остановились перед множеством дверей, большая часть которых вела в подсобные, технические и хозяйственные помещения, куда имели доступ лишь горожане особых профессий.

Тут и произошло еще одно удивительное событие, заставившее детей задержать дыхание – ненадолго склонившись над электронным замком, человек в плаще неожиданно отворил одну из таких дверей.

Притаившись за железным ящиком в каких-то десяти шагах от своего отца, дети вновь переглянулись, будто хотели обменяться тревожными мыслями. Происходящее этим утром настолько не укладывалось в привычный образ жизни поселка механиков, было не похоже на поведение папы и казалось столь кощунственным и нарушающим правила проживания, что они не знали, что и подумать...

Дверь тем временем открылась, скользнув в сторону на специальных шарнирах и практически слившись с темной железной стеной. А за ней...

Ни Настя, ни Витя, ни Дима еще ни разу не видели воочию такой красоты – внутри

огромной овальной комнаты, имевшей даже собственный балкон с пышным и удобным диваном, царили блеск и роскошь, каких не бывает на свете. Хрустальные светильники (почти как в Ратуше поселка, только не такие здоровенные) висели по стенам, наполняя помещение ласковым светом. Мебель оказалась старинной, это угадывалось сразу, причем выполненной из самого качественного искусственного дерева, какое только можно вообразить. Стулья, диваны и кресла были обиты мягкой бежевой материей, одного вида которой хватало, чтобы захотеть присесть на них и отдохнуть.

– Пожалуй, нам стоит вернуться... – неуверенно прошептала Настя, не отрываясь от изучения великолепия тайной комнаты.

– Не знаю, что тут происходит, но склонен согласиться, – важно кивнул Витька, но и в глазах мальчика сейчас блеснул восторг.

Петр Петрович и его спутник вошли в комнату, причем отец не демонстрировал никакого восхищения увиденным, словно уже не раз бывал в этом странном и красивом месте. Не задерживаясь ни у резных стульев, ни у блистательных светильников, взрослые пересекли комнату, по белоснежной винтовой лестнице поднимаясь на балкон.

– Давайте подождем, пока нас не будет видно, и... – решительно подытожила Настя, но тут Димка во второй раз схватил брата и сестру за желтые рукава школьных курток.

– Только тихо! – азартно зашипел он, бросаясь вперед и увлекая за собой остальных.

Не успели они опомниться, как тут же оказались прямо на пороге удивительной комнаты, в которой, должно быть, раньше проживали цари или князья Спасгорода. А потом они опять не успели опомниться, как Димка уже тащил их дальше – внутрь, заставляя пригнуться за громадным бежевым диваном. И в третий раз они не успели перевести дух, а уже находились под балконом, откуда взрослым их было ни капельки не видно. Теперь наши герои прятались за красивым широким комодом, в котором стояла посуда и высокие узкие бутылки.

– Димка, дурак, да ты спятил! – яростно зашептала на брата Настя, но Витька и Димка разом так больно ущипнули ее, что она предпочла немедленно замолчать, обиженно потирая больное плечо.

В этот момент страх быть обнаруженными оказался так велик, что ничто другое с ним не могло и сравниться, но взрослые, находящиеся прямо над их головой, ничего не заметили. И дети, сидевшие тихо-тихо, теперь могли слышать разговор, не прекращавшийся все это время.

– Именно поэтому Конклав Гильдии принял решение перепрограммировать его. – Незнакомый низкий голос определенно принадлежал мужчине в плаще.

– Карл, вы не подумайте дурного, но я хочу еще раз повторить свою позицию – вы и правда могли привлечь кого-то из своих *личных* специалистов по утилизации, – ответил ему Петр Петрович, и дети сразу догадались, что их отец чем-то разозлен. – Явившись в мой дом без предупреждения, вы подвергаете угрозе не только свое дело, но и моих родных.

Пахло свежим кондиционированным воздухом, чуть запыленной обивкой кресел, а также чем-то пряным, довольно приятным. Все эти ароматы подсказывали, что на балконе находится некое подобие кухни.

– Не переживайте, Петр, об утилизации речь не идет, – продолжал все тем же спокойным и гипнотизирующим голосом человек, которого называли Карлом. Следом дети услышали, как льется в стаканы вода (а может, что-то еще). – Вы же сами сказали, что супруга спит до обеда, а сыновья и дочь ушли в школу? Правила, знаете ли, удобная штука, если ими грамотно пользоваться.

– Мне сделают замечание на работе...

– Не сделают. Я позабочусь.

Выслушав этот странный диалог, дети переглянулись между собой. И если бы сейчас могли разговаривать, не опасаясь быть обнаруженными, то сказали бы друг другу только одно. Все это слишком уж мрачно, неприятно и далеко зашло – вот что они сказали бы друг другу. А еще поделились бы впечатлениями от мурашек, покрывших их спины.

Витька, почти всегда соображавший быстрее других, наконец придумал, как они смогут общаться – развернув брата и сестру лицами к себе, он начал объяснять на пальцах.

– Сейчас мы медленно прокрадемся к выходу, – торопливо говорили его жесты, – выскользнем наружу и побежим к поселку. А потом, если все обойдется, мы с Настюхой устроим тебе, Димка, самую настоящую взбучку!

Однако даже самые блестящие планы имеют обыкновение рушиться. И произошедшее далее как раз подтвердило этот факт. Потому что в этот самый момент случилось событие, перечеркнувшее хороший (и, нужно заметить, благоразумный) план Виктора – шикарная комната вздрогнула, словно бы целиком покачнувшись, светильники забренчали стеклянными подвесками, а широкая металлическая дверь с лязгом отделилась от стены.

Настя захотела было испуганно пискнуть, но Димка успел вовремя зажать сестре рот ладонью. Обомлев от ужаса, дети наблюдали, как плавно закрывается проход, отрезая их от поселка механиков за Пустырем.

– Я бы на вашем месте присел, Петр, – услышали они голос Карла, а затем комнату снова качнуло, и воздух наполнило гудение мощного двигателя.

Разумеется, они сразу поняли, что происходит – это ощущение было знакомо любому жителю Спасгорода от мала до велика, – комната начала опускаться вниз по шахте. Медленно, но набирая скорость, под ровный гул моторов она ползла вниз, и теперь страх охватил всех троих детей.

– Это что, Лифт? – пользуясь гулом, заглушавшим его шепот, первым заговорил Витя. Он побледнел, разом осунулся, а в его голубых глазах промелькнула тревога. – Как это мог оказаться Лифт?

– Они даже не поприветствовали его! – вторила брату Настя, и под ее ресничками сверкнуло что-то хрустальное. – Не провели необходимого по протоколу разговора... Да он даже не заметил нашего присутствия! – удрученно выдавила она, со всхлипом втягивая воздух. – Этого не может быть...

– Тише вы! – фыркнул на них Димка, выглядывая из-за края мебели и пытаясь угадать, где сейчас находятся взрослые. – Не бойтесь ничего...

– Ты что, Димка, не понял? – Витя сел на пол, прислоняясь спиной к боковой стенке комода. – Это же Лифт! Только странный какой-то, но Лифт. Да я бы в жизни в него без протокола не вошел...

– И я, – пискнула Настя, вот-вот готовая разреветься. Она теребила завязки на форменной куртке, а это говорило о том, что у нее очень, очень плохое настроение. – Что же теперь будет?

– Ничего не будет, – огрызнулся Дима.

Было видно, что он тоже напуган. Но, как и всегда, их брат старался скрыть страх за решительностью и напором.

– Если не узнают, что мы тут побывали, ничего не будет. А поэтому сидите тихо и не ревите. Спустимся вместе со взрослыми, с ними же и поднимемся. Если все сделаем правильно, никто не заметит...

– А если нас в Лифте забудут? – утирая глаз рукавом, спросила сестра. – Нас никогда не найдут. Кто знает, вдруг этим Лифтом лет сто никто не пользовался?

– Не дури, – совершенно по-взрослому одернул ее Димка, сосредоточенно потирая щеку и разом испачкав ее пылью. – Сразу видно, что им пользуются. И никто нас тут не забудет. Как вообще можно в Лифте кого-то забыть?..

– В мертвом – можно, – тихонечко вставил Витя, прислушиваясь к гулу мотора.

– Ох, сказочник, – отмахнулся его брат, прижимая к себе мелко подрагивающую сестру. – Ты еще Оживших Птиц вспомни... Все, тихо сидите, я сказал! Да не реви ты, все обойдется. А если найдут – всю вину на себя возьму, так что не переживайте.

– Вовсе это и не сказки, – покачал головой Витька, расстегивая куртку и усаживаясь поудобнее. – Ты где-нибудь видел Лифты, которые не разговаривают и прячутся в стенах, словно жулики?

На это брат уже ничего ему не ответил, потому что не знал, что именно сказать. Конечно, никто из них не то чтобы не видел, но даже не слышал о таких Лифтах – либо очень важных и самовлюбленных, либо больных, либо чересчур секретных. И вот сейчас, совершенно того не желая, они вдруг оказались прямо в кабине одного из них.

А Лифт все это время продолжал и продолжал свой размеренный спуск, гудя двигателями, изредка моргая светильниками и чуть заметно вздрагивая. Разговор взрослых, продолжавшийся на балконе, теперь вновь стал неслышен.

Именно в этот момент трое детей вдруг почувствовали себя очень-очень одинокими. Даже несмотря на то, что их любимый и любящий отец находился от них в нескольких шагах. Обняв друг друга, наши герои молча вслушивались в гул двигателей, совершенно не представляя, куда везет их этот странный-странный Лифт Высокого класса.

Они не знали, сколько продолжался спуск, потому что никто из них пока не заслужил на школьной практике личного прибора для измерения времени. Но одно близнецы могли сказать точно – это был очень и очень долгий спуск, самое длинное путешествие из всех, что им когда-то приходилось проделать на Лифте. Даже когда они во время родительского отпуска отправлялись с отцом на Летнюю Ярмарку, Снежные Склоны или на Жаркий Пляж, находившиеся гораздо выше их поселка, дорога не была такой бесконечной.

Через какое-то время в кабине, больше похожей на комнату дворца, стало отчетливо пахнуть железом, сыростью и чем-то весьма неприятным, как на мусорной свалке. Еще через какое-то время температура понизилась сразу на несколько градусов, и дети застегнули куртки, плотнее сбившись в кучку. Гудение моторов становилось то громче, то тише, но один раз кабину весьма сильно качнуло (мелодично зазвенели подвески в светильниках), будто Лифт миновал какое-то препятствие.

Потом Настя, уставшая переживать и бояться, даже задремала на плече Виктора. А следом прикорнул и сам Витя. Когда сон вдруг начал сманивать в свои мягкие объятия и стоящего на страже (на самом деле он, конечно же, сидел за комодом вместе со всеми) Димку, кабина вдруг замедлила ход.

– Проснитесь! – Дмитрий растолкал уснувших, на всякий случай прикладывая палец к губам, как это обычно делал его брат. – Мы останавливаемся.

Больше говорить они не могли – шум двигателей затухал, и только было слышно, как скрипят плохо смазанные тормозные установки Лифта. Скрип этот продолжался еще какое-то время (бесспорно, не так долго, как сама поездка), а потом утих и он.

– Идемте, Петр!

Властный голос Карла вдруг раздался так близко от комода, за которым прятались братья и сестра, что все трое невольно вздрогнули. А Димка опять зажал рот приготовившейся вскрикнуть Насте.

– Чем быстрее мы начнем, тем быстрее вы вернетесь к привычной жизни...

– И все равно не могу взять в толк, зачем я вам? Простите за дерзость, но неужели Дрейфус уже не справляется с возложенными на него Гильдией обязанностями? – с ощутимыми нотками недовольства и страха спросил Петр Петрович.

– Александр Дрейфус? – усмехнулся в ответ хозяин красивого самоката, наверняка изгибая бровь. – В настоящее время Конклав не в состоянии привлечь его к работе... Возникли, так сказать, определенные трудности, но вас они не касаются. Или вы хотите выразить официальный протест?

– Нет, не хочу, – разобрали дети негромкий и покорный ответ отца.

Затем они услышали, как тот спускается по винтовой лестнице.

Со щелчком и лязгом открылась входная дверь, отползая в сторону, и в красивую комнату ворвался холодный злой ветер, какой никогда не позволит себе Поток-ЗВИ-4, даже если его попросят заморозить лед.

Дрожа от страха и волнения, дети украдкой выглянули из укрытия ровно в тот момент, когда их отец и человек по имени Карл выходили наружу.

– Идемте же, Петр, для волнения нет повода – двери автоматически закроются через

две минуты...

И они удалились в странный густой полумрак, царящий за пределами необычного молчаливого Лифта.

– Уф, – выдохнул Димка, вставая и разминая затекшие ноги. – Ну, теперь осталось только дожидаться возвращения. Поднимемся обратно и выскользнем вон...

– Ну уж нет! – Витька вскочил настолько решительно, что Настя чуть не шарахнулась от брата. – Я в спящем Лифте не останусь ни за какие коврижки!

– Ты чего, балбес, наружу захотел? – Димка опасался даже поворачиваться в сторону открытой двери. – Мы даже не знаем, какая это поляна! А если кто поймает? Как объяснять будешь?

– Я придумаю что-нибудь. – Витя решительно направился к дверям. – Но тут не останусь точно. Когда папа вернется, прошмыгну обратно. Ты вообще слышал, что спящие Лифты делают с оставшимися в них людьми? Особенно такие... *странные*, как этот...

Он поежился, причем и от холода, и от мрачности момента.

Настя, последней из троих поднявшаяся на ноги, сделала шаг к выходу, все еще теребя завязки.

– Я тоже не хочу оставаться, – неуверенно проговорила она. – А вдруг после закрытия тут свет погаснет? В темноте сидеть? Ну уж нет... А если системы жизнеобеспечения тоже в спящий режим уходят? Я с Витькой...

– Да вы с ума сошли оба. – Димка нахмурился, но предпочел сделать шаг вперед. – Мы же понятия не имеем, что снаружи! А тут хоть и странный, но Лифт – им люди испокон веков доверяют!

– Ты как знаешь, но я выхожу, – отрезал Витька, в этот момент став очень похож на папу, когда тот сердился или был чем-то расстроен.

– Я тоже, – кивнула Настя, на этот раз более уверенно.

– Ну и идите. – Выпятив нижнюю губу, Димка скрестил руки на груди. – Когда обратно попроситесь, я не уверен, что смогу найти планшет управления, чтобы заставить его...

Едва он произнес полные скрытой угрозы слова, дверь звонко щелкнула, принявшись закрываться. Светильники на стенах моргнули, будто приготовившись погаснуть.

– Настена, бежим! – Ухватив сестру за рукав, Витька бросился к двери, чья щель начала медленно, но уверенно сжиматься.

– Стойте, я с вами! – Не удержавшись, Димка прыгнул следом.

И когда ущелье дверного проема стало маленьким настолько, что в него точно не пролез бы взрослый, дети стремительно перебежали овальную комнату, один за другим выскочив из засыпающей кабины.

За их спинами, с шипением герметизируясь, Лифт плотно запечатал дверь, замаскированную под неприметный кусок внешней стены.

Глава 2, в которой запускается неповоротливый маятник судьбы, а кое-кто вынужден спасаться бегством

Сложно описать ужас, охвативший ребят в тот миг, когда железная плита отсекла их от овальной комнаты, больше похожей на дворец. Прижавшись спинами к двери, они взяли за руки и осмотрелись, не решаясь сделать ни шагу.

Поляна, на которую их привез странный Лифт, не соблюдавший протоколов Спасгорода, была не похожа ни на одну из виденных ими за всю их жизнь, в том числе на картинках в учебниках. Она не напоминала ни Лесные Чащи, где можно было погулять среди синтетических деревьев, ни Звонкие Каскады, где воздух был влажен и полон брызг. Это было не похоже даже на цеха, занимавшие большинство рабочих полей города. Место, куда их привело неумное любопытство, казалось жутким и грязным подвалом...

Потолок тут был вдвое ниже, чем на Заботинске. Никаких облаков или яркого желтого

потока, что рождал Светоч, не присутствовало и в помине – все необъятное пространство заполнял серый пыльный полумрак, какой может царить в погребе, если туда упадет случайный отсвет фонаря. Вместо десятков привычных Лифтовых шахт, в должном порядке убежавших в потолок поляны, все пространство занимали четыре необъятные туши незнакомых машин, поднимающихся вверх на много метров и почти подпиравших крышу. В диаметре странные титанические приспособления были настолько огромны, что с легкостью могли бы накрыть собой поселок механиков, если бы в этом вдруг возникла необходимость.

Это были зловещие и угрюмые механизмы, работающие в неспешном и даже замедленном режиме. Там, где огромные шестеренки на время образовывали просвет, позволяя заглянуть в недра агрегатов, наружу выбивалось болезненное зеленоватое свечение. Здоровенные железные обода, каждый из которых имел толщину в два человеческих роста, сковывали котлы механизмов, не давая обитавшей в них силе вырваться на свободу. Время от времени давление достигало критического уровня, и тогда на поверхности то одного, то другого великана открывались специальные клапаны. В этот момент, наполняя странную и пугающую поляну Спасгорода пронзительным визгом, вверх выстреливали горячие дымящиеся струи. Именно из-за них здесь царил влажный, застоявшийся воздух, от которого хотелось кашлять.

Стены и потолок, почти неразличимые в тусклом свечении великанских механизмов, покрывали потеки ржавчины и мерцающая плесень, которую дети до сих пор видели лишь в учебных фильмах по биологии. Все остальное пространство между чудовищными установками занимали пульта и станки меньшего размера. Они были повсюду, образовывая целые улицы, по размеру не отличавшиеся от проспектов Заботинска. Приборы трещали и шелкали, подмигивали лампами и клацали реле. Одни из них казались не использовавшимися уже долгое время, другие лоснились свежей смазкой.

Теперь и вы можете в полной мере испытать страх и удивление, охватившие наших героев, наконец разглядевших, куда же именно они попали.

– Мамошка, – простонала Настя, до боли сжимая в своей ладошке руку Димки. – Где же мы?

– Не знаю, Настя, – честно сознался Витька, по привычке говорящий шепотом. – Честное слово, даже не представляю...

– Может быть, мы уехали за пределы Спасгорода? – осторожно поинтересовался стоящий посередине Димка, и тут же смущенно умолк, устыдившись нелепости вопроса.

– Не говори глупостей, – стараясь рассуждать хладнокровно, поправил его брат. – Всем известно, что за пределами города ничего нет. Только опасность. Ни один Лифт, даже самый безумный, никогда не повезет человека туда... Особенно, – добавил он уже с большей уверенностью, – нашего папу.

– А куда он пошел? – вдруг вздрогнула Настя. – Я не вижу ни его, ни странного человека по имени Карл...

Дети осмотрелись: вправо и влево от скрытного Лифта уходили ряды совершенно одинаковых приборов и незнакомых станков.

– Не знаю точно, но нам за ним лучше не соваться, – убежденно прошептал Витя, – это место нагоняет на меня ужас...

– И на меня, – кивнула сестра.

И только Димка ничего не сказал, потому что в любой ситуации он пытался казаться храбрым.

– Нужно спрятаться, – разглядывая огромные, пышущие паром резервуары, к тому же мерцающие зеленым светом, он наконец-то отлепился от прохладной стены, не заметив, что ржавчина испачкала черно-желтую куртку. – Давайте укроемся вон за теми станками. Когда папа вернется, мы успеем быстро-быстро заскочить в Лифт.

– А если в этот раз они не пойдут на балкон? – неожиданно спохватилась Настя. – Нас же заметят...

– Признаюсь, это будет лучше, чем если мы случайно останемся, а Лифт уйдет к

Заботинску без нас. – Голос Виктора был слаб, словно на школьном экзамене, который он не совсем прилежно выучил. – Хотя попробовать спрятаться, конечно, можно... Если на балконе находится пульт управления протоколами Лифта, им придется подняться...

– Тогда пошли, – подвел итог Дима, и все трое двинулись вперед по широкому коридору, образованному загадочными приборами.

Запах, пронизывающий воздух, стал еще более навязчив, и дети почти физически ощущали, как он оседает на их одежде, чтобы прилепиться навеки. Безграничная поляна, давящая низкими сводами, была заполнена странными, пугающими звуками – что-то шипело и свистело, где-то лязгала железка, скрипел металлизированной резиной горизонтальный транспортер-эскалатор.

Стараясь не перепачкаться в машинном масле, стекавшем с рычагов и открытых деталей, они притаились в густой тени массивного прибора. Многочисленные лампы аппарата были погашены, все тумблеры переведены в положение «ВЫКЛ.».

– А если его до самого вечера не будет? – вдруг подала голос Настя, чем немало напугала сидящих в тишине братьев. – Или он на другом Лифте поднимется, на нормальном?

– Тьфу на тебя! – Но против собственного желания Димка все же нахмурился. – Не зови беду, дуреха, а то хуже будет...

– Тише, – вдруг прошептал Витя, и у детей заledenела кровь.

В третий раз за это (теперь ставшее весьма необычным, не правда ли?) утро он призывал их к тишине, и теперь в этом не было ничего забавного или интригующего. Прижавшись к брату всем телом, Настя подавленно всхлипнула, а Димка стал настороженно озираться. Его ноздри раздувались, а пальцы сжались в кулаки, как всегда бывало, когда на школьном дворе он намеревался проучить кого-то из старшеклассников за обидное прозвище или подножку.

– Кто-то идет, – снова прошептал Витя.

Он еще ниже пригнулся в тени и не заметил, как на плечо упала капля темного машинного масла, расплываясь неприличной кляксой.

– Папа? – жалобно и тихо спросила Настя, поворачивая голову. – Уже вернулся? Как здорово! А может быть, сразу выйти и признаться? Говорят, признание облегчает вину... Хоть не так страшно будет...

– Глупости какие. Никаких признаний, – вперед брата успел ответить Димка. – Да и вовсе тут не страшно. Как в цехе, только странном и слишком большом...

– Нет, это не папа, – наконец смог вставить и Виктор, и эти слова холодным ветром взъерошили их светлые волосы. – Потому что папа ушел налево вдоль стены, то есть в ту сторону. А шаги я сейчас слышу вон оттуда.

И он медленно повернулся, указывая пальцем в глубь поляны, прямо между двумя здоровенными установками неизвестного назначения. Да-да, совершенно верно, в мрачную глубину этого низкого яруса Спасгорода, наполненного клубами пара, провонявшего пылью и синтетической смазкой.

А затем чьи-то шаги среди шипения резервуаров, лязга и грохота различили и Димка с Настей. Торопливые шаги сразу нескольких человек, частые и звонкие, будто обувь была подкована железками. Но самое пугающее состояло в том, что перестук этот раздавался совсем рядом, едва ли не в ближайших облаках пара, скрывавших соседний переулочек с приборами.

И тут (почти одновременно) произошло сразу два события. Сперва из клубов влажного тумана появились пять коренастых фигур, облаченных в грубые брезентовые комбинезоны, такие же шапки и сварочные очки с черными стеклами. А потом Настя так громко завопила от ужаса, что разом перекричала и свистки вырывавшегося под давлением пара, и лязг железа, и стрекотание шестеренок.

Но вы не должны думать, что она кричала, потому что была девчонкой (или даже трусливой девчонкой). На самом деле она была очень храброй, с юных лет воспитанная быть сильной, как все девочки Спасгорода. Просто иногда люди кричат не только от страха или

переживаний, иногда они кричат от неожиданности...

Вот и Настя сейчас закричала именно от неожиданности, причем очень-очень громко. И вы знаете, многие на ее месте поступили бы так же – потому что пять фигур, появившиеся из пепельного тумана, выглядели весьма необычно. И даже не потому, что были одеты в грубые комбинезоны и поблескивающие очки – дело в том, что они были не совсем людьми.

Если присмотреться, их головы были значительно больше обычных человеческих голов. Руки же, наоборот, оказались такими маленькими, что выглядели крохотными и беспомощными. Разумеется, при внимательном изучении можно было догадаться, что и эти слабенькие ручки смогут нажать на рычаг или держать инструменты. Но вот поднять бревно, например, они бы точно не смогли. А еще у существ в клубах пара была бледная, почти белая кожа, при этом отливавшая зеленоватым свечением, и эта деталь резко усиливала непохожесть на нормальных людей.

Настя все еще продолжала кричать на одной ноте, перекрывая шум диковинной фабрики на поляне с низким потолком, а пятеро нелюдей вдруг замерли. Сбившись в кучку, они о чем-то громко зашептались, тыча крохотными ручонками в девочку и ее братьев и от волнения подпрыгивая на месте.

Когда Настя все же замолчала (может быть, устала надрываться), одно из необычных существ, одновременно напоминающих людей, но при этом весьма отличающихся от них, шагнуло к близнецам.

– Чужаки, – медленно сказал необычный человечек, и наши герои увидели, какие у него плохие, крайне гадкие зубы – желтые, расшатанные, сохранившиеся через один. – Стоять на месте.

Но дети, не сговариваясь меж собой, вдруг поняли, что делать этого нельзя ни в коем случае. Чувство опасности, которое принесли с собой из клубов пара эти человекоподобные уродцы, захлестнуло всех троих, и они выскочили из-за станка, бросившись наутек.

– Бежи-и-и-м! – только и успел крикнуть Димка, после чего они понеслись вперед.

Без оглядки, не разбирая дороги. Сворачивая в первые попадавшиеся проходы, не сбавляя скорости, но по-прежнему держась вместе, они бежали по гулкому металлическому полу. Их подошвы стучали, как стучали и сердца, от ужаса готовые выпрыгнуть из груди. Им было очень страшно, потому что беглецы слышали, как, что-то неразборчиво прокричав, пятеро странных существ с маленькими ручками и большими головами бросились следом...

Конечно, наши герои занимались спортом – всегда быть здоровым и сильным являлось обязанностью любого жителя Спасгорода. А еще каждое утро (и даже по выходным дням) они делали зарядку и в свободное время нередко ходили играть в футбол. Но даже при этом оторваться от погони было очень и очень непросто.

Они бежали и бежали, жадно вдыхая влажный воздух, пропахший чем-то кислым и противным. Бежали и бежали, хватая друг друга за рукава курток, чтобы не пропустить нужный поворот, куда вдруг решались свернуть. На разговоры не было ни сил, ни желания, а потому отступлением командовал тот, кто вырывался вперед. Сначала Настя, потом ее неожиданно обогнал Витька, а затем и Дима. Оглядываясь на каждом повороте, он внимательно прислушивался к топоту ног за их спинами, после чего они бежали дальше.

Но никакой марафон не может продолжаться вечно – он должен закончиться либо финишем, либо потерей последних сил бегуна. И вот когда дети уже начали понимать, что силы на исходе, а Витя тихонько заскулил от натуги, шумно сопя носом, они перестали бежать...

– Сто-сто-стойте... – Судорожно глотая дурно пахнущий воздух, Димка остановился первым, наклоняясь и упирая руки в бедра. – Ка-ка-жется, оторвались...

Остальные, тревожно оглядываясь, пытались прислушаться, но мешал стучащий в ушах пульс. Мешали и громкие звуки, доносящиеся теперь со всех сторон – грохот прессов, ворчание моторов, лязг металла, шипение клапанов и стрекотание шестеренок, двигавших транспортные ленты.

– Сюда! – приказал Дима, словно во время этого пугающего бегства стал командиром

их крохотного отряда. – Пригибайтесь и пролезайте, тут можно спрятаться.

Никто даже не подумал спорить, и дети полезли под здоровенный прибор, больше напоминавший старинный клавесин, который они когда-то видели на концерте по амбивизору. Под механизмом было грязно, пыльно, хватало ржавчины, но они и не думали жаловаться или капризничать – бегущая по их следам опасность была столь необычной, по-настоящему жуткой и близкой, что они забыли обо всем, кроме необходимости спастись.

Едва они забрались под станок, как из-за поворота появились преследователи. Быстро перебирая короткими толстыми ножками, те неслись прямо к ребятам, словно уже точно знали, где схоронились беглецы. Очки странных человечков блестели в зеленом свете, падавшем сверху. В слабеньких ручках раскачивались жутковатые приборы, похожие на машинки для прививок, как в школьной больнице. Они все приближались и приближались, пока наконец не остановились прямо напротив прибора, напоминавшего клавесин.

– Туда побежали, Паленый, точно тебе говорю! – протяжно прорычал один из пятерки преследователей. – Нутром чую, что туда!

– А я говорю, туда! – перебил его новый рычащий голос. – Вторым Реактором клянусь, туда!

Настя, едва не вскрикнувшая еще раз, зажала себе рот перепачканными ладонями. Разглядывая неудобные и грубые ботинки странных существ, находящихся ровно в двух шагах от лежащих под «клавесином» детей, Витька последовал примеру сестры. И только Димка молчал сам, упорно стиснув зубы и не желая поддаваться страху.

– Туда идем, быстрее, – наконец принял решение тот, кого называли Паленым. – За мной, отребье, или пожалеете!

И когда троим беглецам уже стало казаться, что беды не избежать, а кто-то из страшных человечков вот-вот догадается заглянуть под станок, грубые ботинки с брезентовыми отворотами торопливо удалились.

Под агрегатом, куда затащил их Димка, было холодно и темно, да еще хотелось чихнуть, но дети не торопились покидать убежище. Вслушиваясь в звуки поляны, они все пытались угадать, не ловушку ли устроили им хитрые существа с крохотными ручками, только сделав вид, что ушли.

Решение в конце концов опять досталось Диме.

– Выползаем, – убежденно прошептал он, – а то подхватим простуду или чего похуже...

И первым выскользнул из-под «клавесина», отряхивая свою, уже изрядно перепачканную, школьную куртку. Остальные выбрались следом, и первой весь ужас ситуации поняла сестра.

– Мамочка, где же мы? – прошептала она без сил, поднимая голову, и братья проследили за ее взглядом.

Нужно признать, положение действительно представлялось плачевным. Да-да, именно так – обычное, ничем не примечательное светлое утро вмиг стало по-настоящему жутким, теперь это понимали все. Даже отсюда, снизу, от подножий станков и приборов, было видно, насколько ощутимо дети сместились к центру поляны. Колоссальные установки, подпиравшие потолок, стали еще огромнее, нависая прямо над головами. Все трое могли разглядеть многочисленные веревочные и железные лестницы, украшающие железные бока, а также целую систему шатких подвесных мостков.

Петр Петрович однажды собрал такие мостки – он называл их «строительные леса», – чтобы покрасить их уютный двухэтажный дом. Но здесь их виднелись многие сотни – они окружали каждый из четырех резервуаров так плотно, что при желании по мосткам можно было обойти установку кругом.

Теперь вокруг великанских механизмов различались и аппараты попроще, но все равно крупные и незнакомые – они достигали в высоту два-три человеческих роста, плотными кольцами обступив резервуары, будто почетная стража.

– Как же мы найдем дорогу до того скрытого Лифта? – просипела Настя и снова

прикрыла рот ладонью, словно приказывая себе ничего больше не говорить.

Братья подавленно молчали, озираясь и пытаясь обнаружить хоть какое-то различие улиц, образовывавших из станков и пультов настоящий лабиринт.

– Ну вот что... Слушайте меня. – Димка взлохматил шевелюру, как делал всегда на футболе, когда намеревался идти в прорыв. – Не паниковать, ясно! Это первое. Второе – сейчас мы попробуем вернуться к внешней стене и найти Лифт, понятно? Не так уж далеко мы убежали, согласны? Уверен, что за это время отец еще не закончил своих дел...

– Я согласен, – добавил Витя, тоже искренне желавший успокоить сестру. – Он все еще где-то на поляне, я точно знаю. А когда вернемся к Лифту, сразу дадим папке знать, что мы тут. Он защитит. Главное, мы вместе, а вместе нам ничего не страшно, вот увидишь... А пока будем возвращаться, старайтесь идти тише и держаться возможных лазеек – если что, сразу прячемся. Настенька, ты поняла?

Но сестра только кивнула, продолжая молча рассматривать возвышающиеся над ними резервуары и бесконечные ряды огромных, выше человека, установок. Казалось, они загипнотизировали девочку, и Димка недовольно дернул ее за подол куртки.

– Ты все поняла, Настюха? Мы справимся, вот увидишь. И запомни – если эти уродцы опять появятся, сразу прячься, ладно?

– Ладно, – шмыгнула носом она, попытавшись улыбнуться. – Главное, что мы вместе, так?

– Точно, – подтвердил Витя. – Знать бы еще, сколько таких страшил тут живет...

– Много, – вдруг подтвердил негромкий незнакомый голос, и дети от неожиданности подпрыгнули на месте. – Очень много. Больше, чем вам бы хотелось...

– Мама! – пронзительно закричал Витька, бросившись бежать, но от испуга поскользнулся на ровном месте и упал на бок.

Димка и Настя резко обернулись, отступая на пару шагов, и брат задвинул девочку за спину, поднимая кулаки. Захваченные врасплох, они приросли к полу, со смесью страха и любопытства разглядывая одинокую фигуру в соседнем проходе.

Бесспорно, это был один из них – невысоких крепких человечков со слабенькими руками и крупными головами. Но этот чем-то отличался от других, и дети, приглядевшись, смогли заметить разницу. Даже Витька, покрасневший от стыда и страха, торопливо вскочивший на ноги, теперь не пытался пуститься наутек, исподлобья глядя на незнакомца.

Тот был чуть выше, чем предыдущие пятеро, да и руки у него оказались не такие уж крохотные и скрюченные. Он также носил брезентовый комбинезон, но черные сварочные очки были сдвинуты на лоб, а не скрывали глаз. Лицо его еще не выглядело старым, но уже покрылось морщинами, глубокими и извилистыми. Цепко, внимательно осматривал он детей, не двигаясь с места.

– А теперь отвечайте, – негромко спросил он, шурясь, – что красивые и добропорядочные детишки делают на Реакторной Станции? Да в придачу совсем одни?

– Мы не одни, мы втроем, – перепуганно выдавила Настя, но тут же умолкла.

– Ха! Ладно, пусть так. Что *трое* детишек делают на Станции? Только правду отвечайте, я лгунов издавека чую... – продолжил уродец.

Но все трое насупленно молчали, не зная, как вести себя дальше. Этот житель неизвестной поляны, названной Реакторной Станцией, не пытался схватить их, в отличие от своих сородичей, да и вообще злобы не проявлял.

Словно устав выслушивать их молчание, тот вдруг тяжело вздохнул, шаркающей походкой направившись к «клавесину». Дети настороженно отодвинулись еще на два шага, но незнакомец лишь подошел к прибору, открывая планшет протоколов и шелкая тумблерами.

– Ну, не хотите, как хотите, – бросил он через плечо, увлеченный работой. – Но тогда и я вам не помогу, ясно?

– Кто вы? – внезапно осмелев, спросил Витька, и брат с сестрой зашикали на него, укоряя за безрассудный поступок.

Но незнакомец вдруг ответил, чем еще больше удивил детей:

– Можете называть меня Жадным... Все так зовут, привык уже.

– А почему Жадный? – спросила Настя, и Димка возмущенно ткнул ее в бок.

– Потому что чужое люблю, вот потому и Жадный, – со вздохом ответил человечек в брезентовом комбинезоне. – Может, теперь расскажете, как вас занесло на Станцию? Готов ручаться, детям тут не место... Хотя это вы, наверное, уже и сами поняли.

И он непонятно чему хохотнул, продолжая заглядывать в планшет и переключать рычажки. Братья и сестра удивленно переглядывались за его спиной, выразительным молчанием вопрошая друг у друга, понимает ли кто-то, что тут происходит. Однако ответ был очевиден – никто ничего не понимал.

– Мы заблудились, – наконец ответила Настя, не обращая внимания на Димкины тычки. – Отстали от папы и заблудились. Вы не подскажете, где мы и как отсюда выбраться?

– Выбраться? – Жадный снова хохотнул, коротко и гулко. – Так ведь со Станции, девочка, не выбирают. Потому и живем тут...

– Мамочки, – повторил Витька, клацнув зубами. – То есть как это? Совсем? Да что же это за место такое? И почему в учебнике географии про него ни слова? Вы нас обманываете, да?

– Обманываю? – Жадный даже повернулся к нему, щурясь, будто тусклое зеленое свечение его слепило. – А зачем мне это? Вовсе я вас не обманываю. Сами должны были знать, куда шли. Поляна Реакторная Станция, добро пожаловать.

Он продолжал бормотать сквозь шум заводских установок, что-то переключая на панели станка и время от времени сверяясь с расписанием ведения протокола.

– Заблудились они, так я и поверил... – ворчал Жадный, хотя особенного недовольства в его голосе не слышалось. – Правда, на ссыльных вы тоже не похожи... Да и не стали бы детей на Станцию ссылать, не до такой же они степени...

Не особенно понимая, о чем бурчит этот странный дядька, дети продолжали играть в молчаливые гляделки. Витька шмыгал носом, Димка все еще закрывал собой сестру, а та с интересом прислушивалась к словам Жадного.

– Ну и как же вас сюда занесло-то, горемычные?

– Я же сказала уже... мы заблудились... вместе с папой приехали, а потом потерялись, – ответила Настя, отчего-то гораздо больше мальчишек увлеченная беседой.

– Вы что, дети Смотрителей? Видел я таких, вы совсем не похожи.

– Нет, что вы, мы с Заботинска. Наш папа не Смотритель, он механик, хоть и очень высокого разряда. А что вы делаете?

– Как это, что я делаю? – Жадный отвернулся от кнопок и переключателей, окинув всех троих внимательным взглядом. – Вахту несу. Выполняю свою часть работы по управлению Реакторами, полировать твой хром. Неужели не понятно?

– Извините, – зачем-то сказал Витька. – Мы не сообразили.

– А, врем, значит?... – улыбнулся Жадный, и дети увидели, какие у него грязные и неопрятные зубы. – Я же говорил, что врунов издали чую... Ну да ладно, мне дела нету. Не могу понять, откуда же вы тут взялись, но сразу видно, что и слухом про Станцию не слыхивали.

– Ну и что с того? – вдруг вступился Димка. – Может, нам это просто еще не преподавали?

– У-у-у, дружок, – хмыкнул уродец, подстраивая очередное регулировочное колесико и прислушиваясь к его щелчкам, – такого вам и не расскажут. Ну скажи, зачем добропорядочным гражданам Спасгорода знать, что глубоко-глубоко под их ногами находится поляна, на которой недобропорядочные элементы до конца своих дней обслуживают старинные Реакторы?

– Не-до-бро-порядочные? – тихонечко поинтересовалась девочка, а Виктор задал другой вопрос.

– Что это значит, «до конца своих дней»?

– А то и значит, – сразу обоим ответил Жадный, и на этот раз более грубо, – что злодеев, законы города нарушающих, до самой смерти сюда ссылают. Даже если бы право на помилование было, все равно в соседстве с этими милыми агрегатами, – и он со злостью кивнул в сторону четырех гигантских резервуаров, – долго никто не протягивает...

– Ой, мамочка, – вдруг отшатнулся Витька, а лицо его побелело, что было заметно даже в полумраке. – Да я же знаю, кто вы такие! Вы – черви!

Жадный улыбнулся медленно и плотоядно, будто съел что-то очень вкусное и приятное. Неторопливо отложил планшет на край приборной доски.

– Да ты что несешь-то, Витька? – торопливо одернула брата Настя, с опаской косясь на взрослого, но предпочтя отступить на полшажка. – Дяденька Жадный, вы простите его, пожалуйста, он иногда...

– Да ладно тебе. – Тот вдруг приподнял мозолистую ладонь, уже начинавшую усыхать в размерах. – Прав братец твой, прав. Именно так нас и называют. Наверху. Да и сами себя мы нередко так кличем. Червями, в точности.

– Быть не может! Черви на людей не похожи! – отрезал Димка, но Жадный только хмыкнул.

– Как это, не может? Очень даже может. И вы, голубки, раз уж тут очутились – не знаю как, правда, – скоро такими же станете. Тут уж ничего не попишешь...

– А вы нам не угрожайте! – с вызовом насутился Димка, опять сжимая кулаки, и его брат встал рядом, поддерживая.

– Такое в принципе невозможно! Мы – люди, мы не сможем стать... стать такими... – Витя замялся, с надеждой и страхом глядя на Жадного, но тот лишь продолжал ухмыляться.

– Вы, ребята, не подумайте дурного, я-то лично вам зла не желаю... Но так у нас заведено, все новенькие через это проходят...

– Мы не новенькие, мы скоро уедем с папой на Лифте обратно на Заботинск! – вставил Димка, но работник Реактора будто не услышал его, продолжая:

– Сделают вам укольчик, что процесс ускоряет, а после него мутация быстрее пойдет, как по маслицу. Да вы, ребята, не пугайтесь, один-единственный укольчик, это не больно вовсе – а вот без него нельзя. Без него Реакторы вас высосут, и пикнуть не успеете. А так, хоть в червей превратитесь, проживете дольше, на благо Спасгорода работая.

И он с грустью замолчал, глядя в ржавый железный пол.

– Я не стану червем! – со злостью выпалил Витька. – Я стану ученым и попаду на научные поляны!

– А я стану агрономом! – поддержала его Настя.

Она изо всех сил пыталась показать, что вовсе не напугана до кончиков волос словами Жадного. Словами, прозвучавшими как приговор. Сейчас ей казалось, что на ярусе стоит такой холод, что не спасала и курточка.

– Нет, друзья, – прошептал человечек в брезентовом комбинезоне, и теперь его слова были едва различимы в постоянном шуме Реакторной Станции, – уже не станете. Никогда.

– Ой-ой-ой! – пискнула вдруг девочка в полный голос. – Пожалуйста, я не хочу укольчик!

И она уже приготовилась по-настоящему разреветься, как тут со всех сторон раздался злобный каркающий смех. Сбившись в кучку и прижавшись к друг другу спинами, дети завертели головами. Но куда бы они ни бросали взор, везде видели окруживших их червяков, что гнались за ними от самого Лифта.

Один из них перегородил правый проход, второй стоял в левом, а остальные, нависая бесформенными тенями, сидели прямо на станках и приборах, хищно рассматривая беглецов с высоты. В тонких белых пальцах червей были зажаты палки и уже знакомые детям пистолеты, похожие на машинки для уколов.

– Попались, гаденыши! – завопил тот, кого звали Паленым.

Вожак кровожадно скалился, и теперь стали заметны блестящие металлические кольца, для украшения вставленные в его нос, правую щеку и верхнюю губу.

Жадный вдруг съежился, словно боялся, что сейчас его будут бить.

– Думали удрать? Куда там! Закон един – с нашей поляны никто не удирает! Держи их, ребята!

И помощники вожака поспешили к близняшкам, хватая тех за руки. Окружили, больно стискивая пальцы и притоптывая, радостно загоготали, крайне довольные добычей. Сам Паленый, неторопливо спускаясь с высокого узловатого механизма, улыбался шире всех.

– Эй, как там тебя? Жадный вроде? Ты молодец, Жадный, что детишек задержал! Я Старшему скажу, он тебя наградит!

– Да я не задерживал, в общем-то, – тихо-тихо и неуверенно промямлил тот, торопливо натягивая черные сварочные очки, пришитые к брезентовой шапке. – Они сами тут... Я даже не...

– Ладно тебе. – Паленый по-хозяйски похлопал его по плечу своей сморщенной ладошкой. – Не скромничай. Ну что, детишки, добегались? – Теперь он повернулся к пленникам, пахнув в лицо Димке кислой капустой. – Добро пожаловать. Не знаю, как вас сюда занесло мимо контрольного пункта, да и знать не хочу. Пошли, ребята, тащи этих неженков с собой!

И он развернулся на толстых каблуках, направляясь куда-то в центр поляны. Остальные, цепко держа детей в своих скрюченных лапках, двинулись следом. Конечно же, Димка и Витя, да и Настя тоже – все они пробовали отбиваться, в надежде вырваться из плотного кольца червей и убежать. Но слабенькие на вид руки держали на удивление крепко, а за каждый рывок кто-то из троицы тут же получал увесистую затрещину концом палки. А потому они по очереди (последним, разумеется, устал Димка) сдались, обессиленно повиснув на своих пленителях. Настя тихо плакала, текли слезы и по щекам Виктора. А червяки, не обращая на это никакого внимания, с хохотом продолжали тащить их куда-то вглубь, оставив за спиной съежившегося Жадного и его прибор, похожий на клавесин.

Трудно сказать, как долго черви волокли детей в глубину поляны (очень сложно следить за временем, если тебя куда-то тянут против воли). Но в какой-то момент злобные человечки под предводительством Паленого остановились, бросив уставших и напуганных пленников прямо на грязный пол. Стараясь держаться поближе друг к другу, те наконец смогли оглядеться, сразу же определив, как далеко-далеко от внешней стены города унесли их похитители. Теперь четыре могучих агрегата, что своими тушами возносились прямо под потолок, окружали их ровно со всех сторон, светясь зловещим зеленым огнем и выпуская в воздух струи пара. А в проходах, ютясь меж незнакомых станков и странного вида приборов по накоплению энергии, раскинулся целый город.

Но город червей не был похож на уютный и чистый Заботинск, к которому так привыкли наши герои. Поселение, куда их притащили приспешники Паленого, больше напоминало отражение родного поселка механиков в дико искривленном зеркале. Распахнутыми от ужаса и удивления глазами близнецы разглядывали городок, обессиленные настолько, что не могли произнести ни звука.

Дома, абсолютно все одноэтажные, были изготовлены из железных прутьев и листов, больше напоминая огромные сита – совсем как сетчатые приспособления, через которые мамы обычно просеивают муку, – только увеличенные в сто раз. Дверей и окон, как таковых, не было – их заменяли наиболее широкие лазейки между прутьями. Кое-где, но далеко не на всех хибарах, прутья были завешены тряпьем или полиэтиленом, не давая увидеть, что происходит внутри.

Отсюда, снизу, из самого центра Червигорода, можно было разглядеть и леса (ошибочно принятые за строительные, помните?), опутывавшие агрегаты у них над головами. И вдруг оказалось, что на них тоже кто-то живет – там коптели крохотные печурки, разогревая обеды. Кто-то спал, завернувшись в старые одеяла. Кто-то шел в гости, с легкостью и без страха упасть, преодолевая уровень за уровнем. Обслуживая гигантские механизмы, черви жили прямо на их стенах, из тросов, железных балок и брезента создав над своей столицей сразу четыре подвесных поселка.

При этом на дне поляны жизнь кипела не столь активно – вероятно, большинство жителей находилось на вахтах. Между домишками были натянуты веревки, на которых сушилась грязная заношенная одежда, кое-где из кривых жестяных труб шел дым, пахло пригоревшей едой. В воздухе по-прежнему царили звуки работающей фабрики – шипение, свист, лязг и тархтение механизмов. Но теперь они казались настолько привычными, что воспринимались, словно неотъемлемая часть этого жалкого городишки.

Кстати, улиц в привычном понимании этого слова тут не встречалось – слишком уж беспорядочно были понатыканы повсюду странные круглые жилища, обтянутые тряпками. В проходах между строениями, густо коптя черным дымом, горели костры, разведенные прямо на полу поляны или в высоких железных бочках. Воняли они нестерпимо, ведь на растопку шли обломки мебели, пластмасса и отходы с ферм. Греясь у огня мелкими группками по трое-четверо, повсюду стояли отдыхавшие от работы черви – кутались в брезентовую одежду и протягивали к огню тощие ручонки.

Судя по всему, их тут жило много, очень много, почти как жителей Заботинска, а может быть, даже больше, и от этого зрелища Настя опять заплакала.

О чем-то радостно переговариваясь с встреченными на улочках знакомыми, помощники Паленого довольно быстро передохнули и опять подхватывали детей на руки.

– Витька, не бойся! Настя, не плачь! – успел скомандовать Димка, и их вновь куда-то потащили. – Мы справимся, только не сдавайтесь...

Теперь со всех сторон на них уставились бездушные черные стекла очков, скрывавших крохотные злобные глазки местных жителей. Одобрительно качая гигантскими головами, греющиеся у костров черви обсуждали свежую добычу, принесенную в город Паленым. Внезапно заметив у костра-бочки нескольких женщин, Витька уже приготовился было закричать «тетенька, помогите!», но тут же умолк. С самого первого взгляда становилось понятно, что женщины Червигорода ничем не отличаются от своих жутких мужчин. Такие же большеголовые, с крохотными ручками, они казались даже еще более зловещими, потому что вдруг напомнили детям маму, попавшую в искаженный мир. Плотно облизываясь, червячихи смотрели вслед процессии Паленого, о чем-то перешептываясь.

Протасив хнычущих детей через половину поселения, Паленый и его бандиты остановились на большой (скорее всего, центральной) площади, украшенной по краям постаментами и грубыми подобиями флагов. Штандартов было много, десятка три, но без ветра их тяжелые полотнища лишь уныло свисали с флагштоков, больше напоминая грязные тряпки, чем добавляли общей картине долю уныния и скорби.

Сам Паленый тут же направился на дальний конец площади к просторному зданию, сплошь затянутому непрозрачной полиэтиленовой пленкой. Его удалцы, со смехом подгоняя добычу тумками и тычками палок, двинулись в сторону флагов.

– Мамочка родненькая, – выдохнула Настя, только сейчас разглядев невысокую постройку под пьедесталом, к которой их тащили черви. – Ну пожалуйста, не надо...

Но бандиты оставались непреклонны, отпустив детей лишь перед длинным рядом низких ржавых клеток, огибавших площадь с одной из сторон. Лязгнули замки, со скрипом отворилась крохотная дверца ближайшей камеры, после чего наших героев одного за другим силой затолкали в клетку. Захлопнув за ними дверь и защелкивая замок, червяк мерзко захихикал, после чего банда Паленого направилась с площади прочь.

Наконец-то оставшись одни, пленники только сейчас прочувствовали и осознали весь ужас случившегося, а также возможные последствия.

– Мы ведь не умрем, нет? – спросила Настя, растирая по щекам высохшие слезы и грязь. – Это ведь не может так просто произойти, да?

– Тьфу на тебя, дуреха, не болтай, чтоб тебя Птица в зад клюнула! – Опускаясь на корточки, Димка принялся осматриваться, а Витька первым делом полез изучать замок тюремной камеры. – Нам умирать рано, папа всегда так говорит...

Потолок клетки был невысоким, но детям вполне хватало места даже для того, чтобы встать в полный рост. Решетчатые стены и такая же крыша позволяли с легкостью изучить

центральную площадь Червигорода и ее редких посетителей. Как было заметно, все остальные камеры сейчас пустовали. Однако ни достаточное пространство клетки, ни хороший обзор не сулили близнецам ничего доброго – на двери висел ржавый, но очень и очень крепкий замок.

Еще в камере нашлись четыре драные синтепоновые подстилки, грязная миска и старый гнилой башмак. Влажные от пара флаги, укрепленные на пьедесталах над клетками, вяло раскачивались, повсюду стоял грохот и шум работающих агрегатов.

– Нужно бежать, пока они впрямь не сделали нам уколы, – очень серьезно прошептал Витя. Окончил осмотр клетки, опустился на пол и прислонился спиной к решетке. – Если черви владеют препаратом, изменяющим людей, мы должны сбежать раньше, чем они смогут им воспользоваться...

– Умник, тоже мне, – пробормотал Димка, злым пинком оценив прочность двери. – Хорошо сказать – бежать... Есть какие-то идеи?

– Пока нет, но я думаю, – спокойно ответил его брат, хотя было заметно, что внутри Витька совсем не спокоен. Он уже не плакал, но губы подрагивали. – Выход найдется всегда...

– Ребята, а то здание? – Настя всхлипнула, качнув подбородком в дальний конец площади, куда ушел Паленый. – Это у них что-то вроде поселковой Ратуши, так? Может быть, там есть кто-то нормальный? Ну вроде мэра или главы поселка... Кто-то, способный понять, что произошла ошибка?

– Я бы на это не рассчитывал. – Виктор закусил губу. – Видели их женщин?... Думаю, на этой поляне с ума сошли абсолютно все, нормальных ждать не приходится...

– Но ведь папа будет нас искать, так? – спросила Настя, а братья молча переглянулись, поняв друг друга без слов и постаравшись, чтобы этого «диалога» не заметила девочка. – Может, пригрозить червякам?

– Тихо! – вдруг шикнул Димка. – Паленый возвращается.

Тот и правда покинул просторный железный дом, обтянутый полиэтиленом и бесцветными тряпками, и теперь пересекал совершенно пустынную площадь, направляясь к клетке с детьми. Однако на этот раз он был не один – рядом с бандитом вышагивали еще два червя. Первый был неприметен – серая брезентовая роба, все те же черные очки, уродливое лицо без блестящих колец. Хилыми ручками он катил перед собой скрипучую тележку, уставленную тарелками. А вот второй отличался от всех – поверх грубого комбинезона на нем был надет грязно-белый фартук, заляпанный розовыми пятнами. На голове вместо привычных очков с черными стеклами сверкала причудливая конструкция из множества увеличительных линз различного размера.

Неторопливым размеренным шагом процессия достигла клеток, и дети вжались в дальнюю стенку, вцепившись друг в друга.

– Если схватят, кусайтесь изо всех сил! – прошипел Димка, но черви не торопились открывать дверь.

– Вот, Доктор, можешь полюбоваться. Паленый врать не станет... – И бандит, рассуждающий о себе в третьем лице, гордо взмахнул палкой, указав на клетку. – Теперь доволен, Док? Веришь?

– Хм... действительно любопытно. – На лице червяка в грязном халате появилась мерзкая улыбка, какие дети уже неоднократно видели у обитателей этого чудовищного уровня Спасгорода. – Теперь я все вижу и сам...

Док (ведь именно так его назвал Паленый?) опустил оптическое приспособление на переносицу, разглядывая детей то через одну, то через другую линзу своих необычных очков. При этом он хмурил неестественно высокий лоб и пальцем почесывал пепельно-серую щеку. Его лицо украшали длинные вереницы тонких блестящих железных колечек, продетых сквозь ноздри, губы и уши – вероятно, их количество являлось у червяков признаком достатка и положения в обществе.

– Ну что ж, Паленый, молодец, – покивал он, выпрямляясь. – Скажу Старшему, будет

тебе награда, вот увидишь... Эй ты, а ну пошевеливайся!

Последний приказ относился уже к червяку с тележкой. Услышав его, тот вздрогнул и мгновенно сгрузил тарелки, подсовывая их в щель под дверь клетки.

– Кушайте, детишки, кушайте... – Док повернулся к пленникам, стараясь говорить как можно мягче, но было видно, что это у него совсем не получается. – Вам нельзя слабеть... Слабых Реакторы забирают сразу...

– Выпустите нас! – вдруг встрепенулась Настя, подаваясь вперед. – Произошла ошибка, нас будут искать!

– Ох, доченька... – слюняво просюсюкал Док, и лица детей невольно исказились от отвращения. – В том-то и прелесть Реакторной Станции, что на ней никто никого не ищет... Вы кушайте-кушайте, наверняка проголодались в бегах-то?

И он кивнул на три тарелки, наполненные вязкой бесцветной кашей. Обернулся, с недовольством обнаружив, что принесший еду слуга и Паленый все еще здесь, и сделал небрежный жест. Заметив его раздражение, оба червя поспешно ретировались с площади, оставив Доктора наедине с заключенными.

– Вы не имеете права так с нами поступать! – неуверенно поддержал сестру Виктор, старательно не глядя в искаженные линзами глаза Дока. – Нас найдет отец, и тогда вам не поздоровится! Вам тут всем не поздоровится!

– Ух, напугал ты меня, – улыбнулся червяк, потирая бледную щеку и поигрывая вставленными в нее колечками. – Не имеем права, говоришь? В том-то и дело, что имеем. В отместку за то, что Спасгород с нами сделал. Хотя он тоже права не имел. Никакого. Так что, малявка, не тебе о правах рассуждать... Ну да ничего. Все поймете, все узнаете, как подрастете. Освойтесь, так сказать... У вас все впереди, а времени гораздо больше, чем у любого из наших... Мы из вас еще Старших сделаем, если Реакторы позволят...

Он разглядывал детей с откровенным аппетитом, как может мальчишка разглядывать новую машинку в коллекции, а девчонка – самую красивую куклу на витрине магазина.

– Вот так сюрприз, кусай меня блохи... – все так же бормотал Доктор, обеими руками взявшись за решетку. – Давно детей не присылали, очень давно. Только вот на такой счастливый случай уповать и приходится, хвала Реакторам... Но это славно, очень славно. Главное, не торопиться, да, дети? Если уж такой случай, то спешка ни к чему... – Теперь он говорил словно сам с собой, при этом продолжая изучать пленников через многочисленные линзы. – Всех нужно собрать, до единого. Большой обряд устроить... Вот Пятый Цикл завершится, поползут червячки с вахт по норкам, тогда и начнем... Примем вас в семью, обещаю, только дозировку правильную рассчитаю. Вам понравится, недовольных еще не было... А пока посидите тут да не скучайте. Кушайте вот, кушайте кашку, а то если ослабеете, мне Старший не простит никогда...

И он, что-то еще лопоча себе под нос, шаркающей походкой пошел обратно к большому зданию на другом конце площади. Что-то доказывая сам себе и жестикулируя, скрылся за одной из дверей «Ратуши», и только после этого дети смогли перевести дух.

– Вот страшила! – Настя сжала кулачки. – Оценивал нас, словно взвешивал...

– А он и взвешивал, – обреченно подтвердил Витя, опускаясь обратно на лежанку, – чтобы дозу укола правильно определить...

– Гад! – Димка пнул одну из тарелок, и она отлетела в дальний угол клетки, забрызгав прутья неприятной тягучей кашей. – Ух, папка бы ему показал...

– Пока папки твоего тут нету, ты бы лучше о себе думал, – вдруг раздался знакомый голос, и Витька вскочил, от неожиданности налетев на сестру. – Да не шумите вы, горемычные... Вам только шума не хватало сейчас...

Дети повернулись к задней стенке своей тюрьмы, с удивлением обнаружив там Жадного, притаившегося за одной из погашенных костровых бочек.

– Дяденька Жадный, вы тут что делаете? – спросила было Настя, но Димка предостерегающе ухватил ее за плечо.

– Молчи, сестренка! – Он грозно смотрел на Жадного через прутья. – Не говори с этим

предателем. Он пока нам зубы заговаривал, все своих дружков ждал, чтоб нас схватили...

– Эх, мальчуган, – грустно вздохнул тот, быстро и испуганно осмотревшись по сторонам, – все-то ты знаешь, я погляжу... Не выдавал я вас, чем угодно поклянусь! Сами они вас нашли. Может быть, по запаху...

– А сюда чего пришел? – не сдавался Димка, даже в клетке решительно заслоня собой сестру.

– Потому и пришел, что помочь хочу... Не место вам тут, детишки, ох, не место... Уж и не знаю, как очутились вы на Станции, но вижу, что не присылали вас. Не знаю я греха такого, чтобы за него троих совсем еще детей, да в ссылку. А вам лучше не знать, что у нас Старшие с детьми делают.

– Вы хотите помочь нам сбежать? – деловито перехватил инициативу Виктор, и Жадный быстро кивнул, еще раз озираясь и убеждаясь, что за их разговором никто не следит.

– Как открою дверь камеры, идите за мной. Дойдем до внешней стены, там покажу путь, дальше уж сами... Если Доктор до конца Пятого Цикла обряд отложил, значит, есть еще время.

– А вам не влетит, дяденька Жадный? – совсем наивно спросила Настя из-за плеча брата, и почти переродившийся червяк грустно усмехнулся в ответ.

– Я уж постараюсь, чтобы не влетело...

– А как вы замок откроете? – Витька обернулся к двери. – Вы украли ключ?

– Не совсем. – Жадный потер небритый подбородок. – Но за то меня Жадным и прозвали, что никакой замок желаний моих сдержать не может. За то и упрятали, можно сказать. Ждите, я сейчас.

И он, не дожидаясь, пока дети еще что-то скажут ему вслед, исчез за хибарами, огибая ряды клеток. Неприметной сгорбленной тенью вынырнул откуда-то справа, склонился над засовом, а в пальцах его блеснули две тонкие железные спицы. Что-то щелкнуло, хрустнуло, и через секунду Жадный снимал с петель раскрытый замок.

– Только тихо, чтобы никто не услышал. – Червь осмотрел пустовавшую доселе площадь, выпуская пленников наружу. – Не разговаривать, не отставать. За мной!

И нырнул в лабиринт круглых строений, заменявших червякам Реакторной Станции жилье. Вел быстро и умело, избегая встреч с редкими сородичами и огибая пятна света от костров. Нашел три грубые тряпки, набросив плащами и скрыв вызывающий цвет школьных курток. Приказывал то задержаться на несколько минут, а то припустить бегом.

Еще не до конца поверившие в свое спасение, маленькие герои покорно выполняли все распоряжения Жадного, следуя за ним, будто на привязи. Ах, как хотелось им сейчас поболтать между собой, поделившись переполняющей радостью. Но грязные железные стены вокруг, серое белье на веревках, сгорбленные силуэты червей и четыре огромных агрегата над головами напоминали, что еще не время и не место. А потому они молчали, взявшись за руки, и послушно брели сквозь Червигород за своим неожиданным спасителем.

А потом за спиной грянула тревога. Да, конечно, к тому времени они много-много прошли и даже почти что выбрались из самого поселка, вступая в лабиринты уже знакомых станков и приборов. Но до внешней стены было все еще так далеко, а из центра поляны разливался монотонный железный перезвон.

– Обнаружили пропажу-то, – злобно и мстительно ухмыльнулся Жадный. – Теперь погоню собирать будут... Ну да ничего, мы раньше поспеем. А ну, детишки, поднажмем!

И они побежали. Побежали в который раз за этот бесконечный день, еще не переваливший за свою середину. Побежали ровно за Жадным, неведь как выбиравшим дорогу среди казавшихся одинаковыми агрегатов. Металлический звон набата за спиной затихал, уступая место рабочим шумам, летевшим со всех сторон. Великанские резервуары, покрытые жилыми лесами, также выпустили их из своего кольца, а это значило, что беглецы приближаются к внешней стене.

– Дяденька Жадный, – задыхаясь, сумела выдать Настя, – вы ведь нас к Лифту ведете, так?

– Что? – Червь чуть не запнулся, но справился с равновесием и продолжил бег, косясь на девочку. – Нет, полировать твой хром!.. Не знаю, на каком Лифте вы сюда угодили, но у нас все Лифты только для Смотрителей, не иначе. Без них вы поляну не покинете, так что и думать нечего...

– Но наш папа, – тяжело дыша, вступил в разговор Витька, – он должен уехать на особенном Лифте, недалеко от места, где мы с вами увиделись! Он еще может быть тут!

– Забудьте! – не замедляя бега, отрезал Жадный, и у детей внутри все похолодело. – Не до того сейчас. Лифт мы ваш не найдем, а только охотникам в лапы попадемся. Я вам другой путь покажу, а затем уж как знаете...

И они побежали дальше. А когда устали бежать, то перешли на быстрый шаг. Когда и это отняло последние силы – поплелись еле-еле, но все равно не останавливались ни на минуту. И когда дети были уже готовы упасть на месте, лабиринт станков расступился, наконец выпуская беглецов к влажной матовой поверхности внешней стены.

– Все, детишки, тут разделимся. – Жадный торопливо обследовал стену, водя по ней бледными пальцами и что-то выискивая между труб и сочленений плит. – Даже если там, наверху, плохо, это будет не так страшно, как рабство у наших Старших, поверьте...

– А как же вы? – Сбросив пыльную тряпку, Настя жадно хватала ртом вонючий воздух поляны, упершись руками в бедра. – Дяденька Жадный, а вы с нами не пойдете? А вдруг вас разоблачат?

– Ничего, милая, не переживай... А пойти я с вами все равно не могу, после укольчика Реакторы на волю не отпускают, уж поверь.

– Спасибо вам, – вдруг сказал Виктор, протягивая правую руку, как его учил отец.

Димка, глядя на брата, насупленно молчал.

– Спасибо, что помогли нам.

– Да ладно уж. – Жадный ухмыльнулся, но протянутую детскую ладонь пожал со всей серьезностью. – Честно скажу, я не столько вам помогал, сколько грехи замаливал... Во, нашел!

Он вдруг вцепился обеими руками в край чего-то, едва выступавшего из стены, и изо всех сил потянул на себя. С шипением, окруженная паром, в сторону отошла крохотная дверца, за которой царила темнота.

– Все, – грустно выдохнул Жадный, – вам сюда, мне обратно. Это лаз через псевдополяны, только для персонала, даже и не знаю, исправен ли. Но ведет наверх, а это сейчас самое главное. Сожалею, но ни фонаря, ни факела дать не могу... А тряпки лучше прихватите, пригодятся – прохладно там. Ну все, бывайте, лихом не поминайте!

И он, не дожидаясь согласия, начал хватать близнецов, поочередно засовывая в лаз.

– Головы берегите, пока к потемкам не привыкнете. Да не торопитесь...

Жадный все бормотал и бормотал наставления, словно провожал в дорогу собственных детей. Первым помог пролезть Виктору, затем подал ему сестру, а вот Димка оттолкнул руку червя, самостоятельно подтянувшись и нырнув в люк.

– Вместе держитесь, а лучше за одежду... Ну все, уже погоню слышу. – Он напоследок взглянул на бледные испуганные лица, едва видневшиеся в полумраке технической шахты. – Удачи вам, ребята!

И, не дожидаясь, пока его станут благодарить, умолять бежать следом или еще о чем-то просить, навалился на небольшую железную дверь, плотно вдавливая ее в стену Спасгорода.

Тусклый свет Реакторной Станции, летящий от четырех гигантских агрегатов, словно отсекло ножом. Топот десятка окованных железом ботинок также внезапно стих, и дети оказались в полнейшей темноте и тишине.

Глава 3, в которой происходит кошмарное превращение, а кое-кто едва успекает проснуться

Часто бывает, что темнота лишь поначалу кажется непроглядной. Так произошло и с нашими героями, оказавшимися в технической шахте – постепенно глаза привыкли. Однако должен сказать вам, пока дети не сроднились с окружающим их мраком, они пережили несколько жутких, по-настоящему страшных минут.

Вцепившись друг в друга, они боялись даже пошевелиться, со страхом прислушиваясь к урчанию невидимых моторов, шуму в окружающих трубах, треску электричества и музыкальной дроби капли, что сыпалась с потолка.

Они не разговаривали и даже дышали тихо-тихо, чтобы ненароком не услышали черви за стеной. Но вскоре зрение приспособилось к полумраку (Жадный правильно говорил им, что в шахте царит не тьма, а всего лишь полутьма), и страх отступил.

Расцепив руки и разминая затекшие ноги, они поползли в глубь длинного узкого лаза, подальше от неприметной двери во внешней стене Спасгорода. Проход был небольшим, повсюду свисали провода и кабели, но для детей места вполне хватало. Выбравшись в небольшую круглую комнату, они остановились, чтобы перевести дух.

Трубы были повсюду: тонкие, потолще и совсем уж толстенные – они бежали по стенам вверх, переплетались, образуя причудливые узлы, разветвлялись и сходились вновь. Также много, как труб, кругом было разноцветных проводов, но Виктор сразу определил, что все они очень тщательно заизолированы, а потому можно не опасаться удара током. А еще в небольшой комнате, в которую они попали, обнаружились несколько металлических лестниц – убегая в люки, они вели вверх и вниз, растворяясь в наполненном паром сумраке.

В шахте царила ощутимая прохлада – вероятнее всего, работали какие-то специальные охлаждающие установки для спрятанного во внешней стене оборудования. А поэтому на стенах, потолке и изоляции кабелей постоянно скапливался конденсат, стекая вниз мутными ручейками или падая звонкими капельками. Эхо блуждало среди проводов, наполняя шахту странными звуками и шорохами.

– До сих пор не верю, что все это происходит на самом деле. – Настя бросила на пол прихваченную из Червигорода тряпку, усаживаясь на нее и поджимая ноги. – Как глупо все произошло...

– Потерпи, сестренка. – Димка бросил свой кусок брезента рядом, устраиваясь возле сестры и обнимая ее за плечи. – Скоро все закончится, и мы вернемся домой.

– Очень бы хотелось на это надеяться, – задумчиво пробормотал Витя, продолжая осматривать комнату и придиричиво заглядывая в люки для лестниц. – Очевидно одно – вернуться к Лифту, на котором прибыли на Реакторную Станцию, мы не сможем. А это значит, что необходимо найти другой путь до Заботинска.

– Дядя Жадный сказал, что эта техническая шахта ведет наверх, так? – Настя шмыгнула носом, но на этот раз не расплакалась, показывая, что может быть сильной. – Значит, нам остается только лезть вверх и все?

– Надеюсь, что так. – Витка стал очень серьезным, потирая лоб и расхаживая по комнате взад-вперед. – Однако мы не знаем точно, на какой находимся глубине относительно родной поляны, это раз. Не знаем, как высоко ведет шахта, это два. И три – мы не знаем, выводят ли вообще на Заботинск ходы, подобные этому...

– Проверить это мы сможем только одним способом. – Димка встряхнул челкой. – Полезем и все поймем.

– А вдруг там страшно? – Настя покосилась на брата. – Вдруг там еще хуже, чем на этой поляне? Что-то жуткое, о чем в учебниках не пишут?

– Хуже не будет, Жадный так говорил, помнишь? – Витя замер возле ведущей наверх лестницы из матовых железных трубок, вглядываясь в люк над головой. – Там, скорее всего, несколько технических полей, а затем мы куда-нибудь, да выйдем. На Заводы, например, а может, и вовсе на Фермы...

– Время терять нельзя. – Димка еще раз тряхнул головой, словно убеждая в этом сам себя, и поднялся на ноги. Подхватил тряпье, набрасывая на плечи. – Вставай, сестренка,

простудишься. Обмотайся вот...

Он помог девочке набросить на плечи мешковину, закрепив ее вокруг пояса найденным неподалеку обрывком электрического провода. Следом за сестрой импровизированные пончо себе соорудили и мальчишки. Теперь они стали похожи на троих беспризорников, живущих в канализации – чумазые, осунувшиеся, одетые в жуткие, но теплые тряпки.

Как вы могли догадаться, первым в люк полез именно Димка. Какое-то время они с братом спорили, по какой именно лестнице предстоит начать восхождение, но в итоге сошлись на самой надежной и крепкой на вид. Следом за братом лезла Настя, а замыкал их крохотный отряд Витька.

Едва дети покинули комнату, температура упала еще ниже, и теперь из щелей вырывались самые настоящие облачка пара. Железные прутья лестницы больно обжигали ладони, на голову то и дело сыпались ледяные капли. Ворча и стискивая зубы, наши невольные путешественники лезли вверх, почти не разговаривая между собой.

Вскоре они нашли еще одну комнату, очень похожую на первую. Снова изучили трубы и связки проводов вдоль стен, заглянули в темные ответвления, куда имели доступ только избранные специалисты Спасгорода. И если в комнатах или шахте призрачный свет еще наполнял пространство, струясь откуда-то сверху, то в коридорах царила глубокая ночь, и дети не рискнули даже заглядывать в них. Не задерживаясь и понимая, что мерзнут все сильнее, братья и сестра продолжили подъем.

Комнаты стали попадаться все чаще – похожие друг на друга как две капли воды. Один раз они даже нашли планшет связи, но никто из троих не знал необходимых протоколов, а потому прибор с разочарованием был оставлен на прежнем месте.

– Быть может, нам посидеть тут и дожждаться, пока кто-то из ремонтников не придет, чтобы исправить неполадки? – спросила Настя. – Тогда нас могли бы спасти.

– Это может произойти через день или даже через неделю, – терпеливо и вдумчиво ответил ей Витька. – А тогда мы точно умрем тут от голода...

И все погрузнели, потому что детям к этому времени уже очень хотелось пить, да и голод давал о себе знать. Завтрак вспоминался со все растущей завистью, и каждый мысленно пожалел, что не скушал еще пару сладких лепешечек или не доел свою кашу...

А затем лестница вверх вдруг закончилась. Закончилась, и все тут.

Выбравшись вслед за Дмитрием в очередную комнату, они увидели, что в потолке больше нет люков и все пути отсюда ведут или обратно вниз, или во тьму коридоров технического этажа.

– Выбора нет, – внимательно осмотревшись, подвел итог Димка. – Нам придется пройти в глубь стены, чтобы найти следующий подъем.

Растирая озябшие руки, дети переглядывались, не торопясь направляться в мрачный коридор. Наконец братья одновременно кивнули, словно принимая непростое решение, и Димка первым шагнул в темноту.

Как довольно скоро оказалось, тут тоже не было совершенно темно – из узких желобов и отверстий, в которые убегали провода, сочился едва различимый свет. И пусть наши странники видели лишь силуэты предметов, идти вперед все же могли. Пригнувшись, чтобы не удариться о трубы головами, они вереницей двинулись дальше, цепко держась за одежду друг друга.

Коридор разветвился шагов через сто, и они замерли на перекрестке, решая, какой из трех путей выбрать. Предпочли самый правый, освещенный больше других. Продолжили путь. А затем, через новую сотню шагов, коридор вывел их в просторное, хоть и низкое помещение, отдаленно напоминавшее техническую псевдополян. От полноценного городского яруса комнату отличали сравнительно небольшие размеры и весьма низкие своды, словно давящие на головы. Однако тут, среди зарослей труб и высоковольтных проводов, они вдруг заметили мерцание огня.

Вообще, когда долго пребываешь в темноте, зрение очень сильно обостряется – вот и теперь, едва различив среди труб огонек, они замерли, не в силах поверить. Огонь горел

достаточно далеко, шагах в пятидесяти от них, бросая слабые отсветы на железные бока котлов и агрегатов, заполнявших технический ярус. Но только уловив эти призрачные блики, путники безошибочно догадались, что где-то впереди находится источник света.

– Мамочка, – испуганно прошептала Настя, хватая братьев за рукава, – неужели снова черви?

– Тсс... тихо! – шикнул на нее Витька, всматриваясь вперед, но не имея возможности что-то разглядеть. – Если не будем шуметь, обогнем костер между этих труб... Правда, придется лезть по проводам, так что постарайтесь не запутаться...

– А давайте сначала разведем? – Димка пригнулся за массивной трубой, не торопясь углубляться в переплетения кабелей. – Вдруг это не черви, а как раз ремонтники? Стойте тут, я посмотрю. – И добавил, обернувшись и очень серьезно взглянув на брата и сестру: – Если меня схватят, бегите со всех ног. Прячьтесь в трубах и обходите это место. На другом конце этой полянки точно должна быть лестница...

– Не надо, Димочка, – попробовала остановить его девочка, но тот уже нырнул вперед, скрываясь в густой тени.

Оставшись вдвоем, брат и сестра снова взялись за руки, настороженно прислушиваясь к малейшим звукам. Где-то за стенами урчали двигатели, шипели поршневые системы, неподалеку гудел трансформатор. Шагов Димки, двигавшегося предельно осторожно, они слышать уже не могли.

Тот вернулся скоро и неожиданно, напугав обоих и едва не заставив сестру вскрикнуть. Присел на корточки, прислоняясь спиной к связке проводов, и перевел дух.

– Ну, что там? – набросились на него Виктор и Настя.

– Это вовсе не черви, – облизнув сухие губы, сказал Дмитрий, – но и не ремонтники. Вы мне не поверите, но там... там живет бабушка...

– Какая еще бабушка? – Брови Витьки взметнулись, как бывало всегда, когда он выслушивал небылицу. – Откуда здесь бабушка?

– Да что я вам рассказывать буду? Идемте со мной, сами все увидите... – Он поднялся на ноги. – Она старенькая совсем, не услышит нас, точно говорю. Я место одно приглядел, оттуда все видно.

И они, стараясь шагать как можно мягче, пошли вперед, снова прячась в тени. Затем Димка потянул их куда-то влево, они проползли под тяжелыми связками проводов, свисающих с потолка, и очутились за массивным круглым паровым котлом, в котором что-то ворчало и бурлило. Выглянув из-за его покатога бока, увидели то, о чем говорил разведчик.

На открытом пространстве между трубами и котлами был разбит крохотный лагерь. В центре его мерно работала переносная электрическая горелка, над которой уже закипал небольшой котелок (от запаха съестного у детей невольно заурчало в животах, но шумное дыхание теплого парового котла скрыло эти звуки от посторонних ушей). Рядом с горелкой был развернут толстый спальный мешок, заботливо и аккуратно застеленный стареньким ватным одеялом. В сторонке лежал открытый походный рюкзак.

А на пустом железном ящике, помешивая похлебку длинной пластмассовой ложкой, действительно сидела бабушка, невысокая круглощекая женщина, годящаяся в матери Юлии Николаевне (маме наших героев). Она была одета аккуратно, хоть и бедно. Погруженная в собственные мысли, старушка смотрела в закипающую воду, совершенно не замечая, что за ней подсматривают.

Наблюдатели присели на корточки, покидая свой пост, и немного отползли в глубь переплетения электрических жил.

– Ну, что я вам говорил? – с легкой обидой спросил Димка. – Убедились?

– Убедились, – его брат кивнул, но при этом остался необычайно задумчив. – Интересно, кто она такая?

– А может, – прошептала Настя, придвигаясь поближе, – она когда-то, как и мы, заблудилась в стене Спасгорода и до сих пор бродит тут одна?

– Ух, Настюха, скажешь тоже! – фыркнул Дмитрий. – Сколько же лет, по-твоему, она

тут блуждает?

– Нет, – помотал головой Витька. – Она точно не заблудилась. За столько лет либо нашла бы выход, либо погибла... Она, я думаю, отшельница. Я читал про таких – они сознательно уходят от людей и селятся в самых диких и труднодоступных местах, чтобы в одиночестве размышлять о жизни...

– А чего о ней размышлять? – робко спросила Настя, потому что не читала книг своего брата. Заметив его осуждающий взгляд, девочка смутилась окончательно. – Ну если она и правда эта... отшельница, может быть, она нам укажет путь к жилым полянам?

– Думаю, да, – поддержал сестру Дмитрий. – Это вам не червяки страшные, а милая бабулька. Спросим у нее дорогу и пойдем дальше.

И он, не дожидаясь ответа, снова пополз на наблюдательный пункт, высовываясь из-за края. Остальные в спешке присоединились к нему. Каково же было их удивление, когда они увидели, что бабушка стоит прямо перед паровым котлом (тем самым, что скрывал детей), повернувшись к ним лицом и улыбаясь.

Торопливо нырнув обратно за край, Витя, Дима и Настя зашептались. Осознав, что обнаружены, они срочно пытались решить, что делать дальше. Тем временем из-за котла раздался голос старушки, мягкий и миролюбивый:

– Я слишком долго живу в одиночестве, хорошие мои, чтобы не услышать чье-то присутствие. – И все трое могли бы поклясться, что сейчас женщина по-прежнему улыбается. – Выходите, не бойтесь меня, все равно я вас уже заметила...

Первым, старательно скрывая смущение и стыд, на ноги поднялся Дмитрий. Вылез из-за котла, держась настороженно, но голову опустив. За ним последовал брат, а затем и Настя. Бабушка, и вправду улыбаясь, внимательно разглядывала путешественников.

– Ох, чумазики вы мои... – она покачала головой. – Откуда ж вы такие взялись?

– Здравствуйте, – напряженно, но вежливо сказал Витя, потому что никогда не забывал о воспитании и хороших манерах. Остальные тоже поздоровались следом. – Мы немножко заблудились. Вы не могли бы показать нам дорогу наверх?

– Наверх? – Бабушка заинтересовалась, но головой качать не перестала. – Отчего же не показать? Вам куда попасть нужно?

– На Заботинск, – пискнула Настя, и старушка нахмурилась.

– На Заботинск? Далеко же вас занесло, детишки... Ну да ладно, подскажу, куда идти, только знайте, что путь этот нелегкий... Да вы проходите, у меня печка есть, хоть отогреетесь... А может, кушать хотите? Сейчас супчик поспеет, угощу... Эх, давно я гостей не встречала... Да проходите, проходите же, не стесняйтесь...

И она, не дожидаясь ответа, вернулась к своей крохотной стоянке, усаживаясь на перевернутый железный ящик. Дети последовали за ней робко и неуверенно, с удивлением рассматривая миниатюрный лагерь. Но нужно помнить, как ароматно и вкусно пахло из котелка, а потому совсем скоро все трое послушно уселись рядом прямо на ее лежанку, подтянув к себе колени.

– А вы отшельница, да? – наконец спросил Витька, старательно не глядя в сторону котелка. – Я про таких читал...

– Да, отшельница, можно и так сказать, – важно кивнула старушка, будто гордилась своим положением. – Можете называть меня Красимирой Михайловной... А если хотите, то просто бабой Красей, ладно? А вас как зовут?

– Виктор.

– А меня Настя...

– Э... Димкой меня звать... а вы тут совсем одна живете?

– Совсем, совсем, – она покачала головой, что-то высыпая в котелок. – Иногда только к людям да зверью разному выхожу, чтобы припасы пополнить, а затем снова в чащу...

– Наверное, вы здесь все ходы-выходы уже узнать успели? – Постепенно отогреваясь у печки, Димка шмыгнул носом. – Каждую тропку.

– Почти, – ответила баба Крася. – Всех тропок никто знать не может, их тут очень,

очень много... Ну а вас-то сюда как занесло? На крысенышей не похожи, на червячков облученных тоже... Заблудились, говорите?

Настя уже открыла было рот, чтобы рассказать бабе Красе все-все-все, но Димка незаметно ущипнул сестру, и она только ойкнула. Бабушка кивнула, демонстрируя уважение к чужим тайнам.

– Ну, не хотите рассказывать, как хотите, свои секреты у всех быть должны... Настенька, да не скучай ты, девочка моя. Пока суп готовится, вон у меня в сумке дорожной зеркальце есть, хоть причешишься. – И она тепло улыбнулась, словно втайне, но по-доброму посмеиваясь над маленькими путешественниками. – Там и гребешок найдется...

Девочку не пришлось упрашивать дважды. Вы, наверное, знаете, что девочки вообще очень трепетно относятся к своему внешнему виду, и в такой ситуации, как эта, наличие зеркальца произвело на Настю по-настоящему волшебный эффект. Дотянувшись до видавшего виды рюкзака, она вынула оттуда раскладное зеркальце, оттирая щеки и поправляя свалывшиеся прядки.

– Ох, супчик жидковат выходит, хорошие мои, – посетовала бабушка Крася, любуясь прихорашивающейся девочкой. – Вы уж не судите строго, давно ничего сытного не готовила, – добавила она и облизнулась, словно впрямь только и мечтала о вкусных сочных пирогах, или жареной картошке, или горячей сырной запеканке.

– Не переживайте, Красимира Михайловна, – скромно потупился Виктор, – мы вам все равно благодарны...

– А уж как я вам благодарна, – улыбнулась в ответ старушка, и Димка вдруг нахмурился. – Родители-то ваши знают, что вы тут гуляете? Или без спросу сбежали?

– Знают, конечно!

– Нет, не знают, мы от папки отстали...

Обе фразы были сказаны одновременно – первую торопливо выпалил хмурящийся Дмитрий, а вторую, запоздало спохватившись и чувствуя на себе гневный взгляд брата, произнесла Настя. Она так увлеклась собой, очарованная зеркальцем и гребешком, что совершенно забыла об осторожности. Девочка торопливо прикусила язык, отворачиваясь, но бабушка уже все поняла и покачала головой.

– Так я и думала... Ох, хулиганы, глаз да глаз за вами нужен. Ушли так далеко от дома, а родители и не знают, что вы тут... Ох, детишки-детишки. – И она продолжила помешивать похлебку, с аппетитом причмокнув губами.

Димка схватил брата за локоть, притягивая близко-близко, и зашептал ему в ухо, пока хозяйка небольшого лагеря отошла к мешку за приправами.

– Что-то тут не то, брат... Не нравится мне, как эта тетенька на нас смотрит, совсем не нравится...

– Перестань, Димка, – Витя недовольно нахмурился. – Тебя погреться к печке пустили, сейчас накормят, а ты всякую чушь несешь...

– Это не чушь, ты посмотри только, как она... – Но в этот момент баба Крася вернулась к котелку, и братья прервали разговор.

– Супчик почти готов, ребятушки мои, – продолжала приговаривать отшельница, деловито посыпая похлебку молотыми корешками. – Покушаете, тепло вам станет, сытно. А там и отдохнуть приляжете, бабушку Красимиру это совсем не затруднит... Ах уж мы покушаем, так покушаем... давно такого вкусного ужина не бывало, вы уж мне поверьте...

И слова бабушки прозвучали так убаюкивающе, что Витька вдруг поймал себя на том, что клюет носом. Разумеется, они очень устали и переволновались, попав в необычайные и опасные переделки, но чтобы вот так вот стремительно захотеть спать? Он повернулся к брату, заметив, что Димкина голова тоже клонится на грудь, а веки намерены сомкнуться.

– Никуда вам, детишки, идти уже не нужно, – ласково и умиротворяюще нашептывала бабушка Крася, с улыбкой разглядывая сомлевших после долгой и трудной дороги детей. – Оставайтесь тут, я только рада буду. Там за стенами мир сложный и непростой, а тут все понятно, все доступно... Попутешествовал, прилег, отдохнул, поел, если повезло, дальше

пошел... Вам понравится, детишки, вот увидите...

Витька покосился на сестру, с растущим раздражением заметив, что теперь и Настя готовится задремать, безвольно опустив руки. Гребешок выскользнул из ее пальцев, упав на лежанку старушки, но зеркальце еще держалось в ладошке, неуверенно покачиваясь.

– Засыпайте, мои хорошие, засыпайте, вот уже и супчик почти готов... Был суп, станет соус, ну да ничего, так только вкуснее будет. – На ее милом старческом личике продолжала сиять благодатная и светлая улыбка. – Бабушка Красимира понимает, как вы устали... Прилягте, мои хорошенькие, прилягте, мои сладенькие... Не стесняйтесь, это ненадолго...

Конечно же, Виктор раньше всех стал понимать, что вокруг происходит что-то неправильное. Не могли трое детей, даже самых уставших, вот так вот запросто уснуть в незнакомой и пугающей обстановке. Договаривались ведь держать ухо востро да по сторонам глядеть, чтобы в неприятности, как с червяками, не угодить. И тут на тебе – готовы дрыхнуть, словно в родном доме, а не в диком лесу из труб, котлов и высоковольтных линий.

Витька попробовал пошевелить руками, но они оказались тяжелыми и ватными, словно в глубоком сне. Захотел посмотреть на бабу Красю, чтобы попросить ее прекратить эти усыплявшие приговоры, но мальчика не слушались ни голова, ни губы. Взор застилала добрая и широкая улыбка старушки, так радушно согласившейся накормить троих заплутавших детишек.

Тогда Виктор качнулся вправо, стараясь плечом как можно сильнее толкнуть сестру, и у него это почти получилось. Настя вздрогнула, что-то пробормотав, а небольшое овальное зеркальце в ее пальчиках снова качнулось, подворачиваясь и ловя новое отражение. Светлый «зайчик» словно ударил Витьку по глазам, заставив моргнуть, и мальчик мигом проснулся.

От отвращения вдруг перехватило дыхание, липкий пот покрыл спину, а волосы на затылке зашевелились, как живые. Потому что в зеркальце Витька увидел бабу Красю, но вовсе не в образе милой и благодушной старушки, предложившей отдых путешественникам. В крохотном зеркальце, зажатом в пальцах сестры, отражалось что-то мохнатое, с двумя глазами-блюдцами, растущими из-за спины прозрачными гребнями и толстыми костлявыми лапами вместо рук. Почти так в учебниках по биологии изображали один из видов опаснейших насекомых – мух (мы ведь знаем, что они переносят болезни, не так ли?), и теперь мальчик не мог поверить, что видит перед собой не только нечто похожее, но и в двести раз большее по размеру.

И тогда Витька закричал во всю силу своих мальчишеских легких, пронзительным воплем стряхнув колдовской сон и с брата, и с сестры. Вздрыгнув, распахнув глаза и машинально закричав в ответ, дети в ужасе усталились на отшельницу, от страха не решаясь сдвинуться с места. А старуха-оборотень все продолжала превращение, теперь и вовсе не походя на человека – от бабушки на ее жутком скукожившемся лице остались лишь несколько прядей светлых волос и добродушная улыбка, теперь превратившаяся в оскал.

– Что же вы испугались, мои хорошие? – голосом бабы Краси спросило чудовище, неестественно изогнув свою короткую шею. – Проснулись не вовремя? Ну да ладно, это не страшно... Соус почти готов, пора начинать кушать...

И бывшая бабушка шагнула к ним на своих длинных мохнатых лапках. Первым перестал кричать Виктор – наверное, потому что первым и начал. Вскочив на деревянные от дремы ноги, он ухватил вопящих брата и сестру за шкурки, рывком вздергивая вверх. Они пошатнулись, чуть не упав, но равновесие удержали.

А потом Витя, удивив своей храбростью не только Дмитрия, но и самого себя, бросился вперед, изо всех сил пиная по крохотной печке и кипящему на ней котелку. Так он лупил по футбольному мячу в школе или по пустым коробкам на Пустыре – сильно, с замахом, почти не целясь.

– Баба Крася больно не сделает, мои хорошие... Первый сейчас на ужин пойдет, остальные пожить смогут, еще дней пять-шесть, – продолжала огромная муха ласковым человеческим голосом. – Страшного в этом нет, вы уж поверьте... Там за стенами мир дикий и непростой, а со мной не пропадете... Садитесь обратно, хорошие мои, сейчас кушать

станем...

Больше чудовище ничего не успело сказать своим убаюкивающим голосом доброй старушки. Потому что котелок, направленный Витькиной ногой, пролетел несколько шагов и угодил мухе ровно между огромных, поделенных на блестящие дольки глаз. Кипящая похлебка из корешков, которую бывшая бабушка собиралась использовать как соус, выплеснулась на голову оборотня, заливая морду, плечо, часть гребня и одно из огромных глазищ.

– Бежим! – завопил Димка, хватая сестру за рукав. – За мной!

А оборотень, дико завыв, рухнула на бок, быстро-быстро суча длинными лапками, скрипя острыми зубами и пытаясь стряхнуть с себя густую горячую жидкость. Во все стороны повалил пар, запахло вареным мясом, а дети уже неслись прочь, перепрыгивая через трубы и ловко ныряя в проходы между распределительными шкафами.

За их спиной продолжала завывать раненая баба Крася, а Димка все бежал и бежал, увлекая их в глубину технического этажа и все не решаясь обернуться. Наконец они так глубоко угодили в переплетения проводов, что между ними было не пролезть и ребенку. Двинулись в сторону, стараясь найти проход, и только теперь стало слышно, как клацают зубы у Насти. Тогда Димка остановился, крепко обнял сестру и начал ей что-то нашептывать, стараясь успокоить.

– Ты молодец, Витька! – Тряхнул челкой он, когда девочка почти перестала дрожать и стучать зубами. – Здорово с котелком придумал! Если бы не кипяток, сцапала бы нас бабка, точно сцапала бы. Да и проснуться сумел, тоже герой. Я обязательно пацанам об этом расскажу, чтобы тебя больше зубрилой и ботаником не дразнили...

– Да что же это творится? – на глубоком вдохе прошептала Настя, озираясь, словно впервые увидела окружающую обстановку. – Кошмары какие-то на каждом шагу... Мамочка, как же домой хочется...

– Не плачь, сестренка, – как можно более сурово сказал Димка, тоже оглядываясь по сторонам. – А ведь какая бабка хитрая, а? Заболтала нас, усыпила почти, а потом бац – и уже не бабка вовсе... А какой доброй казалась, зеркальце Настюхе дала...

– Это зеркальце, можно сказать, – потупился Витька, – ее и погубило. А хитрость ее понять можно, да... Столько дней корешками питаться, пока олухи вроде нас в ее капканы не попадутся...

– Кто же она такая?

– Не знаю, – ответил брату Виктор. – Про таких в учебниках не пишут, это точно. Наполовину человек, наполовину зверь... Да еще и обладающий гипнотическими способностями... Мутант, наверное, как черви...

– А вдруг таких много? Червей же целая поляна!

– Сомневаюсь. Не знаю, почему, но что-то подсказывает мне, что бабушка Красимира – единственная в своем роде...

– Хватит! Давайте дальше пойдем, – вдруг предложила их сестра, почти успокоившись и взяв себя в руки. – Если эта жуткая бабка за нами погонится, нужно быстрее лестницу вверх искать. Обратно к червякам я все равно не хочу...

– Это верно, – кивнул Виктор, – разницы никакой, везде плохо... Тогда вперед! Если старуха не обманывала, тут где-то подъемы должны быть, главное найти.

И они двинулись дальше, не очень-то понимая, куда именно идут, окончательно заблудившись в нагромождениях однообразных труб и вздрагивая от каждого шороха. Услышали шум моторов, которого раньше не было, и повернули к нему. Обогнув огромную установку по очистке воздуха, снова угодили в целое скопление электрических шкафов.

Опять начал ощущаться холод, на детей навалилась усталость. Но о том, чтобы присесть и отдохнуть хотя бы десять-пятнадцать минут, не шло и речи. Только они вспоминали жуткое мохнатое туловище оборотня, покрытое толстыми черными щетинками, как страх еще быстрее подгонял вперед, заставляя пролезать в самые узкие щели между трубами или продираться через пыльные связки проводов. А еще через какое-то время

близнецы вдруг вышли на открытое (относительно открытое, потому что все равно кое-где из пола торчали трубы) пространство, посреди которого возвышалась и убегала в потолок лестница. Такая желанная и надежная лестница, ведущая в круглый люк над головами.

Витька и Настя уже приготовились перейти на бег, ринувшись вперед, и Димка едва успел поймать их за края накидок, утягивая в укрытие. Заставив присесть за трансформаторной установкой, он покрутил пальцем у виска, осуждающе глядя на обоих.

– Вы что, спятили? – зашептал он, грозно хмуря брови. – А если она тут одна, эта лестница? Тогда бабке Красимире нас поймать вообще труда не составит – села в засаду, да жди, когда детишки неразумные из чащобы выйдут. Может, и не всех, но одного или двоих схватить успеет...

– Извини, – зачем-то пробормотала Настя, рукавом утирая нос. – Мы не подумали.

– Спрятаться нужно, выждать, – уже не так сурово продолжил Дима. – Если старуха не появится, тогда бежим и карабкаемся.

И они притаились в холодной тени, стараясь не шуметь и не расчихаться от пыли. По очереди выглядывали из-за края, внимательно осматривая каждый закуток вокруг лестницы. Ничего не замечали и опять возвращались в тень, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Снова дал знать о себе голод, очень хотелось пить. Лица детей осунулись от страха и пережитых волнений, губы растрескались от жажды, руки и щеки покрылись толстым слоем грязи.

И вот, когда в очередной раз выглядывать и проверять должен был Виктор, он вдруг молнией шарахнулся обратно, глядя на брата и сестру выпученными глазами. Ничего не говоря, мальчик приложил к губам указательный палец, но его поняли и без слов. Там, возле лестницы, находилась бабушка Крася, и они прекрасно помнили, какой острый у нее слух.

Но наших путешественников можно понять – находиться в неведении гораздо страшнее, чем лично узреть свой страх. Ничего не знать куда жутче, чем понимать, что именно делает твой враг, и быть готовым к ответу. А потому напряженное ожидание, в котором дети просидели не меньше десяти минут, закончилось, когда Димка осторожно и очень-очень медленно приподнялся, выглядывая из укрытия. Старуха действительно была у лестницы – сидела в тени, задумчиво глядя наверх. Она вновь изменилась – теперь казалось, что она хотела превратиться обратно в человека, но вдруг раздумала. А потому верхняя часть чудовища вновь стала бабушкой-отшельницей, а все, что ниже пояса, осталось от мухи. Вид этого страшили, несущего человеческое тело на четырех тонких длинных лапках, вызывал отвращение и страх. И еще было заметно, как серьезно ранена Красимира.

Вся левая половина ее благодушного и улыбчивого лица была покрыта ржаво-коричневой пузырящейся коркой свежего ожога. Под ней скрылись глаз, ухо и щека, часть носа и подбородка. Задел ожог и губы, навсегда превратив лучезарную старческую улыбку в кривой недоверчивый оскал. Сейчас эти обожженные губы шевелились, и Димка вдруг смог разобрать, что бормочет себе под нос страшная отшельница.

– Гадкие, гадкие дети, – шептала она, не отводя единственного глаза от люка над головой. – Обидели несчастную бабушку Красимиру... Ну что такого я им сделала? Приютила, угостить собиралась, девочку лаской окружила... Куда, куда же могли деваться эти гадкие дети?

Тонкие мохнатые лапки чудовища подрагивали, словно от нетерпения, а левой человеческой рукой старуха осторожно ощупывала ожог, словно пыталась определить его размеры. Голова ее все время поворачивалась из стороны в сторону, и Дмитрий догадался, что теперь оборотень наполовину лишена своего острого слуха.

– Они могли пойти по этой лестнице, но тогда детишки напрямую угодят к крыскам... К злым крыскам, обижающим бабушку Красимиру... Могли они это сделать? – спрашивало чудовище само у себя. – Могли, да. Но еще плохие дети могли пойти по дальнему коридору. Пойти по коридору, чтобы не лезть к крыскам, а направиться вверх, в сторону Заботинска...

Обожженная голова опустилась, и теперь взгляд оборотня был направлен в темное ответвление, образованное стенками приборов и установок по очистке воздуха.

Уставившись во мрак, старуха продолжала негромкий монолог:

– Что же сейчас делать бедной бабушке? Но ведь я могу поймать их по дороге, да. Путь до Заботинска неблизкий, возможность будет. Они же говорили, что идут на Заботинск, просили бабушку Красимиру помочь. Я бы помогла, я собиралась помочь, они бы навсегда забыли о страхах, населяющих Спасгород... Куда же они направились? К крыскам или к дальним шахтам? Пугливые гадкие дети. Они бы никогда не полезли к крыскам, это точно. Значит, они выбрали безопасный путь. Ну ничего-ничего, гадкие дети, я обязательно догоню вас, и тогда вы ответите за боль, причиненную бабушке Красимире!

И с этими словами оборотень поднялась с наседа на свои тонкие мохнатые ноги. Покачивая черным волосатым тельцем (из которого все еще вырастала верхняя половина старушки), она засемила в дальний темный проход, продолжая что-то бормотать себе под обожженный нос.

– Скорее бежим к лестнице! – Настя чуть не выпрыгнула из укрытия. – Пока она не вернулась, мы должны быстрее залезть как можно выше!

– Тихо ты! – Димка болезненно схватил сестру за плечо, опуская обратно. – Вдруг это ловушка?

– Кроме того, – задумчиво начал Витя, и остальные поморщились (уж шибко им был знаком этот тон, которым брат излагал логичные, но неприятные факты), – не исключено, что нам вовсе не по этой лестнице.

– Что ты хочешь сказать?

– Мы все слышали эту сумасшедшую старуху. Путь на Заботинск лежит не тут, а где-то дальше по техническому этажу. В той стороне, если быть точным. – Он махнул рукой вслед ушедшей в темноту бабе Красе. – А эта лестница ведет к каким-то крыскам, так? Там – безопасный путь. Возможно, Лифты. Тут – крыски, и надеюсь, это совсем не то, о чем я подумал...

– Что же ты предлагаешь? – Димка вслушивался в звуки, окружавшие их, пытаясь вовремя различить стук когтей чудовища по железным плитам пола. – Идти следом за Красимирой? Ты серьезно?

– Возможно, – протянул его брат, но теперь не так уверенно. – Если бы мы смогли выждать или перехитрить бабку, то нашли бы подъем к поселку. А лезть в этот люк, который даже оборотень назвал небезопасным, я отчего-то не хочу.

– Вы можете спорить, сколько хотите, – вдруг насупилась Настя, – но я намерена убраться отсюда как можно скорее. Пожалуйста, не заставляйте именно меня принимать решение!

– Я за лестницу, – отрезал Димка. – Прямо сейчас! Что бы ни ждало нас наверху, мы сможем справиться с этим, как справились с червями и старухой. Но если протянем время, чудовище вернется, и тогда нам несдобровать.

– Я за дальний подъем, – хмурясь от того, что они не могут прийти к согласию, подытожил его брат. – Не забывайте, что с червями мы не сами справились, а в другой раз помощь может и не прийти. А дальний путь – почти напрямик к поселку, ну, или к нормальным людям, как минимум. Итак, мнения разделились. Слово за тобой, Настюха...

Но их сестра, глядя куда-то перед собой, казалось, вообще не принимает участия в споре.

– Настя? – Дмитрий потряс девочку за плечо.

– Тише, – отмахнулась вдруг она. – Вы слышите?

И они, разом замолчав, в самом деле услышали.

По коридору, бормоча и звонко цокая когтями, возвращалось чудовище. И еще им показалось, что на этот раз оно возвращалось бегом.

– Гадкие-гадкие дети, обманули бабушку! Хотели обмануть бабушку, но у них не вышло! – злобным и обиженным голосом верещала баба Крася. – Они еще где-то здесь! Они точно где-то здесь! Но Красимира Михайловна найдет плохих жестоких детей. Найдет и накажет. Вы слышите меня, хулиганы? Я найду вас!

Тогда Настя не выдержала. Вскочив и поднимая за собой братьев, она одним прыжком покинула их неубедительное укрытие, побежав к лестнице. Мальчики, даже не успевшие опомниться, припустили следом, озираясь на бегу.

Так иногда бывает, когда в ситуации растерянности или неопределенности решение возникает само собой. Принимается кем-то, кто ведет за собой остальных. Уже потом можно спорить, насколько правильным оказывается оно, это решение... Но в момент его принятия (когда счет идет на секунды) обычно никто не думает о правильности или последствиях – все слепо бегут за старшим. Так произошло и с нашими героями, покинувшими тень за трансформаторной установкой и бросившимися к лестнице.

С максимальной скоростью преодолев открытое пространство, все трое прыгнули на толстые пыльные прутья – Настя первой, за ней Витька, замыкающим полез Дмитрий. Торопливо, не обращая внимания на усталость и холод под пальцами, они полезли вверх, к такому низкому, но бесконечно далекому потолку и люку в нем.

Топот длинных суставчатых ног приближался, а одновременно становились громче и причитания оборотня.

– Я найду гадких детей, даже если мне придется обшарить каждый закуток этого этажа! – вопила старуха, и теперь ее голос раздавался близко-близко. – Найду для того, чтобы наказать... Гадкие дети, злом отплатившие за добро... Вот они!

Последний крик раздался очень и очень громко, откуда-то снизу, и дети невольно обернулись, одновременно закричав. Потому что страшное существо, наполовину старуха с обожженным лицом, а наполовину гигантская муха, находилось прямо под ними, выползая из темного коридора.

– Быстрее-е-е-е! – завопил Димка, карабкавшийся последним, а баба Крася вцепилась в лестницу, раскачивая ее и на человеческих руках подтягиваясь вверх.

В этот момент Витька поскользнулся, чуть не треснув брата ботинком по макушке. Но мальчик удержался (хоть и завопил от страха) и лихорадочно продолжил подъем.

– Остановитесь, детишечки, пожалуйста! – своим жутким ласковым голосом попросила бабушка, продолжая подтягиваться на руках все выше и выше. – Гадкие, гадкие дети, вам нужно преподать урок...

Но наши герои лезли наверх, даже не представляя, что умеют так быстро лазать по лестницам. А потом Настя чуть не сорвалась вниз, прямо в объятия оборотня (и кто знает, чем закончилась бы эта история, если бы девочка все же упала?).

Все произошло за какие-то пару вдохов, но детям показалось, что прошло не меньше минуты, словно время стало медленным-медленным – Настя не успела ухватиться за очередную скользкую ступень. Принялась заваливаться назад, протяжно закричав, и в этот же миг Витька изо всех сил уперся ей в ноги, чтобы не дать рухнуть. Собравшись с силами, девочка дотянулась до лестницы, теперь стараясь хвататься более цепко.

– Нет, нет, не уходите! – Оборотень продолжала причитать внизу, из-за своих тонких насекомых лапок не в состоянии подняться следом за детьми. – Там плохой мир. Там опасно, там крыски. Я не дам вас в обиду, обещаю...

Но беглецы один за другим уже юркали в люк, без сил падая на пол очередного технического этажа. Повалились вповалку, шумно дыша и растирая обмороженные ладошки, а оборотень где-то внизу все продолжала бесноваться, уговаривая и угрожая.

– Она... она... – Переводя дыхание, Дмитрий осмелился заглянуть в люк. – Она превращается в человека... – наконец смог вымолвить он.

– Хочет залезть за нами! – Витька вскочил на ноги, будто от страха у него открылось второе дыхание. – Димка, тут есть заслонка, помоги!

Братья из последних сил навалились на круглую крышку люка, из-за ржавчины и старости почти прикипевшую к полу псевдополаны. Они кряхтели и стонали, стараясь хотя бы чуть-чуть сдвинуть ее с места, но крышка все не поддавалась. Тем временем чудовище у основания лестницы уже почти обрело человеческий облик, снова став миловидной (если не считать ожога) старушкой.

– Да тут же стопор! – вдруг воскликнула Настя.

Она измученно лежала прямо на пыльном полу и наблюдала за усилиями своих братьев снизу вверх. Девочка потянулась вперед, с лязгом выдергивая из-под ног Виктора длинный железный штифт, промаркированный красной краской.

– Крышка была зафиксирована!

И тогда металлический диск под руками мальчишек наконец пришел в движение. Приподнялся, пошел выше, встал под прямым углом к полу. Чуть не прищемив пальцы, братья толкнули от себя увесистую крышку. С оглушительным грохотом упала она на люк и лестницу под ним, отрезав детей от жуткого существа внизу.

– Задвижку! – Витка забрал у сестры штифт, вгоняя его в проржавевший паз.

Убедился, что люк крепко заперт, и только после этого обессиленно опустился на пол, с трудом веря в успех побега. А затем, почти сразу же после того, как мальчик запер заслонку, в ее железную поверхность что-то ударило. Снизу. Сильно-пресильно – так, что заскрипели петли и взметнулась в холодный воздух ржавая пыль. Затем последовал еще один удар, потом третий, и только после этого наступила тишина.

– Мама! – просипела Настя, на коленках отползая подальше.

– Спокойно. – Виктор присел на корточки, внимательно изучая крепление штифта и петли. – Конструкция старенькая, но надежная. Если эти удары все, на что способна старуха, ей не выбить люк...

Они замолчали, стараясь угадать или уловить, что сейчас происходит под их ногами. Но кругом царили все те же привычные звуки работавших машин или гудящих проводов, а потому близнецы не слышали ничего интересного.

Сложно в точности сказать, как долго отдыхали дети, приходя в себя после дикой беготни по псевдополюю и гонки на лестнице – ведь, как мы знаем, у них не было личного хронометра, чтобы определить время. Возможно, прошло полчаса, а возможно, всего пятнадцать минут (лично я думаю, что около тридцати). Но когда Димка, внимательно осмотревшись, поднялся на ноги, все поняли, что отдых окончен.

– Нужно идти дальше, – озвучил он мысли всех троих. – Скоро есть захочется по-настоящему, да и без воды долго не протянем. Нужно найти технический резервуар. Если на этом уровне охлаждают не только азотом, но и водой, от жажды мы не умрем. А вот если старуха отыщет еще один проход на этот уровень...

И он замолчал, потому что все и так понимали, что произойдет, если Красимира найдет лестницу. Опираясь на гудящие руки, Витя поднялся с пола, помогая встать сестре. Комната, в которой они оказались, имела три выхода, и только один из них закрывала дверь, запертая на массивную изогнутую задвижку.

– Эти коридоры... – Щурясь и пытаясь хоть что-то различить в пыльном полумраке, Витка всмотрелся в левый и центральный проемы. – Они, скорее всего, ведут в глубину технического уровня. Я вижу провода, механизмы и трубы, ничего нового.

– А как ты думаешь, что за этой дверью? – Его брат встал у задвижки, разглядывая ее поближе. – Ржавчины нет, пользовались не так уж давно...

– Сложно сказать, – как водилось, честно признал отсутствие каких-либо догадок Виктор. – Но предлагаю это проверить. Если бабка найдет возможность подняться сюда, в зарослях проводов и труб нам от нее не убежать – тут она каждую тропу и жилу знает.

– Ну, тогда... – Димка взялся за рукоятку засова.

Настя вдруг опустила свою ладонь поверх руки брата, призывая остановиться.

– Стойте. – Она посмотрела в их грязные лица, закусив губу, чтобы не расплакаться. – Обещайте мне одно, братики. Обещайте: что бы мы ни встретили за этой дверью, мы все трое вернемся на Заботинск! И все у нас будет хорошо. Ну, пожалуйста, обещайте!

– Обещаю, сестренка, – серьезно сказал Дмитрий, а Витка почему-то промолчал, ограничившись решительным кивком. – Ну что, открываем?

И они подняли задвижку, распахивая скрипучую железную дверь со следами облезлой белой краски.

Сгрудившись и ожидая чего угодно, дети всматривались в открывшийся им коридор, освещенный двумя рядами тусклых аварийных ламп под потолком. Большинство из них давно перегорело, но кое-где лампы еще светили, и от этого красноватого мерцания на душе становилось легче. Убегая куда-то вдаль, коридор и не думал сворачивать, и это тоже показалось путешественникам хорошим знаком. Взявшись за руки, они шагнули через порог, прикрывая за собой дверь.

Коридор оказался длинным, почти как их родная улица в поселке механиков. Стараясь не шуметь и все время оглядываясь, они шли вперед, рассматривая пучки проводов, аккуратно уложенные вдоль стен, и проволочные сетки, прикрывавшие лампы от случайного удара. Трое крохотных детей в длинном и высоком коридоре, освещенном бледным красным светом.

А когда тоннель закончился, наши герои остановились перед новой железной дверью, очень похожей на ту, что они только-только открыли при входе. Правда, в отличие от своей предшественницы, эта дверь еще носила покраску (колесо засова и выпирающие петли были алыми, сильно выделяясь на белом фоне) и вообще выглядела поновее. А еще на сохранившейся краске виднелись различные значки и частично уцелевшие слова, выведенные черным цветом через трафарет.

– Поляна У-16ПП «алка», – по слогам, сметая с поверхности пыль, вслух зачитал Витька, – ичанный доступ, только для енов уживающего перс и сотруд «Красного» и «Оранже» уровней... Не оставл открытым.

– Что это за знаки? Я не знаю, мы не проходили еще. Но это ведь значок биологической угрозы, так? – Настя тоже протянула руку, ногтем колупнув краску на угрожающем узоре, помещенном в зеленый круг.

– Так, – оба брата кивнули одновременно, но ответил все же Витя. – Хоть и слабой угрозы, самого низшего уровня. Другие знаки я, кстати, тоже не знаю, ни в одной книге не видел. Но ясно одно – что бы ни находилось за этой дверью, оно определенно представляет опасность. Однако у нас, как я понимаю, выбора все равно нет...

– Нет, – помотал головой Димка, кладя руку на массивный засов, но не торопясь открывать. – Во всяком случае, это нормальная поляна, а совсем не технический этаж, выходы с которого знает только старуха... Ну а угроза – ерунда, по возвращении пройдем чистку. Я согласен даже на неделю в карантине, лишь бы быстрее убраться отсюда.

– Верно, – подтвердил Виктор, вопросительно покосившись на сестру. – Ну что, открываем?

Та, решительно сжав губы, промолчала, лишь чуть заметно кивнув им обоим. Тогда, навалившись на колесо запирающего механизма всем телом, Дмитрий заставил железку выйти из пазов, с лязгом вернув в положение «ОТКР.». Потянув на себя тяжелую и очень толстую створку, дети почти сразу поняли, что эта дверь – часть внешней стены города, как и та, за которую их совсем недавно прятал Жадный.

Поляна, открывшаяся им, сначала напомнила привычный Заботинск – высоченные потолки-небосклоны, простор и сумеречный, вечерний накал Светоча. Но первое впечатление часто бывает обманчивым, и детские плечи поникли...

Многочисленных Лифтовых шахт (как и на Реакторной Станции) видно не было – вместо них в потолке зияли десятки здоровенных люков, из которых время от времени что-то сыпалось вниз. Сыпалось, с грохотом попадая в огромные, метров по двадцать высотой, контейнеры, беспрерывно перемещавшиеся по поляне с помощью специальной транспортной ленты. Лента эта была такой могучей и широкой, что могла бы переместить и целый дом. А еще кругом раскинулись горы, настоящие горы, со своими вершинами, склонами, долинами и крутыми обрывами. И лишь присмотревшись к этим горам, дети вдруг поняли, из чего те состоят.

Разом погрустнев, троица странников перешагнула порог, прикрывая за собой дверь, которую (по нанесенному на ней же предписанию) было положено не оставлять открытой. С шипением пневмоприводов тяжелая створка утонула во внешней стене Спасгорода, не

оставляя после себя и единого зазорчика.

– Никогда бы не подумал, что в городе есть место, подобное этому, – с хрипотцой сказал Дмитрий, озираясь.

Ему пришлось повесить голос, потому что разговору мешали гул транспортной ленты, двигавшей огромные баки под дырки в потолке, и грохот падающего в них содержимого.

– Да уж, – согласно кивнул тому брат, – про такое в учебниках тоже не пишут...

И они еще какое-то время ошеломленно постояли у стены, разглядывая передвижение тысяч резервуаров, монотонную работу сотен полотниц могучего вертикального транспортера, вращение черных от старой смазки шестеренок и высоченные горы, образовавшиеся там, где лента конвейера не пролегла по полу или замерла из-за поломки.

Разглядывали, отказываясь верить, потому что теперь все трое окончательно убедились, что зрение их не обмануло – горы, возвышавшиеся вокруг, целиком состояли из мусора. Из пластика и бумаги, картона и жести, из старой мебели и игрушек, из выпотрошенной бытовой техники и ветхой одежды. Именно он – всевозможный мусор – сыпался из люков в ржавом потолке яруса, попадая в заботливо подставляемые автоматизированной системой баки.

– Добро пожаловать на свалку, – безрадостно произнес Витька, осматриваясь. – Вход только для обслуживающего персонала и сотрудников «Красного» и «Оранжевого» уровней. Мне кажется, нам тут будут не рады...

Глава 4, в которой раскрывается смысл работы на благо общества, а кое-кто получает внезапную помощь Лифта

Дети боязливо двинулись вдоль стены, не решаясь свернуть к центру поляны и углубиться в горные хребты, созданные из мусора. Конечно, где-то там наверняка работали сотрудники яруса, способные не только отрубить их, но и доставить на Заботинск. Но страх перед многочисленными вершинами, созданными из прессованных отходов жизнедеятельности целого города, пока был слишком велик. А поэтому они просто шли и шли вдоль стены, стараясь смещаться в направлении ближайшей шахты Лифта, и пугливо озирались.

Мимо них в разные стороны по широким черным лентам проползали высокие металлические контейнеры, как пустые, так и заполненные свежим мусором. Останавливаясь там, где горы до сих пор не переросли определения «холм», они попадали в длинные цепкие манипуляторы специальных машин, свисавших с потолка.

Манипуляторы, похожие на огромные человеческие руки, приподнимали контейнер, забирали его с транспортера, а потом ловко переворачивали. С шумом, треском и грохотом поток ненужных и сломанных вещей сыпался вниз, делая очередную пирамиду мусора еще выше, а контейнер с лязгом возвращался на место, отправляясь за новой порцией.

А еще тут очень неприятно, до дурноты, пахло испорченной едой, которая, без всякого сомнения, также сбрасывалась сквозь специальные люки в крыше поляны. Где-то этот запах становился сильнее, повинаясь течению кондиционированного ветра, где-то слабел, а где-то – почти отсутствовал. Стараясь не дышать и зажимать носы, дети торопливо миновали особенно вонючие участки.

Но шахты редких Лифтов находились на немалом удалении от внешней стены Спасгорода, вдоль которой двигались наши путешественники, а потому в один прекрасный момент (так принято говорить «для красного словца», но уверяю вас – момент был отнюдь не прекрасный) они переглянулись, принимая непростое решение. И направились к середине поляны.

Справа от них текла толстая резиновая лента транспортера, катившая контейнеры под люки. Слева возвышался целый хребет, созданный из сломанных игрушек, амбивизоров, пустых коробок и прочего, давно не нужного хлама. В поисках заполненных баков над

головами то в одну, то в другую сторону проплывали манипуляторы, перемещавшиеся по сложной потолочной системе монорельсов.

– Даже представить не могла, куда девается накопленный на полянах мусор, – вертя головой и морщась от неприятных запахов, пробормотала Настя.

– Я тоже, – кивнул Виктор. – Нам в школе рассказывали, что на любой из полей мусор проходит стадию обязательной сортировки, после чего отправляется на утилизацию или в переработку...

– Вот значит, – вставил Дима, – как проходит эта утилизация... Ой, пригнитесь!

И он вдруг сграбастал обоих в охапку, заставляя пригнуться.

Безусловно, события этого бесконечного дня (еще и не думавшего заканчиваться) многому их научили. Но в первую очередь – уносить ноги и прятаться, едва кто-то из тройки замечал хотя бы намек на опасность. А потому Витька и Настя беспрекословно подчинились брату, пригибаясь как можно ниже и перебегая за невысокий холм из сплавленных между собой пластиковых бутылок.

– Что случилось? – дрожащими губами спросил Витя, а Димка лишь показал пальцем вверх, на самую вершину горы.

Дети повернулись, ожидая увидеть что угодно (вплоть до вырвавшейся из технических лабиринтов бабки Красимиры), и вдруг удивленно замерли. Потому что на горе, неспешно копаясь в куче только что вываленного из бака мусора, находился мальчик.

Примерно их возраста и роста, большее с такого расстояния определить было сложно. Мальчишка нес за спиной огромный мешок и складывал в него особенно интересные находки. В левой руке он держал палку, на которую опирался при ходьбе.

– Это же мальчик, – прошептала Настя. – Он может сказать нам, где взрослые?

– Я бы так не торопился, сестренка, – помотал светловолосой головой Димка. – Бабка вон тоже страшной не казалась, а чуть не слопала всех троих... Тут присмотреться нужно, мало ли что.

И они продолжили наблюдать за мальчишкой, беззаботно путешествовавшим прямо по вершине шаткой мусорной горы. А тот, между тем, постепенно приближался, время от времени наклоняясь, разглядывая что-то под ногами и тщательно выбирая: отбросить это подальше или сунуть в грязный мешок. Вдруг он остановился, будто прислушиваясь, и близнецы пригнулись еще ниже. Мальчик постоял неподвижно, поворачиваясь из стороны в сторону, и теперь стало заметно, какой у него большой (огромный, по-настоящему огромный) нос. Водя по сторонам этим самым носом, он словно вынюхивал что-то в воздухе поляны. И вдруг безошибочно устоялся вниз, прямо в то место, где прятались наши герои. Улыбнулся, широко и приветливо, помахал рукой и вприпрыжку начал спуск, размахивая мешком.

– Бежим? – жалобно спросила Настя, чьи ноги все еще гудели от напряжения и долгой ходьбы (а также бега и лазанья по лестницам).

– Поздно, – протянул Димка, вставая в полный рост. – Ну да ничего. Если что не так, этому-то мы бока намять сумеем...

В этот момент мальчишка с мешком спустился с горы, и теперь дети смогли внимательнее разглядеть его внешность. Он был темноволосым, кареглазым, подстриженным коротко-коротко, чтобы реже мыть голову. Огромный нос, заметный даже с немалого расстояния, смотрелся забавно и немного неестественно, но, казалось, ничуть не смущал пацаненка.

Выглядел носатый, словно пестрое лоскутное одеяло – казалось, его одежда собиралась из обрывков и различных фрагментов. Так бежевая куртка (покроем напоминавшая школьную) имела один рукав синего цвета, а второй – красного, причем еще к ней был пришит серый капюшон. Плотные штаны с множеством кармашков носили цвет сухой земли, ботинки тоже были разными – один выше и на шнурках, а второй ниже и на липучках. Однако нелепость одеяний не беспокоила мальчишку, как и причудливый нос, с помощью которого тот учуял спрятавшихся чужаков. Улыбнувшись, он опустил мешок на пол, еще раз

помахав рукой.

– Привет, вы новенькие?

И как только Настя (в очередной раз за путешествие, как вы помните, но такова уж была простодушная натура этой девочки) приготовилась неосмотрительно выложить необычному незнакомцу всю правду, братья так быстро и сильно ткнули ее в бока, что она только пискнула.

– Ага, новенькие, только прибыли, – шмыгнув носом, кивнул Димка, призывая остальных молчать и дать ему вести беседу. – А ты кто?

– Я Подметка, – дружелюбно сообщил пацан. – Погляжу, вы совсем недавно тут. Если хотите, можете работать со мной.

– Что это за имя такое? – насупившись, поинтересовался Димка. – А нормального имени у тебя нет?

– Было когда-то, пока сюда не попал, – не переставая улыбаться, бодро подтвердил мальчик. – Только к чему оно мне теперь? Васьков, Колянов, Мишек всяких полно – Подметка один такой. Мне нравится, Хранителям Нор нравится, всем нравится.

– А что означает «работать вместе с тобой»? – осторожно спросил Витя, не обращая внимания на испепеляющий взгляд брата, просившего помолчать и не мешать ему вести переговоры.

– У, ребята, – разочарованно протянул Подметка, почесывая свой огромный нос. – Да вас, я чувю, никто даже не проинструктировал... Ну ладно, время есть еще, можно и отдохнуть...

И он уселся прямо в мусорную кучу, на которой стоял. Теперь становилось очевидно, что он все же на несколько лет старше наших героев, хотя этого почти не было заметно из-за слоя грязи, покрывавшей его лицо.

– В общем, сейчас в двух словах расскажу, а подробнее пусть старшие, когда в Норы вернемся. Эта поляна называется Свалка. Сюда вы попали либо по собственной воле в надежде разбогатеть, либо из интернатов за плохое поведение – меня не интересует ни то, ни другое.

Подметка достал из кармана изжеванную зубочистку, принявшись задумчиво ее посасывать. Дети слушали, открыв рты, и понимание медленно накрывало их теплой удушливой волной.

– Сейчас вы пискуны. Пока не достигнете старшего возраста, все, что находите, отдаете пасюкам, – продолжал свою лекцию беззаботный Подметка. – Они за это кормят, одевают и охраняют от всяких напастей. Становитесь старше – переходите в сероспинки, потом в черноспинки, получаете право носить маску, определенный процент найденного оставляете себе... Самые решительные пробиваются в пасюки. Еще есть деньги, которые там, наверху...

Он прервался, красноречиво потыкав пальцем в систему монорельсов, над которой виднелся потолок поляны.

– Как только повзрослеете, все, что вы получили, работая на благо Спасгорода, будет переведено с вашего детского банковского счета на взрослый. Начнут капать проценты. Ну а дальше выбирать вам – либо дожидаться окончания контракта и свалить наверх, либо остаться тут в пасюках и наслаждаться жизнью...

– И много таких? – от волнения говоря тихо-тихо, просипел Витька. Он чувствовал, как перехватывает горло, будто от простуды. – Разбогатевших, что в итоге наверх уходит?

– А? – Подметка пожал плечами. – Не очень, насколько я знаю. Были единицы, целые состояния скопили, говорят. Но как наверх забрались и что стало с ними, не знаю – никто потом не слышал ничего. Да и зачем наверх? Если пасюком или черноспинкой стал, блестящей маской обзавелся, никакой *верх* не нужен – тут жизнь лучше всякого сыра.

И он засмеялся, обнажив крохотные острые зубки.

Вдруг стал серьезен, внимательно оглядев каждого по очереди:

– Но помните, если не работать, будут проблемы...

– Проблемы? – не удержалась перепуганная Настя.

– Ага, проблемы, – с важным видом подтвердил Подметка. – Лентяев и лодырей никто не любит, им крепко достается. Кто-то даже пропадает, да... А еще достается тем, кто приносит мало полезных или вкусных вещей, пока старшие утилизацией занимаются. Поэтому болтать с вами, фырки-пырки, интересно, но пора и за работу...

Он поднялся на ноги, деловито отряхивая штанины от налипшей луковой шелухи.

– В общем, если со мной работать надумали, ищите себе мешки и палки, и вперед! Не отставайте только, а чему надо – научу.

И он тут же полез обратно на гору, что-то насвистывая под свой исполинский нос и высматривая под ногами полезный мусор.

– За ним! – злобно прошептал Витька, первым бросившись вперед. – Вдруг он про Лифты знает?!

Они принялись карабкаться следом за Подметкой, с легкостью перемещавшимся по скользкому и подвижному мусору. Кряхтели, отставали, падая и обдирая руки, но почти у самой вершины догнали.

Отсюда открывался вид на всю поляну – мрачную и однообразную. Повсюду горы, снующие туда-сюда манипуляторы и чинно перемещающиеся контейнеры. Только в центре, где горы были повыше и потолще, к потолку поднимались дымы костров, выдавая наличие поселка.

– Подметка, да погоди ты, не так быстро, – запыхавшись, попросил Витя. – Слушай, а Лифт тут ближайший где? Чтобы наверх подняться?

– Лифт? – хохотнул пацан с огромным носом. – Есть тут несколько, только вам-то зачем? Все равно они наверх никого не поднимают, протокол не тот. Сюда доставить, это с радостью: хоть ребенка, хоть взрослого. А наверх можно даже не пробовать, пока срок контракта не выйдет, да карантин не пройдет. Но об этом я уже рассказывал.

– Что значит, не поднимают наверх? – неподдельно удивился Витька, старавшийся не отставать от собеседника. – Это же Лифты, они людям помогать обязаны!

– Ну вот они и помогают, – покорно согласился Подметка. – Привозят сюда тех, кто по распоряжению Смотрителей или по доброй воле заработать решил. Но наверх вам на них не подняться... Если только на Ворчуне, – задумчиво добавил он, почесывая нос и приплюхиваясь. – Есть у нас тут один такой, старый совсем. Когда остальные Лифты на приближение крыс сразу защиту включают и пятки поджаривают, этот только ворчит и ругается. Но хоть не бьет... Хотя, если подумать хорошо, никого он не повезет.

– Лифты поджаривают пятки? – Витька оступился, едва не полетев с гребня горы прямо в яму битого стекла. Он сразу вспомнил утренний разговор с отцом, в котором прозвучало жуткое слово «дезинфекция». Но мысль была настолько кошмарной, что мальчик побоялся даже предположить, что группа быстрого реагирования скоростных Лифтов делает с теми, кто совершает рейды с мусорной поляны. – Врешь ты все! Не может такого быть.

– Ха, еще как может, – вновь оскалил свои зубки Подметка. – Я смотрю, вы совсем избалованные, раз не знаете ничего? Неужто сами сюда попросились? Ой, нет, дай-ка угадаю! Вас сюда родичи отправили, чтобы денег заработать, так?

– Никто нас не отправлял! – не выдержала вдруг Настя, повысив голос. – У нас хорошие родители! Они никогда бы нас сюда не засунули!

Подметка с недоверием хмыкнул, но комментировать не стал, продолжив движение.

– Ну, как знаете, можете не рассказывать... Но к местным порядкам привыкнуть советую поскорее, пока не наказан никто, – уже не так бодро продолжал болтать он, поднимая из мусора разные блестящие предметы и бросая их в мешок за спиной. – Говорят, что за суровые проступки из Главной Норы виноватые и вовсе не возвращаются...

– Ты сказал, крысы? – вдруг вступил в разговор Димка, причем сделал это мягко и вкрадчиво, словно боялся спугнуть Подметку. – Так вы что, и есть?..

– Ну да, фырки-пырки! – ответил ему маленький мусорщик, предугадав вопрос и ничуть не смутившись. – Мы крысы, все верно. И вы теперь тоже крысы. Только маленькие еще, уродливые. – И он улыбнулся, глядя на их крохотные и аккуратные носики. – Вот

поживете тут годик-другой, станете как все, так добычу искать гораздо удобнее. Ну а пока с нюхом проблемы, меня держитесь, не дам пропасть.

Дети обреченно переглянулись, понимая, что уже слышали очень похожие слова относительно своей дальнейшей судьбы. Однако открыто обсуждать ситуацию при чужаке (хоть и не особенно враждебном) не решились. А потому только обменялись многозначительными взглядами, которые означали, что они обязательно переговорят, но как только представится подходящая возможность.

– У тебя попить ничего нету? – спросил Димка.

Вот уже несколько минут они бесцельно шли за Подметкой по склону, наблюдая, как тот что-то выискивает в грудях мусора. Парнишка остановился, без лишних вопросов вынул из-за пазухи флягу и протянул ее путникам.

– Ух, спасибо! – засиял Димка, передавая фляжку сестре.

Однако после первого же глотка девочка поперхнулась, только из уважения к щедрости мусорщика не выплюнув все на землю. Вода оказалась горькой, пахла болотным илом, и еще казалось, что в ней кто-то плавает.

– А, ну да, – понимающе кивнул крысеныш. – Вода у нас тут гаденькая. Техническая, из резервуаров набираем. Установки по фильтрации, говорят, еще лет тридцать назад сломались, да разве наверху кому-то до этого дело есть? Ну ничего, со временем привыкнете.

Братя тоже сделали по одному осторожному глотку, не без отвращения проглотив воду, на вкус отдававшую ржавчиной. Однако это было лучше, чем ничего, потому что в последние часы жажда все настойчивее давала о себе знать.

– Кстати, я бы на вашем месте все-таки работал, – неодобрительно помотал стриженной головой Подметка, забирая флягу. – С новеньких спрос, fyrки-пырки, невысокий, но если вообще ничего не принесете, черноспинки вас отлупят...

– А что нужно приносить? – с опаской поинтересовался Витька, глядя на мусор под ногами (с его точки зрения, совершенно однообразный).

– А все, что посчитаете нужным, – пожал плечами крысеныш. – Старшие сами решат, что представляет ценность, а что можно отправлять в утиль. Это ведь только по предписаниям мусор должен еще наверху четко градироваться на мягкий и жесткий, стеклянный и железный, и так далее. На самом деле, выбрасывают вперемешку. А уже крысы разбирают. Так что ищите все, что найдете – еду, безделушки, батарейки, спички, старую технику, одежду поцелее. Складывайте за пазухи, пока мешков нет, а если что-то крупное, то ко мне. Да не бойтесь вы, я потом на дележке честно скажу, что ваше, а что мое...

Но Подметка ошибочно решил, что на детских лицах написан страх за добычу. Потому что сейчас близнецы испытывали вовсе не его – они (не сговариваясь, но совершенно в равной степени) испытывали отвращение, непонимание и глубочайшее отчаянье. И все эти чувства разом вызвала у них странная поляна, как и Реакторная Станция, совсем непохожая на милый Заботинск.

Стараясь не поскользнуться или не рухнуть в яму, образованную в мусоре крупным хламом (как, например, диваны или холодильники), дети взялись за работу. Они все еще не очень понимали, что нужно искать. Кроме того, на подвижном и мягком склоне было очень нелегко нагибаться, чтобы покопаться в кучах, а потому дело шло медленно.

Но тем не менее через какое-то время они втроем смогли найти несколько почти не поломанных игрушек, старые бусы, пакет подгнившего картофеля и вполне пригодную кастрюлю. Сложив в нее остальные находки (трофеи нес Дмитрий), дети спустились с холма в долину у транспортеров, где их уже почти полчаса ждал отдыхающий Подметка.

– Не так быстро, – почти не разжимая губ, попросил Димка. – Нужно обсудить побег.

– Мамоchка, неужели опять бежать?

Настя расстроилась, но тут же осознала, что сморозила глупость. Необходимость побега с этой грязной, заваленной отходами поляны была также очевидна, как и то, что дети

не хотели превращаться в крыс.

– Нам нужно дойти до Лифтов, – уверенно сказал Витя. – Мы не крысы, нас они поджарить не смогут. А если везти откажутся, то хоть сигнал бедствия pošлем.

Подметка, заметив, что ребята не торопятся спускаться, нетерпеливо махнул им рукой. Замолчав, заговорщики переглянулись, стараясь хоть таким способом подбодрить друг друга.

– Не густо, фырки-пырки, – поджал губы малолетний мусорщик, сунув свой длинный крысиный нос в кастрюлю. – Но для первого раза сойдет, хоть побитыми не останетесь. О, картошечка, это хорошо, повара похвалят... Ладно, пискуны, пошли в поселок, на сегодня хватит. Ужин уже готов, наверное, опаздывать нельзя, а то до утра голодать придется.

При упоминании о еде в животах путешественников заурчало, а крысеныш понимающе улыбнулся. Поманив их за собой, он направился в распадок между двумя горами, следуя по неприметной, но найденной тропке из утрамбованных картонных коробок.

Через какое-то время они стали замечать еще крыс – в основном детей, хотя изредка встречались и молодежь постарше. Все большеносые шли по горам к центру поляны, неся на плечах уже знакомые мешки с находками. Вскоре их стало больше десяти, потом больше двадцати, и когда Подметка вывел свою группу на прямую дорогу, идущую вдоль транспортера, Витька, Димка и Настя оказались в неторопливом караване из нескольких десятков мусорщиков.

Окружающие имели похожие длинные носы, кожу серого цвета и такую же яркую, собранную из чего попало одежду. Косясь на новеньких, крысы не демонстрировали враждебности, лишь негромко переговаривались между собой и жадно принимали.

– Главное в жизни ведь что? – негромко рассуждал Подметка, стараясь не сильно отрываться от испуганных новичков. – Главное – это при деле быть. Есть работа, есть вознаграждение, вот тебе и жизнь. Как наши старшие говорят? Работа на благо общества. И мы работаем. И на себя работаем, и на весь Спасгород. Там, наверно, от нас, конечно, носы воротят. Но если не мы, кто тогда грязную работу выполнять станет?

– А давно ты здесь? – осторожно вклинился в его рассуждения Витька.

– Больше двух лет уже, с Фабрики прибыл, – важно кивнул Подметка, будто на самом деле гордился этим. – Примерно в вашем возрасте отправили, когда в интернате места закончились. Сероспинкой еще не стал, но и пискуном уже не зовут, вот так-то...

Со смесью брезгливости и непонимания прислушиваясь к болтовне крысеныша, они не заметили, как дорога вдруг кончилась, приведя их к Норам. И только тут, остановившись на самой границе поселка, дети поняли, почему их проводник так называл это место.

Тут не было транспортеров, контейнеров или манипуляторов на потолке – поселок располагался в центре огромного пятака ровно посередине яруса. А выглядел он так: прямо в кучах мусора, старательно укрепленных и утрамбованных, чернели многочисленные лазы в крысиные жилища. Старшие жили повыше, это было видно по широким входам и качественным ступенькам из хлама, ведущим к их квартирам. Остальные, по большей части выполнявшие роль слуг, ютились внизу, занимая проходы и ответвления общежитий, прорытых в пяти гигантских мусорных пирамидах.

На дальнем конце поселения темнели грозные ряды промышленных прессов, в которые старшие жители крысиной стаи отправляли самый ненужный и неспособный пригодиться в хозяйстве хлам. Из-под прессов он, рассортированный по типам, выходил сжатым в небольшие тяжелые кубики, которые грузились на специальные телеги и отвозились в хранилище.

Такие же прессы, как рассказал Подметка, находились и за поселком: на них трудились привилегированные сероспинки – сортировали мусор, сжимая его в кирпичи, им больше не нужно было стаптывать ноги по горам. Стать таким оператором, мечтательно рассуждал паренек, было и его жизненной целью...

Посреди поселка работали сразу десять полевых кухонь (там и горели костры, дым которых дети видели с вершины), но доступ к обеденным столам открывался только после

оценочного поста. На нем, сидя на высоких удобных постаментах, взрослые жирные пасюки презрительно рассматривали добычу, заставляя мусорщиков вываливать ее на специальные верстаки. Ковырялись в находках, что-то отбрасывая в корзины, а что-то в утиль, и негромко командовали секретарям, делающим пометки в планшетах. Только после этого крыса проходила за ограждение, где ей или ему наливали миску еды и выдавали хлеб.

Выглядели пасюки омерзительно, это дети заметили еще из дальнего конца своей очереди. Упитанные сверх меры, неопрятно одетые, они казались хозяевами жизни, но вызывали неподдельное отвращение. Скрывая лица, вожаки носили на головах блестящие длинные маски, о которых детям рассказывал Подметка. Те были вырезаны из тонкой листовой жести или плотной фольги и полностью скрывали верхнюю половину лица и головы, оставляя на виду только толстые многослойные подбородки. Эти бесстрастные сверкающие личины поворачивались то вправо, то влево, ловя отсветы костров, а в темных провалах смотровых дыр поблескивали крохотные, полные жадности глазки. Всех пасюков окружала многочисленная прислуга: подносящая еду и напитки (в основном, разумеется, объедки), записывавшая распоряжения или поправляющая подушки, на которых восседали старшие крысы.

А еще над поселком работали громкоговорители, установленные на специальных столбах. Перекрывая ровный гомон толпы, стоящей в очередях за едой, несколько раструбов раз за разом повторяли один и тот же набор слов. Монотонно, на одной ноте, мягкий вкрадчивый голос вещал на весь поселок, но за всей его кротостью слышался приказ, нарушать который было категорически нельзя.

– Работа – это ваша жизнь, крысы, – летело из громкоговорителей, заставляя детей невольно морщиться. – Работайте на благо поселка, на процветание его жителей и Хранителей Нор. Приносите пользу и получайте вознаграждение. Наша поляна – край сбывающихся надежд. Это место, где воплощаются мечты. Станьте богаче, работая на благо поселка, на процветание его жителей и старших крыс. Поднимитесь по социальной лестнице к вершинам, и все радости мира откроются перед вами. Работа – это ваша жизнь!

Затем из ржавых раструбов над головами неслась ненавязчивая музыка, потом все стихало на несколько минут, после чего внушение повторялось заново.

– Если слушать это по сто раз за день, – прошептал Витька, заставляя брата и сестру пригнуться, чтобы не услышали стоящие кругом крысы или Подметка, – на самом деле поверишь, что всю жизнь хотел стать *таким* ...

Дима и Настя не ответили, но согласно кивнули. А потом их толкнули в спину, и все четверо очутились перед одним из сортировочных верстаков. Толстый крысук смотрел на них сверху вниз из-за своей блестящей маски, а его прислуга замерла в ожидании. Подметка первым вывалил на стол содержимое мешка, выразительно поиграв бровями и приглашая детей последовать его примеру.

– Неплохо, неплохо, – лепетал тощий пискун, сортирующий богатства.

Поднимая в руках очередную вещь, он выжидающе оборачивался к начальству, после чего грубо бросал ее в чан с хламом, либо аккуратно откладывал на особенный столик.

– А вы чего стоите, бездельники?

Это относилось уже к нашим героям, и они вздрогнули, как от удара. Димка, поднимая найденную на свалке кастрюлю, сделал шаг вперед.

– Вот... Все, что есть...

– А, новенькие? – оскалился тощий сортировщик и неприятно захихикал. – Твои, Подметка? Уже работничками обзавелся? Молодец, далеко пойдешь... А чаво так мало?

– Вы простите нас, пожалуйста, мы еще не научились. – Димке нелегко давались эти слова, и он все время смотрел на носки своих ботинок, не решаясь поднять глаз.

– Чаво-чаво? – огрызнулся тощий крыс, чей нос от худобы выглядел натурально великанским. – Все вы, лоботрясы, так говорите. Ну, ничаво, пару раз по ушам получите или без ужина останетесь, сразу как миленькие заработаете...

Он вернул пустой мешок крысенышу, кастрюлю откладывая под верстак.

– Неплохо для начала, Подметка, но чтобы завтра было больше. Их же трое! Вот пусть за троих и работают. Идите, получайте свой паек. Это все, мой господин? – Последний вопрос предназначался восседавшему на помосте жирному пасюку в маске, и тот лениво взмахнул толстыми пальцами.

– Пусть идут, разрешаю поесть. – Крыса-начальник говорил медленно, словно ленился это делать. – Но вечером новую девочку доставить ко мне в апартаменты вычесывать колтуны. – И он отвернулся, с жадностью глядя на тугую сумку следующего в очереди.

Дрожа и стараясь вникнуть в страшный смысл произнесенных пасюком слов, дети уныло поплелись следом за Подметкой. Миновали проволочные ограждения и охранников, вооруженных копьями.

Конечно, первым делом Димка вознамерился возразить приказу толстяка – сжав кулаки, он уже почти открыл рот, чтобы защитить свою сестру. Но Витька вовремя одернул его за край бесформенного балахона. Все трое прекрасно понимали одно (в данной гадкой ситуации только на это и оставалось надеяться) – когда на поляне наступит так называемая ночь и крысы расползутся по своим норам, их тут быть уже не должно. А потому дети покорно пошли за Подметкой, потиравшим ладони в предвкушении ужина.

Носатые повара наплескали им в гнутые железные миски густого супа. Он выглядел, как обойный клейстер, но пах чем-то съедобным, и путники перебороли отвращение. Также каждый получил по стакану слабенького чая в жестяной кружке и куску хлеба. Уединившись в дальнем конце пространства, отведенного под общественную столовую, все четверо накупились на еду, стараясь не смотреть по сторонам.

Каким бы безвкусным ни было варево, приготовленное крысиными поварами, нашим путешественникам оно показалась просто сказочным. Оно и понятно – удивительные и страшные приключения, в которые они угодили этим утром, вымотали всех троих, лишив сил и заставив не на шутку проголодаться. А чай, слабый и несладкий, хоть и был отвратительным на вкус, но жажду утолил великолепно.

Собрав пустые миски в одну, Димка повернулся к Подметке. Тот еще не доел, неторопливо наслаждаясь каждой ложкой клейкого супа.

– Подметка, ты сможешь отвести нас к Лифтам? – прямо спросил Дмитрий, и крысеныш удивленно посмотрел на него (не забыв молниеносно зыркнуть по сторонам). – Когда в поселке станет тише, дневную добычу рассортируют, а крысы разойдутся по норам?

– Зачем вам это? – пожал плечами тот. – Все равно ничего не выйдет... А если она, – он ткнул пальцем в Настю, – ночью не появится в норах у пасюков, вас начнут искать и бить. Вот увидите...

– Никуда я не пойду и никому ничего вычесывать не стану! – гневно воскликнула девочка, заставив нескольких крыс, ужинающих по соседству, заинтересованно повернуть головы. Витька схватил сестру за руку, призывая вести себя тише. – Отведи нас к Лифту, Подметка, ну пожалуйста! К тому ворчливому, про которого рассказывал!

– Ну ладно, – пожал плечами паренек, не без удивления согласившись на странную просьбу. – Только позже, когда кухни свернут и ограждения откроют. И все равно я вас не понимаю... Чем вам тут не понравилось?

И он с видимым удовольствием прислушался к доносящемуся из громкоговорителей голосу:

– Работа – это ваша жизнь, крысы! Работайте на благо поселка, на процветание его жителей и Хранителей Нор. Приносите пользу и получайте вознаграждения. Наша поляна – край сбывающихся надежд. Это место, где воплощаются мечты...

В этом месте Подметка согласно кивнул ближайшему громкоговорителю и оглянулся на детей, словно призывая присоединяться к своим будущим успехам.

– ...Станьте богаче, работая на благо поселка, на процветание его жителей и старших крыс. Поднимитесь по социальной лестнице к вершинам, и все радости мира откроются перед вами. Работа – это ваша жизнь!

– Мы как-нибудь потом тебе объясним, – неуверенно пробормотал Витя, теряясь от

такого открытого обожания перед Свалкой, что демонстрировал им новый знакомый. – Если сможем слова подобрать...

Тем временем крысы заканчивали стаскивать трофеи и получать свои порции еды.

Кому-то, как и предупреждал Подметка, не досталось вовсе – дети видели, как двоих взрослых крыс палками погнали от ограждения, а одного даже повалили на землю и отдубасили. Он пытался кричать, что болен и не смог выйти на работу, а если не поужинает, то разболеется еще сильнее. Но кухонные охранники будто не слышали его и продолжали лупить, пока тот не бросился бежать в норы.

Остальные, кому повезло получить пищу, торопливо доедали, сдавая пустые миски поварам. Кухни закрывали, котлы и кастрюли стаскивали в специальную нору, ограждение сматывали, верстаки тоже уволокли прочь. Окруженные свитами, толстые пасюки направились к самой большой жилой горе. Причем кто-то из пузанов еще шел самостоятельно, смешно покачиваясь, а кого-то несли на специальных носилках.

– Ну, пошли, если так охота Лифт посмотреть. – Подметка аккуратно свернул свой рабочий мешок, убирая его за пазуху. – Только тихо, не разговаривать. Если кто спросит, куда направились, говорите – в ночную смену. А вообще лучше я говорить буду...

Дети, послушно закивав, двинулись за ним. Сердца их вновь бились часто-часто, а страх за свои жизни и здоровье вернулся, как это было во время побега с Реакторной Станции. Они снова держались за руки, и этот жест объединения придавал им сил перед лицом новых испытаний.

Сейчас они уже были совсем не похожи на тех ребяташек, что в пылу забавы покинули родную поляну вслед за отцом, по нелепой случайности оказавшись глубоко-глубоко. Они уже пережили опасность, угодили в несколько очень и очень непростых переделок, встретились с существами, о которых даже не могли подозревать. Перепуганные и чумазные, они стали чуть настороженнее, чуть злее и недоверчивее ко всему, что происходило вокруг.

Но странный бесконечный день и не думал заканчиваться, а страх остается страхом, даже если вам приходится испытать его многократно. А потому близнецы все так же боялись, хоть и шли навстречу этой боязни. Знаете, наверное, в этом и состоит настоящая храбрость – чувствовать страх, но пересиливать его, уметь им управлять. Если это так, то наши герои сейчас проявляли настоящую храбрость...

Наблюдая, как усталые рабочие крысы разбредаются по общежитиям, четверо детей неприметными тенями выскользнули из поселка. За спиной остались жилые пирамиды, изрытые ходами и пещерами, прессы для сжимания мусора и навязчивый голос диктора, даже ночью не прекращавший лететь из динамиков.

Как потом сказал Витя, им всем «сказочно повезло» – миновав десяток взрослых (из которых, по словам Подметки, некоторые были сероспинками), они ни разу не услышали окрика или гневного вопроса. Казалось, матерые крысы были полностью предоставлены сами себе, и их не заботило ничего, кроме собственного выживания и процветания. Косясь на уходящих пискунов без особенного любопытства, они с плохо скрываемым страхом и почитанием обращали свои взоры к горе, в которой жили еще более толстые крысы-начальники.

– Нам сюда, – выдохнул Подметка.

Поселок скрылся за очередной горой слежавшегося хлама, и они вновь оказались в царстве транспортеров и свисавших сверху манипуляторов.

– Хорошо, что нас не заметил никто из стражников. Но еще больше нам повезет, если так же тихо мы сумеем вернуться обратно.

Настя, Витя и Дима переглянулись, словно клянясь друг другу, что обратно в крысиный поселок не вернутся ни за что. Стараясь не оступиться на скользких и рыхлых склонах, они пошли за своим проводником, уже заметив впереди одну из шахт, массивным столбом подпирающую потолок поляны.

Транспортеры сейчас работали в замедленном режиме и далеко не все, а потому идти оказалось проще – кое-где дети срезали путь, пересекая широкие металлорезиновые ленты,

сейчас остававшиеся неподвижными. Мусорные потоки, рушащиеся из люков над головами, тоже стали реже – вероятно, этот ярус жил в соответствии с расписанием всего Спасгорода, в котором сейчас уже наступала ночь.

Они все шли и шли, удаляясь от центра поляны, а лифтовая шахта почти не приближалась. И когда Виктор уже хотел спросить Подметку, чем вызван такой оптический феномен, проводник вдруг ловко скатился с холма, тыча пальцем в открытое пространство, посреди которого из железного пола и вырастала шахта.

– Я дальше точно не пойду, – решительно замотал головой он. – Один раз меня шарахнуло, даже резиновые подошвы не спасли. Больше не хочу. Подожду тут. Если нужно будет, на руках вынесу. Ну, это если из вас кто-то от удара сознание потеряет, – пояснил он, со злорадной улыбкой глядя на побелевшие лица новичков.

– Хочешь с нами? – вдруг спросил Витька. – Ты не веришь, но я точно знаю, что у нас все получится. Пойдем с нами, уедем с этой неприятной поляны! У нас хорошие родители, они обязательно придумают, где ты будешь жить. Ты вернешься в школу, получишь профессию.

– Вот еще, – фыркнул Подметка, но беззлобно, а скорее по-дружески. – У меня уже и так есть профессия. И даже эта... как ее? А, вспомнил – карьера! Так что даже если бы я верил, что у вас получится, следом бы не пошел.

– Ну, тогда пока. – Виктор протянул ему руку, и Подметка с удивлением уставился на него.

Поняв, что у крыс не принято прощаться и здороваться за руку, мальчик смущенно убрал ладонь.

– Удачи тебе, Подметка.

– И вам удачи, – хохотнул тот, поудобнее усаживаясь на пустой корпус старой швейной машинки. – Если что, бегом обратно!

Настя и Дима тоже попрощались с крысенышем, хотя сделали это не так уверенно, как их брат. Во-первых, потому что вовсе не хотели брать этого странного парня с собой и заботиться о нем, как это вдруг предложил сделать Витя. А во-вторых, потому что были напуганы рассказами о злых Лифтах и немного сомневались в благополучном исходе их начинания.

Виктор между тем решительно спустился со склона, направляясь прямо к толстой и массивной шахте, столбом торчавшей посередине пустыря. Его брат и сестра взялись за руки, чтобы поддержать друг друга, и направились следом. Шахта, как и все рабочее, была проклепана серым листовым железом, что выдавало в живущем внутри Лифте настоящего работягу, не привыкшего к роскоши.

Трое крохотных детей приблизились к неохватному стволу шахты, вот-вот ожидая сигнала тревоги или чего-то подобного. Но вокруг Лифта царила тишина, и только слышно было, как за их спиной посасывает зубочистку крысеныш по имени Подметка.

– А куда он ходит с этой поляны? – шепотом поинтересовалась Настя. – Вдруг куда-то в плохое место? Или вниз?

– Лифт не может вывезти в плохое место, – поучительно ответил ей Димка, но его брат с сожалением покачал головой, все так же шепотом подтвердив опасения девочки.

– На Реакторную Станцию нас доставил именно Лифт...

В этот момент они замолчали, потому что, обходя шахту по часовой стрелке, наконец-то обнаружили ворота и погрузочный пандус.

Широкие двустворчатые двери Лифта были сомкнуты, на панели для протокольного доступа не горел ни один огонек. Рядом с входом в шахту дремала лебедка для разгрузки тяжестей, в рядок стояли десятки телег, нагруженные пустыми ящиками.

– Спит? – еще тише спросила девочка.

– Наверное, – ответил ей Виктор, и в этот самый момент Лифт проснулся.

Они вздрогнули одновременно, с трудом удержавшись от крика и подавив в себе желание убежать прочь, вернувшись к Подметке. На панели слева зажглись огоньки.

Расположенные над входом амбикамеры зашевелились, выискивая нарушителей спокойствия. Из динамиков, расположенных по бокам от дверей, раздался треск и покашливание.

– А ну, крысы проклятушие, брысь отсюда, пока целы! – скрипучим ворчливым голосом сказал Лифт, стараясь казаться грозным. – У вас минута, ворье, чтобы унести отсюда свои лапы и носы, или не поздоровится!

Дети оледенели, не в силах сдвинуться с места или что-то сказать. Сбившись в кучку, они стояли перед входом, с ужасом глядя в блестящие объективы амбикамер, нацеленных на них со всех сторон. Их линзы поблескивали, но не злобно, а будто бы устало.

– Ну, чего ждете, крысюки поганые?! – рявкнул Лифт уже громче, и огоньки на его панели замигали быстрее. – Второй раз предупреждать не буду, сразу жажну! Осталось сорок секунд!

– Здравствуйте, дяденька Лифт, – вдруг выпалил Витька, чуть не зажмурившись от страха, словно перед прыжком в глубокий бассейн. – Вы простите, что мы вас потревожили, но мы вовсе не крысы! Можно с вами поговорить? Пожалуйста!

Последнее слово он добавил уже почти шепотом, потому что его боевой пыл угасал с каждым произнесенным звуком.

Но когда дети уже подумали, что Лифт сейчас предупредит их, что осталось всего двадцать секунд, тот вдруг прокашлялся, прочищая динамики.

– Вот значит как? Изобретательно, ничего не скажешь... – просипел он, а огоньки на панели из красных стали оранжевыми. – Значит, решили обманом взять? Не выйдет, ребятки, не выйдет...

– Дяденька Лифт, мы вас не обманываем, – закричала Настя, заметив, что Витька не знает, что говорить дальше. – Вы взгляните на нас внимательнее, мы же и правда не крысы! Мы школьники с Заботинска, честное слово!

И она задрала грязный грубый балахон, показывая Лифту свою желтую (хоть и изрядно перепачканную) куртку. Коробочки амбикамер тут же с жужжанием повернулись к девочке, а телескопические объективы выдвинулись, словно желая поближе разглядеть ее одежду.

– Хм... и правда школьная форма... – теперь Лифт словно бурчал себе под нос (если бы, конечно, у Лифтов были носы), разговаривая негромко и раздосадованно. – Но почему я должен верить? Мало, что ли, школьников свои куртки выбрасывают? – Он насупился, лампочки на планшете вновь замигали красным. – Вам Ворчуна не провести, пройдохи! Даю тридцать секунд, чтобы убраться подальше, и благодарите меня, что я такой добрый – другой Лифт бы на моем месте вас уже давно током приложил.

Настя от отчаянья закусила губу, а Витька мучительно краснел, пытаясь придумать хоть что-то убедительное для этого несговорчивого, но пока относительно беззлобного Лифта.

– Дяденька Ворчун, да вы на наши носы посмотрите! – вдруг выпалил он, чуть не подпрыгнув на месте. – У нас у всех куртки такие, мы их совсем не на помойке подбирали. И носы у нас нормальные. Мы не крысы, мы люди, честное слово!

– Мы тут случайно, честное слово! – поддержала его сестра, от волнения и страха повышая голос, будто пыталась докричаться до глухого. – Мы от папы отстали, потерялись!

– Тише-тише, – закричал Лифт, недовольно пошевелив амбикамерами. – Не глухой я еще, все слышу... – Его линзы снова устались на детей, разглядывая внимательно-внимательно. – Хм, и правда носы не крысиные, – пробормотал он через какое-то время. И тут же сменил ворчание на суровые вопросы: – А вдруг вы тут новенькие, а носы еще отрастить не успели? Обдурить меня решили?

И Витька, уже открывший рот, чтобы продолжать убеждать Лифт, сник, сраженный нерушимой логикой и недоверием. Он шмыгнул носом, едва не расплакавшись, а Настя приобняла его за плечи. Видя, что пора помогать, в сражение вступил Димка, смело делая шаг вперед.

– Нет-нет, дяденька Ворчун, мы вовсе не новенькие, мы взаправду заблудились! – с

жаром начал он, честно глядя прямо в один из блестящих объективов. – Мы по ошибке на Реакторную Станцию попали, оттуда по техническим этажам на Свалку вышли, за нами еще чудище гналось. Только мы тут не навсегда, нам домой нужно, нас уже родители ищут!

Озадаченный упорством детей, убеждавших его, что они не крысы, Лифт замолчал, будто раздумывал над услышанным. Они делали это очень пылко, трое необычных и смелых детишек, вступая с ним – старым ворчливым Лифтом – в настоящий спор и вовсе не собираясь сдаваться.

– Так я вам и поверил, что вы с самого Заботинска на Свалку по ошибке заглянули, – пробасил он, сводя камеры в одну точку. – Да еще чтобы по техническому этажу шастали... Скажут тоже...

– Мы вас не обманываем, дяденька Ворчун, нас в школе учат правду говорить, – без былого задора, но с искренней обидой в голосе сказал Витька, исподлобья глядя в объектив. – Вы и проверить это можете с легкостью, если захотите. Не врем мы.

Теперь Лифт молчал чуть дольше, будто пытался собраться с мыслями или принять какое-то решение. Когда же он наконец ответил, дети уже думали, что тот обиделся, прекратив разговор и посчитав его оконченным... Но он все же заговорил, и на этот раз Ворчун был не так раздражен, словно и правда (хоть даже на капельку) поверил.

– Допустим, врать вы и правда не умеете, – прокряхтел он. – Ну и что же вам от меня-то нужно?

Витька и Димка переглянулись, воспрянув духом, а Настя чуть не захлопала в ладоши, но вовремя спохватилась и поняла, что для радости еще слишком рано.

– Пожалуйста, отвезите нас наверх! – вежливо, но откровенно попросил Виктор. – Мы понимаем, дяденька Ворчун, что прямо на Заботинск вы не ходите... Но нам бы поближе к дому, а там кого-то из взрослых найдем, нам помогут!

– Ага, так я и помчался вас наверх везти, – неожиданно отрезал Ворчун, перебивая мальчика, и у того опять опустились руки. – Да вы хоть протокол знаете? Знаете, что отсюда подъем происходит только по завершении контракта? А у вас, судя по возрасту, он только начался и закончится лет через двадцать, не раньше...

Если бы у Лифта был хоть один палец, сейчас он бы наверняка наставительно помахивал им, указывая на детей.

– Да и вообще, не мой это протокол: людей возить. Я грузы доставляю, особенные посылки... И исключительно в сопровождении специального инспектора. Вы представляете, что будет, если кто-то узнает, что я произвел несанкционированную доставку? Да еще и не сверху вниз, а снизу вверх?

– Да мы понимаем, дяденька! – не давая Лифту больше сказать и слова, Настя сделала несколько шагов вперед, храбро останавливаясь прямо под амбикамерами Ворчуна. – Мы уже знаем, что нас накажут, так пусть скорее накажут, лишь бы отсюда сбежать. Вы поймите, дяденька Лифт, мы тут по ошибке, и сейчас нам угрожает опасность.

– Это ведь призвание Лифтов, помогать жителям Спасгорода! – горячо воскликнул Витька. – Так было всегда!

Ворчун ничего не ответил мальчику, вновь погрузившись в раздумье на несколько долгих минут. Лампочки на его боку помигивали, объективы продолжали изучать смельчаков.

– Эй, пискуны! – Все трое испуганно обернулись к Подметке, вдруг вскочившему со своего места. – За нами погоня, я вижу их в соседнем ущелье. Быстрее заканчивайте свои разговоры с этой железкой, и бежим. Если успеем вернуться в норы, наказание будет не таким страшным!

Было видно, как нервничает крысеныш, пританцовывая от нетерпения и постоянно оглядываясь. Витька обреченно застонал, а сестра крепко-крепко стиснула его ладонь, потому что ей тоже было страшно, но она очень хотела поддержать брата. Димка сжал кулаки.

– Дяденька Ворчун, если вы нам не поможете, мы попадем в беду! – выкрикнул он,

всматриваясь то в камеры, то во взволнованного Подметку. – Пожалуйста, увезите нас отсюда, и как можно скорее!

Лифт тяжело и устало вздохнул, а в его металлических недрах со скрежетом завертелись огромные шестеренки.

– Эх, что же мне с вами делать, мальки... – пробасил он, но несколько его камер повернулись в сторону, уставившись на крысеныша вдаль. – И на крыс вы не похожи, это правда, мутация не та. Да и одежда шибко на настоящую школьную смахивает. Со старшими разговаривать научены, что о воспитании свидетельствует...

Вслушиваясь в неторопливые рассуждения Ворчуна, дети все чаще озирались на Подметку, размахивающего руками.

– Быстрее сюда, быстрее! – кричал тот, указывая куда-то на другую сторону склона. – По запаху идут! Они уже близко!

– Думаю, вы мне не врете, что по ошибке сюда угодили, – как ни в чем не бывало продолжал Лифт, совершенно не интересуясь нетерпением крохотных собеседников. – Немало я тут видел детей из интернатов, и могу сказать, что с вами они ничего общего не имеют – хулиганы и сквернословы, других сюда не присылают. Вы же – совсем другое дело...

– Мы правду говорим, – взмолился Виктор, все еще сжимая ладонь сестры. – При первой же возможности докажем!

– Я больше ждать не могу, влетит! – пронзительно закричал Подметка, пускаясь бежать по склону горы. – Выбирайтесь сами, если такие упертые! Удачи, желтопузые!

И он перемахнул через гребень, прыгая в одну из темных расщелин, в изобилии изрезавших склоны мусорных гор. Бессильно наблюдая, как исчезает в мрачной норе его стриженная макушка, дети сбились в кучку, переглядываясь и пытаясь решить, как быть дальше.

С одной стороны, они могли оставаться тут, в надежде уговорить Лифт вывезти их с поляны. С другой стороны, страх в каждом из них уже не нашептывал – он кричал, призывая бежать и прятаться, лишь бы не попасть в лапы крыс, пустившихся по следу.

И когда отчаяние уже было готово подтолкнуть их к лихорадочному и паническому бегству, Ворчун вдруг раздвинул широкие двустворчатые двери.

– Ладно уж, убедили, – недовольно пробормотал он, включая в кабине тусклый матовый свет. – Мы и правда созданы, чтобы людям помогать. Заходите, горемычные...

Наших героев не пришлось упрашивать.

Еще раздвигались двери, как они уже оказались внутри, дрожа и всхлипывая, как перепуганные кролики (они видели этих забавных зверьков в документальных фильмах про Фермы).

А на склоне горы, где еще минуту назад сидел Подметка, уже появлялись преследователи – пятеро тощих жилистых крыс, словно специально созданных для погонь и охоты. Предводителем был черноспинка, носящий небольшую блестящую маску из фольги, прикрывавшую верхнюю часть лица. Громадные носы охотников ловили каждое колебание воздуха, а вскоре мусорщики и заметили беглецов.

Они торжествующе заверещали, но тут же их ликование сменилось злобным писком. Увидев, что дети спрятались внутри кабины вредного и опасного Лифта, крысы стали ругаться на них очень нехорошими словами. Они угрожали детям, кидались в них мусором, размахивали палками и мотками веревки.

Отвернувшись сам, Димка заставил не смотреть на это и остальных. Но выслушивать за спиной угрозы и крики было еще страшнее, а потому все трое изредка оборачивались, чтобы проверить, не рискнут ли преследователи броситься к Лифту.

И тут свое веское слово сказал сам Ворчун.

– А ну пошли прочь, мерзкие помоечники! – громогласно затрубил он из громкоговорителей, а моторы в его недрах заработали в полную мощь. – Убирайтесь подобру-поздорову, пока целы!

Расчищенное пространство вокруг шахты вдруг вспыхнуло синим светом, когда по металлическому полу заскакали крохотные электрические молнии.

Охотники тут же испуганно заверещали, попрытавшись за гребнем горы, но кричать на детей и швырять в Лифт мусор не перестали. Они бесились от собственного поражения и даже начали драться друг с другом, выясняя, кто виноват в том, что добыча ускользнула.

– Не бойтесь, дети, – пробормотал Лифт уже значительно тише, и путешественники поняли, что теперь он общается с ними через внутренние динамики. – Тут они вас не тронут...

И массивные изогнутые створки, величественно выплыв из толстых стенок шахты, неторопливо сомкнулись, избавляя детей от вида пугавшей поляны, заваленной горами мусора и хлама.

– Спасибо вам, дяденька Ворчун, – глотая слезы облегчения, пробормотала Настя, глядя в потолок. – Большое вам спасибо!

А ее братья только закивали, от волнения разучившись подбирать нужные слова.

– Да ладно, не за что, – пророкотал Ворчун, но было заметно, что благодарность ему приятна. – Только учтите, на вашу верхнюю поляну я вас доставить не имею права. Даже если вы говорите правду, мне за нарушение протокола не поздоровится... А я еще работать хочу, рано мне на пенсию.

Двери закрылись окончательно, и дети почувствовали, как у них привычно закладывает уши – это герметизировалась кабина. Вздвогнув, Ворчун медленно пополз вверх, скрежеща старым железом и побряхтывая.

Он был почти пустой, если не считать нескольких громоздких ящиков в самой середине отсека. Грязный, повидавший виды, исцарапанный и неоднократно чиненный, Лифт производил впечатление упорного труженика.

– Придется мне вас раньше высадить, – продолжал Ворчун, поднимаясь все выше. – Это, может, и не Заботинск, но все ближе будет, чем Свалка...

Дети переглянулись, но обсуждать слова Лифта в его присутствии не решились, лишь снова согласно закивав.

Безусловно, они рассчитывали подняться как можно выше, чтобы можно было встретить кого-то из взрослых (нормальных взрослых, конечно же). Но если Ворчун утверждал, что этого сделать нельзя, споры были бесполезны.

– Так что сделаю незапланированную остановку на механизированной поляне, ее в простонародье Штамповальней называют, хотя по протоколам Спасгорода она проходит под кодировкой Фабрика-БАП. – Лифт призадумался. – Потом техникам что-нибудь сочиню про аварийный или профилактический запуск... Ну а там сами уж выбирайтесь, ничем больше помочь не смогу...

– Понимаем, дяденька Ворчун, – вежливо кивнул Виктор в одну из внутренних амбикамер. – Вы и так для нас очень много сделали.

Несомненно, наши герои понимали, что о большем просить Ворчуна не смогут. Если бы следующим утром тот сообщил инженерам, что спас троих детей, без установленных предписаний вывезя их со Свалки, у него могли бы возникнуть очень и очень большие неприятности. А подвергать неприятностям того, кто только что помог им, близнецы не хотели, потому что были так воспитаны.

Усевшись прямо на грязный и прохладный пол, они стали негромко обсуждать, что могло случиться с Подметкой. Влюбленный в свою странную работу крысеныш тоже помог им (причем отнюдь не меньше, чем Ворчун, как считала добродушная Настя), и теперь путешественники искренне переживали, не попался ли тот в лапы охотников. Однако выяснить это дети никак не могли и лишь надеялись, что тот сбежал, воспользовавшись своим крысиным чутьем и ловкостью. Так, устав от переживаний и волнений, все трое не заметили, как прямо во время беседы погрузились в тревожную и неглубокую дрему.

Глава 5,

в которой с проблемой не справляется даже специальный помощник, а кое-кто вынужден выслушивать шутки

– Просыпайтесь, горемычные, – негромко, чтобы не напугать прикорнувших детей, пробасил Ворчун, и они вздрогнули, открывая глаза. – Прибыли. Дальше не повезу, должны понять старика...

Створки его приоткрылись, но теперь не на всю ширину, а чуть-чуть, лишь бы хватило места пролезть бочком. Свет в кабине горел еще более приглушенно, моторы работали тихо-тихо. Потирая сонные лица и потягиваясь, наши герои поднялись на ноги, поворачиваясь к блестящему выпуклому объективу.

– Еще раз спасибо вам. – Витя поклонился, как его учил отец. – Вы оказали нам большую услугу. Наш папа очень хороший механик, мы ему про вас обязательно расскажем... ну, то есть тайно, со всей очевидностью! Исключительно по секрету! – вдруг спохватился он, заметив недовольное мерцание красных ламп на панельном планшете. – Он никому не доложит, вот увидите. Но сможет вам помочь. Профилактику сделать или что-нибудь заменить.

– Хм... – Ворчун призадумался. – Ну что ж... Если так, буду признателен и я: кое-что заменить бы не помешало, да вот техники жадничают. Главное, чтобы это и впредь осталось нашим секретом, договорились? А теперь идите, мне пора возвращаться. И удачи вам!

Дети попрощались с Лифтом, чудом вывезшим их с гадкой поляны, и протиснулись через оставленную в дверях щель. Сейчас, после встреч с червями, крысами и ужасной бабушкой Красимирой, Ворчун казался им самым честным и дружелюбным существом во всем городе. После мамы и папы, разумеется.

Близнецы вышли из кабины, и створки тут же сдвинулись. Через толстую стенку было слышно, как Ворчун начинает неторопливый спуск обратно. Прислонившись к шахте спинами, они согнали с себя остатки усталой дремы и осмотрелись.

О, каким необычным и таинственным показался им очередной этаж великого Спасгорода! Шумным, хаотичным, преисполненным великанской суеты, план которой никому не известен. Витьке окружающие машины и механизмы сразу напомнили устройство настенного хронометра, в котором они с братом ковырялись не так давно. Хронометр был старинным, довольно громоздким и сломанным. С крохотным деревянным барабанщиком, отмерявшим время звонкой дробью (в наших домах для этих целей в часах используются кукушки, но об отношении жителей Спасгорода к Птице я уже упоминал). И с тяжелыми свинцовыми гирьками для завода, подвешенными на цепочках. Прибор мальчишкам отдал отец после того, как механизм окончательно сломался и починить его стало невозможно даже для Петра Петровича. Димка, впрочем, довольно быстро охладел к подарку – ковыряться в устройстве ему показалось не очень интересным. А вот усидчивый Витька разобрал пластмассовую коробку с миниатюрным барабанщиком до последнего винтика, очарованный хитросплетениями шестеренок и иных причудливых деталей.

Поляна, на которую Ворчун доставил наших путешественников, больше всего напоминала именно такой хронометр. Только действующий, с подвижным промасленным механизмом и громким шумом. И увеличенный в сто миллионов раз. Вокруг постоянно что-то вертелось, перемещалось, двигалось и негромко гудело, подчиняясь сложному и хитроумному плану. А еще, и это дети заметили почти сразу, на работавших цеховых линиях и станках совершенно не было операторов. Машинами, обитавшими на поляне, управляли другие машины.

– Мне одному кажется или тут нет людей? – первым общие мысли решил озвучить Димка.

Чтобы преодолеть многосильный гул фабрик, ему пришлось чуть повысить голос. Еще не придя в себя после посещения безрадостной крысиной поляны, дети испуганно завертели головами, но слова растворились в пропахшем смазкой воздухе, не привлекая ничьего внимания.

– Да нет, братец, отнюдь не кажется... – Витька невесело покачал головой, продолжая осматриваться и задумчиво потирать чумазую щеку. – Папа рассказывал, что в городе еще остались автономные цеха. Видимо, это как раз такой, а аббревиатура БАП наверняка означает «Бытовая Автоматизированная Поточная».

Бездушные машины вокруг них продолжали безостановочно ткать полотна, прямо на местах кроить ткани и тут же отправлять их на швейные агрегаты. Из их широких ликов-пастей, на ходу упаковываясь в прозрачный пластик, на свет появлялись платья, мужские костюмы и рабочие спецовки. Даже при беглом осмотре казалось, что Штамповальня всецело оправдывает свое простонародное название.

– Не может быть, чтобы на всей поляне не было ни одного живого человека, – с легким надрывом в голосе заговорила Настя. – Уверена, что в центре находится что-то вроде оперативного центра или офисов.

Мелкими неуверенными шажками они прошли сквозь швейные мастерские, теперь рассматривая машины по сборке самокатных кузовов. При одном взгляде на лакированные обтекаемые корпуса все трое сразу представили рослого сутулого Смотрителя по имени Карл, но на этот раз воспоминание не стало темой беседы.

– Теоретически, – поддержал сестру Виктор, почти оттерев со щеки грязь, – Настя права. Даже если поляна автоматизирована на 100 процентов, где-то в ее недрах должен находиться центр принудительного управления. Или, на худой конец, устройства для связи с Гильдией.

– Вот их-то нам и не хватало... – пробурчал его брат, пожимая плечами. – Я лучше еще раз в технические коридоры полезу, чем позволю Смотрителям нас задержать, а потом оштрафовать или уволить папку...

Витька хотел что-то возразить брату, но тут их внимание привлекла Настя.

– Смотрите!

Рядом с ними огромный, уходящий под самый потолок агрегат с визгом пилил листы синтетической фанеры, конструируя из них школьные парты и другую полезную мебель. Повернувшись к нему, девочка ткнула рукой в железный борт. Мальчики удивленно переглянулись, а затем начали читать ярко-оранжевые вывески с предупреждениями не ходить по транспортеру при включенной циркулярной пиле или не совать руки в сборочный станок.

Убедившись, что братья упорно не понимают, куда смотреть, Настя приподнялась на цыпочках. И без того перепачканным рукавом куртки осторожно смахнула с металлической стенки рассыпчатый ворох пыли. Отшагнула назад, чихнула, фыркнула. Теперь ее находку рассмотрели и другие – это оказался целый информационный стенд для механиков.

– Указатели почти не стерлись, – констатировал Виктор. – И схематичный план поляны вполне читается. По нему мы сможем найти штаб или кого-то из Лифтов! Смотрите! – Он сверился с картой на стене станка и указал на грязный пол. – Люминесцентные стрелки тоже уцелели.

Те действительно виднелись под ногами, хоть и почти стерлись от времени и тяжелого маслянистого налета, перемешанного с пылью.

– Тогда вперед. – Димка подтолкнул обоих. – Чего время терять? Раньше найдем Лифт, раньше выберемся отсюда...

– Верно, – кивнул Виктор. – Но я прошу вас оставаться настороже. Мы до сих пор не знаем, какие сюрпризы может готовить эта поляна...

И по его посуровевшему лицу Настя догадалась, что брат вновь вспомнил Свалку или Червигород.

Сбившись в стайку и робко выглядывая из-за углов на каждом новом повороте, они двинулись вперед. Стрелки и другие стенды на бортах машин помогали, задавая направление. Когда указатели исчезали полностью, заводя путешественников в тупик, те возвращались по собственным следам, чтобы выбрать иной, более сохранившийся маршрут.

Почти сразу выяснилось, что великанские машины, запрограммированные на

производство вещей много лет назад, расставлены по поляне в соответствии с определенным порядком. Поделенные на кварталы и районы, они напоминали лепестки, расходящиеся из центра яруса. Совсем скоро Виктор разобрался в закономерности, и тогда дети зашагали вперед уже без оглядки на старые трафаретные надписи.

– Ой, смотрите, они даже игрушки делают! – Впервые за долгое время в голосе Насти промелькнуло что-то доброе и лишенное страха, и у братьев потеплело на сердце. – Это же «Алиса»! У меня была точно такая, помните? Родители дарили на прошлый Новый год! Она запоминает двенадцать фраз, а все ее наряды не смогла собрать ни одна девчонка Заботинска...

Проследив за ее рукой, мальчишки рассмотрели конвейер, по которому дружными рядами двигались десятки крупных розовощеких кукол в сиреневых ночных рубашках. До того, как наши путники увидели фабрику игрушек, они и представить себе не могли, как много «Алис», оказывается, производят промышленные мощности.

– Они похожи на армию недовольных домохозяек, – хихикнул в кулак Димка. – Только подумайте, до чего же напоминают...

Сходство «Алис» с живыми людьми на самом деле было сложно не заметить. Причем его усиливал немалый рост кукол, давно ставших одной из любимых игрушек всех девочек Спасгорода.

– Интересно, зачем так много? – покусывая губу, что выдавало его подступающую задумчивость, поинтересовался Витька. – Или программы фабрики давно не калибровались по объемам выпускаемой продукции?

– Мне кажется, – язвительно ввернул Димка, косясь на брата, – что избытки игрушек сейчас должны интересовать нас в последнюю очередь. Идемте дальше.

– Пойдите, – вдруг попросила Настя. – А давайте подойдем поближе? Буквально на минуточку, пожалуйста. Я только посмотрю, как «Алисе» выбирают костюмчики. И мы сразу отправимся к центру управления!

Братья переглянулись, но ничего не сказали. Глаза сестры лучились таким светом и энергией, которых оба не замечали с Самого Первого Происшествия с молчаливым Лифтом Высокого класса. А потому им стало совестно лишать Настю этого безобидного удовольствия.

– Ладно, – великодушно пробурчал Димка. – Но только на минутку.

И все трое пошли к дальнему краю фабрики игрушек, где ряды «Алис» упаковывались в яркие картонные коробки с прозрачными крышками. Настя, чьи щеки даже порозовели от удовольствия, все норовила ускорить шаг.

– Глядите, вот где процессор определяет, какой наряд выбрать!

Девочка совершенно невоспитанно ткнула пальцем в сортировочный цех машины, где сразу несколько кукол вертелось на специальном барабане.

– Это доярка, точно говорю, – продолжала щебетать Настя, рассматривая защитный герметичный шлем и толстый прорезиненный костюм, в который фабрика наряжала «Алису-доярку». – А вот лыжница. – Казалось, один вид крохотных варежек для поляны Снежные Склоны или маленьких лыжных палок приводят Настю в настоящий восторг. – А вот еще...

Но братья так и не смогли узнать, что еще вызвало радость сестры. Потому что один из подвижных модулей фабрики вдруг развернулся в их сторону, бегло хлестнув по детям горизонтальным лучом фабричного сканера.

От неожиданности Настя осеклась. Все трое зажмурились, на миг ослепнув от яркой вспышки, а над их головами уже оживала система громковещания.

– Внимание! – Скрежещущий голос с трудом прорвался через помехи, словно рупоры громкоговорителей над головами путешественников молчали не один десяток лет. – Утеря товара. Ожидается пересортица, объект «Алиса» покинул пределы фабрики, три единицы. Требуется возврат товара на пересчет и повторная упаковка. Повторяю...

– Что происходит?! – Настя побледнела, будто вовсе не она минуту назад лучилась счастьем, словно генераторы Светоча.

– Кажется, фабричный сканер принял нас за выпавших через борт кукол, – вслушиваясь в громкоголосое сообщение, летящее над поляной, прошептал Витька. – Вот только к кому он тут может обращаться?..

В это же мгновение повтор записи прекратился, и с легким щелчком включилось новое сообщение:

– Внимание! Сортировщикам сектора № 8 покинуть посты подзарядки. Повторяю, всем Сортировщикам сектора № 8 выйти на служебные позиции и провести переучет товара...

– Ой, не нравится мне что-то, как это звучит, – стиснув зубы и вертя головой, процедил Димка. – Давайте-ка убираться отсюда...

Его предложение было встречено энергичными кивками, и дети торопливым шагом двинулись прочь от фабрики. Скрипучий механический голос над их головами продолжал инструктировать неких Сортировщиков, сообщая, что тем требуется немедленно прибыть на вверенный участок.

А еще через несколько поворотов нежданные посетители автоматизированной поляны-фабрики смогли узнать, что же такое Сортировщики...

В нашем с вами языке есть такое выражение «словно туча скрыла солнце». Это когда яркий день вдруг тускнеет и сереет, становясь хмурым, преддождевым и тревожным. В мире наших героев такой поговорки не было. Но в минуту, когда все трое увидели первого Сортировщика, детям показалось, что лучи Светоча потускнели, став пепельными и бледно-желтыми. А скорое возвращение домой, уже всюю предвкушаемое, отодвинулось на задний план.

Потому что из-за ближайшей фабрики по изготовлению модульных стеновых панелей для жилья спасгородцев вдруг выкатился робот. И одного вида его хватило, чтобы понять: ничего хорошего он для близнецов не припас.

Робот, которого поляна называла Сортировщиком, оказался двух метров ростом. Старый, поржавевший, он скрипел и кряхтел всеми своими шарнирами, но вперед двигался на удивление шустро. Вместо ног у робота был шар, на котором тот уверенно балансировал. Вместо двух рук скитальцы насчитали сразу пять конечностей, оканчивавшихся паяльником, щипцами, сверлильной машинкой, щетками и магнитным захватом.

Какой бы из своих пяти рук Сортировщик не решил прикоснуться к человеку, это представлялось неприятным и даже опасным. Заметив объекты, обозначенные фабрикой, как «сбежавшие куклы», робот развернулся. В его небольшой круглой голове раскрылась розовая щель.

– Сошедшие с конвейера образцы обнаружены, – пробасила машина, заикаясь от старости и долгого отсутствия ремонта. – Приступаю к пересортировке.

И покатила прямо на нашу троицу, застывшую в неподдельном ужасе.

– Стоять! – громко и решительно приказал Виктор, шагая вперед и вскидывая руку. – Человек в опасности, прекратить выполнение программы!

Но протоколы Сортировщиков, как и остальных механизмов на поляне-фабрике, не были настроены на голосовой контакт с посторонним.

– Команда неизвестна, – застыв, ответил ему робот. – Продолжаю выполнение задания.

От непонимания и обиды у Витьки отвисла челюсть, но тут ситуацию взял под контроль его брат.

– Бежим! – завопил тот, дергая обоих за рукава и утаскивая в соседний проход. – Не позволяйте ему схватить вас!

Но за поворотом, где хотели укрыться дети, их ждал еще один грозный Сортировщик, похожий на своего предшественника, как Дима походил на Витьку.

– Врассыпную! – не растерявшись, тут же скомандовал Димка, отталкивая от себя сестру. – Они медленные, главное, не бойтесь!

И все трое прыгнули прямо под двухметровую конструкцию Сортировщика, расставившего руки-манипуляторы и сразу ставшего похожим на каркас раскрытого зонта. Первым проскочил ловкий Дима. Чуть замешкавшись, следом за спиной робота скользнул и

Витька. Настя, не сразу выбравшая место для рывка, чуть не лишилась брезентовой накидки, по краю которой успел чиркнуть магнитный зажим.

– Проблемы с пересортицей, – без запинки отчитался Сортировщик, а за его спиной показались еще двое. – Объекты в зоне прямой видимости. Продолжаю выполнять складирование.

– Да что с ними не так?! – выкрикнула Настя, набирая скорость по улице-коридору. – Они не могут отличить живого ребенка от куклы?

– Заклинило, – пропыхтел Витька, стараясь не обгонять сестру и поглядывая по сторонам. – Лет тридцать просиди без дела, тут любой свихнется!

Теперь это превратилось в настоящую погоню. Трое детей, в скорости пока выигрывающих, бежали по коридору, едва успевая ориентироваться по тусклым светящимся стрелкам. За ними, покачивая руками и щелкая зажимами, катились сразу четверо Сортировщиков, продолжавших скрипеть неприятными мертвыми голосами.

– Они не отстанут...

Задыхаясь на бегу, теперь Виктор обращался к брату, но тот лишь отмахнулся – он и так ломал голову, как выпутаться из нелепой ситуации, в которую они угодили на линии по производству кукол.

– Центр, – коротко выдохнул он, постоянно оглядываясь. – Быстрее, они увеличили скорость!

И правда – обменявшись звуковыми сигналами, Сортировщики прибавили ходу. Да так, что из-под шарообразных двигательных механизмов поднялась пыль.

И тогда близнецы побежали еще быстрее, как их учили на школьном стадионе.

Начиная на усталость, страх и дикость происходящего: самого факта попытки роботизированного помощника создать угрозу человеку – своему творцу. Их ботинки звонко шлепали по грязному полу, а кругом все еще шевелилась, вращалась, шипела и продолжала свою неустанную работу чудесная фабрика, забывшая о существовании живых существ.

А когда всем троим стало казаться, что сейчас Сортировщики все же достанут их своими железными ручищами, они вдруг выскочили в самый центр поляны, очерченный широким красным кругом. Стремглав миновали нарисованную на плитах пола отметку, как марафонец рвет финишную ленточку. Достигнув этой же черты, преследовавшие их роботы застыли, как вкопанные.

– Стойте!.. – Упираясь руками в колени, Витька дышал жадно и глубоко. – Кажется, им сюда нельзя...

Рядом пытались восстановить дыхание его брат и сестра. Настя облегченно косилась на замерших Сортировщиков, но страх из ее сердца никуда не ушел.

– Ошибка сортировки товара, – вдруг произнес один из роботов. – Несанкционированное попадание товара в контрольную зону. Прошу разрешения на применение чрезвычайных полномочий...

Вновь услышав этот скрежещущий и будто бы треснувший голос, Виктор тихонько взвыл сквозь зубы. Димка, отдышавшийся первым, лихорадочно осматривался.

– Туда! Бежим дальше, у нас есть шанс спрятаться! – Он махнул рукой в глубь поляны, где громоздились полусферические контейнеры, когда-то использовавшиеся как штабы контроля над фабрикой.

– Нельзя, эти найдут. – Прищурившись, Витька пристально и злобно, будто врагов, рассматривал выжидающих приказа Сортировщиков. – Нужно добраться до панели управления поляной. Или штатом роботов...

Над головой раздался зычный голос фабрики, уже знакомый по громкоговорителям на линии игрушек.

– Нестандартная ситуация, – произнесла поляна сквозь помехи. – Даю Сортировщикам сектора № 8 разрешение на использование чрезвычайных полномочий.

Будто проснувшись, четверо роботов вздрогнули. Розовые щели в их головах снова засветились огнем, и они медленно перекатались через запретную границу.

– Смотрите! – В неожиданном крике Насти было столько же силы, сколько светлой, воодушевляющей надежды.

Братья тут же обернулись. Девочка стояла у одинокого пульта совершенно незнакомого вида, глядя на него лихорадочно сверкающими глазами. Подпрыгнув, она смахнула рукавом пыль, позволив мальчишкам прочесть старую полустертую надпись. «Оперативный Бот Ликвидатор Аварий и Чрезвычайных Катастроф Одушевленный», было написано над кнопками и рычагами. Но сам планшет выглядел таким старым, что казался давно испорченным. Димка присвистнул и хлопнул в ладоши, его брат обреченно покачал головой. Сортировщики медленно приближались, сканируя детей красными лучами, но и не думая распознавать в них живых людей.

– Не сработает, – сухими губами прошелестел Виктор. – Я читал, что последний вышел из строя еще до нашего рождения...

– И что же, не пробовать?! – Подскочивший к панели Димка подпрыгнул, изо всей силы лупя кулаком в большую желтую кнопку, занимавшую середину планшета. – А теперь... – Он обернулся к приближавшимся Сортировщикам, полный решимости как можно дольше дурачить спятившие механизмы. – Бегите, я их задержу!

– Я с тобой, – устало, но мужественно подтвердил Витька, тоже разворачиваясь к роботам. – Беги, сестричка!

И мальчишки шагнули навстречу Сортировщикам, уже расставившим манипуляторы, чтобы изловить сбежавших «кукол». Настя закусил губу, машинально заметила коридор, уводящий прочь между штабными постройками, но осталась на месте. Когда всем троим уже казалось, что сейчас бесконечная погоня продолжится, из центра поляны вдруг донеслось легкое жужжание. Вскоре над головами беглецов застыл странный аппарат, больше всего напоминающий металлический футбольный мяч, только с прикрепленным сверху крохотным пропеллером.

– Оперативный Бот Ликвидатор Аварий и Чрезвычайных Катастроф Одушевленный прибыл на вызов, – донеслось из летающей сферы. – Что у вас случилось?

– Остановить Сортировщиков! – выкрикнул Витька вверх, чудом успев увернуться от протянутой к нему клешни. – Мы живые люди, нам требуется помощь!

– Живые люди? – Интонации и чувства, с которыми переспросил мальчика юркий зонд, сразу напомнили детям о молодых Лифтах и живущей в них душе. – Не может быть...

– Может, древняя ты железяка! – Теперь на мяч с пропеллером закричал и Димка. – Человек в опасности!

Настя взвизгнула, когда сразу два робота ухватили ее за края одежды. Раздался хруст ткани.

– Стоп, Сортировщики! – удивленно, но решительно приказал парящий в воздухе ржавый железный мяч. – Покинуть центральную зону, чрезвычайные полномочия аннулированы.

Опустив манипуляторы, роботы послушно покатали за красную границу. Печально и разочарованно, как в тот момент померещилось обозленному Витьке – будто упустившие добычу хищники...

– Живые люди? – еще раз переспросил бот.

Опустившись на уровень лиц, он внимательно просканировал детей светло-зеленым лучом.

– Действительно... матушка моя конвейер, какой же сейчас год?

Теперь казалось, что Оперативный Бот Ликвидатор Аварий и Чрезвычайных Катастроф Одушевленный разговаривает сам с собой, и дети удрученно переглянулись. В этот момент им представлялось, что с ума сошла вся поляна...

– Сколько же я спал? – продолжал литься из парящего железного шара голос крепкого юноши, не так уж сильно отличавшегося от наших странников в возрасте. – Батюшка мой паяльник, это же невиданно. Вы первые, кто обратился ко мне за помощью за целых...

– Уважаемый Оперативный Бот Ликвидатор Аварий и Чрезвычайных Катастроф

Одушевленный, – довольно невежливо (он все еще был крайне зол) перебил его Виктор, – спасибо тебе за помощь. Но мы до сих пор находимся в опасности...

– Облачко.

– Что, простите? – Сфера так неожиданно обратилась к нему и снизилась на уровень груди, что Виктор даже опешил.

– Называйте меня – ОБЛАЧКО, это аббревиатура от первых букв в названии. Мне так привычнее. Так что вы хотели, ребята?

– Нам нужно домой, – потирая отбитый о кнопку кулак, вмешался Димка, виновато глядя в пол. – Просим твоей дальнейшей поддержки.

– Что? Поддержки? – Мяч с винтом развернулся в сторону мальчика, чтобы нацелить на него несколько выдвижных объективов, спрятанных в боку. – Великие универсальные гайки, как давно я не слышал ничего подобного...

– А что ты вообще тут делаешь, если не помогаешь? – Димка постарался съязвить, но у него получилось не очень метко. – Я думал, тебя для этого и создавали.

– Все верно, непоседа, – с достоинством ответил Облачко. – Боты моего поколения созданы для помощи в управлении автоматизированными полянами и решения чрезвычайных ситуаций.

– У нас как раз такая, – негромко буркнул Дима.

– Но в последний раз к моим услугам прибегали так давно... Всемогущие Лифты, анализ систем сообщает, что за время сна я был лишен половины своих функций и возможностей...

Казалось, бот откровенно загрустил, и дети снова переглянулись.

– Ты спал... Значит, ты живой? – робко поинтересовалась Настя.

– Жизнь, девочка, понятие весьма субъективное, – сместившись в ее сторону, ответил Облачко. – Впрочем, где же мое воспитание? Если я все еще продолжаю выполнять программу по вашему спасению, я обязан предложить вам горячую еду и отдых!

– Это было бы нелишним, – вымученно улыбнулся Виктор.

– Тогда за мной! Надеюсь, за прошедшие годы из неприкосновенного запаса кое-что уцелело...

Облачко поднялся над их головами, направляясь к зданиям центра управления. Там он влетел в одно из пустующих строений, в которых не бывали давным-давно. Внутри царила разруха и бардак, словно кто-то намеренно решил напакостить, перевернув почти все столы и забыв закрыть дверцы пустых шкафов.

Ликвидатор Катастроф показал детям специальный сейф, в котором механики и операторы хранили самые последние запасы пищи, и мальчишки принялись рыться в его недрах. В обычных стеллажах и холодильниках большая часть запасов исчезла (Димка сразу вспомнил про крысиные стаи, шнырявшие по Спасгороду в поисках добычи), а часть испортилась. Но кое-чем подкрепиться путешественники все же сумели.

– Подумать только... – продолжал разглагольствовать спасательный бот, жужжа под потолком. – Какое огромное количество информации поступило в мой мозг за время сна... Как много предстоит обработать.

– А есть другие? – с нетерпением оглядываясь на братьев, изучавших маркировки консервных банок, поинтересовалась Настя. – Ну, другие боты, как ты?

– Увы, юная красавица, – наклонился в ее сторону летающий мяч. – Мой анализатор сообщает, что я последний оставшийся в строю Бот Спасения... В какой-то мере вам немало повезло. Если бы механизм моего пробуждения не сработал, оказаться вам на складах игрушек... Механизмы этой поляны давно не видели живых людей.

– Нашли, – отчитался Димка, выставляя на изодранную клеенку несколько уцелевших жестянок с консервированными грибами и коробку пресных хлебцев. – На горячую пищу это не похоже, но сейчас я даже опилки съем...

Разобрав одноразовые вилки, приложенные к банкам, дети накупились на еду.

– Итак, вы сообщили, что ваша персональная чрезвычайная ситуация еще не

разрешена, – констатировал Облачко, наблюдая, как они едят. – С одной стороны – меня это радует. Дает, так сказать, возможность как можно дольше не отправляться на покой. Надоело, знаете ли, дрыхнуть... С другой – хотелось бы знать больше: как я уже сообщал, за время спячки мои функции значительно ограничили. В том числе и в правах доступа к информационнои сети...

– Дело в том, уважаемый Облачко, – старательно прожевав, ответил ему Виктор, – что мы немножко... заблудились. Но были бы очень признательны, если бы об этом никто не узнал. Ни наши родители, ни в Гильдии Смотрителей.

– О, великодушные газовые горелки, небольшая детская тайна, – хохотнул Облачко, заставив ребят восторженно переглянуться. – Пока я в вашей власти, я буду нем, как вышедший из строя пылесос. Так что же вы хотите?

– Помоги нам вернуться на Заботинск, – выскребая из своего пайка последние грибы, сказал Витя. – Ведь на поляне есть Лифты, с которыми ты мог бы установить общий язык?

– Лифты? – На несколько секунд Облачко задумался. – Есть. Правда, значительно меньше, чем во времена моей сборки, но... О, милосердные сварочные элементы! Я только что прочитал, что больше половины Лифтов этой поляны погибло!

– Что? – У Виктора вытянулось лицо, и он чуть не уронил под стол пустую консервную банку.

– Наверное, ты хотел сказать – сломаны или вышли из строя? – поправила бота Настя, деликатно обгладывая сухую плитку галеты. – За последнее время в Спасгороде ломается все больше и больше Лифтов, и мы...

– Нет, добрая девочка. – С нервным жужжанием Облачко взмыл к потолку контейнера. – Я имею в виду – именно убиты. – А после этого летающий мяч добавил такое, что остатки аппетита у детей мигом исчезли: – Они уничтожены существом, которое сейчас пересекает поляну...

В обеденной комнате бывшего оперативного центра стало так тихо, что на присутствующих снова обрушился монотонный гул работающих за дверью фабрик. Потрясенные до глубины души, наши герои переглянулись. А затем все трое устались в дверной проем, который закрывался на обычную полиэтиленовую полосчатую штору.

Ох, как же им стало страшно в эту минуту. Как же спокойно летающий бот, призванный спасать людей, рассказывал им про *нечто*, лишившее жизни не один Лифт на этом механизированном этаже. Рассказывал таким тоном, словно ничего не был способен сделать с безудержной напастью, сейчас появившейся совсем рядом.

– Неужели она нашла нас, эта страшная бабка?.. – тихонько пропищала Настя, но Димка сосредоточенно закусил губу и замотал головой.

– Глупости. Какое отношение она вообще к Лифтам имеет?! – Мальчик на негнущихся ногах подошел к дверному проему кухонного блока, собранного из листов тонкого гофрированного железа. С опаской выглянул наружу. Так осторожно, как будто прямо из-за угла на него могло броситься что-то жуткое, способное отнять жизнь.

– Облачко, ты же нас защитишь? – Витя торопливо обыскал просторную, наполовину разграбленную комнату, но не нашел в ней ничего, способного стать оружием.

– Для начала я должен убедиться, что населяющие поляну Лифты не ошиблись в суждениях... Так сказать, лично определить характер угрозы, – ответил ему бот, впрочем, без особенного энтузиазма. И тяжело вздохнул, разворачиваясь к выходу. – Ждите тут, я разведую...

И, не дожидаясь ответа детей, выпорхнул сквозь полиэтиленовые полосы в воротной арке, набирая высоту. Без него (хоть было и неясно, как летающий мяч может защитить от неведомой напасти) стало бесконечно одиноко и тревожно, и наша троица попряталась за мебель.

К счастью, бот отсутствовал недолго – буквально через пару минут они снова слышали его монотонное жужжание, и в дверной проем ворвалась сиявшая зелеными лампами сфера. Однако по внешнему виду и поведению Одушевленного Ликвидатора

Катастроф было нельзя утверждать, что бот нашел способ справиться с подступавшей бедой. Шар медленно повернулся к детям «лицевой» стороной, приземляясь на высокий край холодильного шкафа и аккуратно заглушая мотор. Его зеленоватые объективы, которыми он рассматривал гостей, потухли, будто он боялся даже этим выдать свое присутствие.

— К сожалению, ребята, — едва слышно прошепелестели динамики, пугая еще сильнее, — все, что я могу сейчас посоветовать — это затаиться. Слухи правдивы... То, что сейчас идет по поляне — еще не механизм, но уже не человек. Я ничего не могу поделать с ним. Только смотреть. И надеяться, что оно направляется мимо...

Стараясь дышать как можно тише, братья и сестра подобрались к дверному проему, выглядывая в него вместе с Облачком. Потому что каждый из них точно знал — если они сейчас же собственными глазами не увидят оживший кошмар, бредущий по кварталам автоматизированных фабрик, их крошечные сердца разорвутся от ужаса и недоброго ожидания.

То, что открылось нашим странникам, было величественно и жутко. Так ветер проходится по поляне с высоким искусственным ковылем, подминая его своей широкой ладонью. Так затихают ученики, когда строгая учительница вышагивает по школьному коридору, пристально осматривая шалунов. Абсолютно так же затихали бездушные фабрики, и даже с центра поляны было видно, как движется по ее периметру нечто. Что-то, заставляющее технику умолкать, переходить в спящий режим и издавать как можно меньше звуков.

— Что это? — прошептала Настя, наваливаясь на плечо Виктора. — Мы же ничего отсюда не увидим...

— Тише, дуреха, чтоб тебя Птица исклевала, — с излишним раздражением одернул ее перепуганный Димка. — Если мы увидим это, значит, и оно сможет... По мне, так пусть лучше идет по своим черным делам.

— Я могу помочь, — прошептал девочке Облачко, вклиниваясь в разговор. — Хоть чем-то... — добавил он с грустью. — Минуту назад я внимательнейшим образом изучил это существо.

И бот направил в темный угол комнаты крохотный луч, какие используются в бытовых цветных амбивизорах. Витька сообразил раньше других, догадавшись, что летающий мяч показывает им объемную проекцию убийцы Лифтов...

Он был похож на человека, во всяком случае — со стороны. Но внешне на добрую старушку была похожа и упомянутая чуть ранее баба Крася, не так ли? Поэтому человеческий облик не смог обмануть детей, сразу рассмотревших в здоровенном плечистом мужчине что-то чужое, давно потерявшее связь с человечностью. Он оказался высок, почти как местные Сортировщики. Метра два ростом, если не больше. Очень широкие плечи, короткие ноги, огромные мясистые руки в длинных перчатках, которые легко разомкнули створки Лифта. Неведомое существо одевалось в грязно-черный рабочий комбинезон с множеством карманов. Еще оно носило тяжеленный фартук из брезента, весь залитый засохшими потеками машинного масла. На бледной выбритой голове близнецы рассмотрели крохотную кепку, всю в топорщащихся нитках грубо оторванной нашивки. Из-под козырька по сторонам посматривали два очень странных глаза, напоминавшие лишенные жизни иссиня-черные стекляшки. На боках великана болтались просторные сумки с инструментами, очень похожие на те, что Петр Петрович каждое утро брал на вахту. А поверх широкого крепкого пояса... Поверх его пояса раскачивались шестеренки самого разного размера. А еще небольшие детали Лифтов. И их было так много, что нашим героям они напомнили самую настоящую юбку. А вот нам с вами они бы напомнили совсем другое — пояс с трофеями, на который лесные охотники цепляют свою добычу.

Обогнув поляну по периметру, существо неторопливо подошло к внешней стене Спасгорода. Напоследок оглянувшись на притихшие агрегаты фабрик, оно откупорило секретную дверь, очень похожую на тайный люк Жадного. И ушло, прикрыв за собой створку.

По пустой поляне словно пронесся вздох облегчения. Замершие механизмы тут же возобновили работу, вернувшись к производству сотен и сотен нужных (и не очень) вещей. Каким образом глупые неодушевленные фабрики сумели ощутить присутствие великана, от которого так и веяло разрушением, осталось загадкой.

– Что... что это было такое? – Первым голос подал Витька, опустошенно падая на ближайший стул. – Когда я увидел его, я подумал, что от страха разучусь дышать.

– Могучие покровительствующие микросхемы! – ожил посмелевший Облачко, запуская жужжащий винт и поднимаясь под потолок. – Как же я с тобой согласен, мальчик. Впервые его вижу, но напуган больше спутника орбитальной обороны...

– Так ты не знаешь, кто это был? – с надеждой спросила Настя.

Она присела рядом с братом, стараясь не смотреть в угол, где только что светилась проекция.

– Хм... минутку... – попросил Облачко, принявшись копаться в памяти. – Да, кое-что есть. До своего выхода из строя часть Оперативных Ликвидаторов успела обменяться информацией об этом... Сейчас его называют Мглистым Механиком. Когда он приближается к технике, та описывает изменение своего электромагнитного фона. Лифты, способные к творчеству, охарактеризовали колебания этого фона как «нечто мглистое»... Зловеще, не так ли?

– Он человек? – наконец подал голос и Димка, все еще стоящий у дверного проема.

– Возможно. Или когда-то был им, – задумчиво ответил Облачко. – У Лифтов на этот счет весьма противоречивые сведения. Однако фактом остается одно – уже не первый год этот безумец бродит по полянам Спасгорода и убивает Лифты. Иногда – сразу несколько. Иногда затихает, и все начинают думать, что он мертв. Но каждый раз Мглистый возвращается... как сейчас.

– Ужасно! – Настя прикрыла рот ладошкой.

– Это чудовищное преступление, – добавил вслед за ней Виктор. – Об этом обязаны узнать в Гильдии! Стража задержит этого... эту мерзость! Облачко, ты можешь написать отчет Смотрителям?

– Вынужден разочаровать. – Бот сделал круг под потолком. Покачался на месте, будто пожал плечами. – Кроме того, молодой человек, мне кажется, что силы управления Спасгородом уже знают об этом существе...

– Как такое может быть? – с вызовом обернулся к нему Дима. – Если бы механики знали, они бы не успокоились, пока не защитили Лифты!

Вместо того чтобы ответить, Облачко вдруг приземлился на край стола, за которым они недавно обедали. Объективы его опустились в пол, винт заработал реже и не так шумно.

– Эта информация засекречена, ребята, – с оттенком вины в голосе пробормотал он. – Личные документы Конклава Гильдии, ограниченный доступ. Но уверяю вас, что ничего хорошего вы там все равно не прочтете...

– Это мы еще посмотрим. – Витька помотал в воздухе указательным пальцем, отрицая услышанное. – Итак, уважаемый Облачко, я возвращаюсь к прежней просьбе. Нам нужно как можно скорее попасть на Заботинск. Ты сможешь?

– Помогу ли я? – Потертая железная сфера поднялась в воздух и повернулась к мальчику «лицом». – Да, несомненно. Идите за мной, неподалеку есть знакомый особый образчик для курьерских поручений. Он может выручить...

И летающий мяч с пропеллером на макушке выпорхнул из гофрированного контейнера, где когда-то обедали контролеры фабричных установок. Дети, переглянувшись и одновременно вздохнув, последовали за ним.

Их переполняло волнение и, разумеется, страх, который они старались подавлять силой воли. За слишком короткий отрезок времени все трое столкнулись с тем, что не преподают в школе, не описывают в книжках и не показывают по центральному амбивидению. Как поделиться открытиями с отцом и не схлопотать наказание за побег из дома, они еще не придумали.

Оперативный Бот летел невысоко, чтобы не теряться из виду, и постоянно вертелся, поглядывая на спутников россыпью объективов. Время от времени что-то деловито командовал фабрикам. В одном месте завис над заклинившим конвейером и с помощью выдвижных инструментов починил поломку. Еще пару раз снижался прямо к полу, из встроенного пульверизатора обновляя светящиеся стрелки-указатели. Почти не обращая внимания на его деловую суету, дети обсуждали увиденное.

– Кажется, Облачко тоже спятил, – бубнил Димка, исподлобья рассматривая парящую впереди сферу. – На этой поляне все пришло в негодность. От дурацких Сортировщиков до спасателей.

– А я думаю, он хочет нам помочь. Просто не все может рассказать, – упрямо не согласилась с ним сестра, рассматривая порванный рукав форменной куртки. – Свои секреты есть не только у людей.

– Вам не кажется, что Смотрители на самом деле знают о существовании Мглистого? – высказал свое предположение и Виктор. Он был серьезен и хмур.

– Этого не может быть. – Настя замотала головой. – Гильдия никогда не допустит, чтобы какая-то тварь бродила по городу и ломала Лифты!

– С точки зрения логики, – насмешливо протянул Дмитрий, сворачивая за Облачком в новый коридор фабричных кварталов, – Гильдия и Стража обязаны и Красимиру схватить. А та спокойно живет себе в технических коридорах. Может быть, у Смотрителей элементарно не хватает сил, чтобы изловить Мглистого?

– Или желания, – буркнул Витька, завершая спор, но его никто не расслышал.

Облачко завернул за очередную фабричную установку (повинуясь древней программе, та производила сотни тысяч домашних тапочек) и завис на месте, покачиваясь и гудя винтом. Свернув следом, дети сразу увидели массивный ствол шахты.

– Мы спасены! – прошептала Настя, но братья не поддержали ее оптимизма, с недоверием разглядывая необычную конструкцию.

От полого столба, в котором прятался Лифт, к потолку поляны убегала длинная стрела, напоминая часть подъемного крана или здоровенный манипулятор со Свалки. Специальные направляющие под потолком позволяли ей перемещаться едва ли не по всему ярусу Спасгорода. А особенные магнитные подушки – даже перепрыгивать на соседние потолочные монорельсы, чтобы менять направление.

– Вот, – отчитался Облачко, подлетая к странной шахте и пробегаясь зеленым лучом по панели протокольного доступа. – Это Озорник – Особый Лифт для Срочных Курьерских Доставок, прошу любить и жаловать! Просыпайся, остряк, у тебя гости.

Последняя фраза была адресована микрофонам пульта, и ровно через секунду приборные панели ожили, засветившись лукавым изумрудным светом. Лифт выдвинул объективы амбикамер, внимательно изучил стоящих перед шахтой детей. И вдруг, совершенно неожиданно, спросил звонким задорным голосом:

– Что сказал один Лифт другому, когда в него загрузили роаль?

Дети переглянулись, ничего не понимая, и за всех ответил Виктор:

– Мы не знаем.

– Он сказал – я стал музыкальной шкатулкой. – И Озорник громко рассмеялся, мигая лампами.

Витя и Настя все еще пребывали в недоумении. А Димка вдруг заулыбался, разгадав смысл простенькой шутки.

– Здравствуйте, уважаемый Лифт, – неожиданно смутившись, поздоровался мальчик. – Я Виктор, это Дима и Настя. Вы нам поможете?

– Привет, детишки, – ответил Озорник. – И чем же я могу помочь? – И добавил, только теперь заметив Облачко: – О, старый приятель, ты проснулся! Рад тебя видеть! Что ответил Оперативный Бот после многолетней спячки? По-моему, я отлежал бок.

И Лифт опять рассмеялся, беззаботно и легко.

Димка снова расплылся в улыбке, намеренно не замечая братского укора. Уж кто-кто, а

Витька точно считал, что после пережитого страха – не до смеха и шуток.

– Привет, старина. Все бы тебе балагурить, – дружески пожурил приятеля Облачко, жужжа перед входом. – Видел Мглистого?

– Видел. Чудовище снова проснулось. Так чем я могу помочь?

– Добросишь наших гостей до Заботинска? – поинтересовался летающий мяч. – Без протокола, так сказать.

– До Заботинска? Высоковато, мне туда доступа нет... – Лифт-шутник задумался. – Но я знаю, кто может помочь. Загружайтесь.

– Вот так просто? – Витька даже опешил. – И вы правда-правда никому не скажете?

– Ну, – протянул Озорник, – что-то вы не похожи на преступников, о которых стоит сразу сообщать Стражникам Гильдии. Так что, будете вечно разглядывать шахту или взойдете на борт?

– Конечно. Прошу меня извинить... – Бросив на Настю и Диму многозначительный взгляд (который как бы говорил – я оказался прав, тут все немного не в себе), Виктор первым вошел в кабину. – А что значит «особый образчик»?

– У... – залихватски присвистнул Озорник, чем вызвал у Димки еще одну улыбку. – Это моя уникальная способность, которой обычные Лифты не обладают. Я самый быстрый и могу даже перемещаться из шахты в шахту. Это умение, скажу вам честно, дано отнюдь не всем Лифтам! Если захотите – покажу.

Теперь в кабину вошли и остальные путешественники, неуверенно столпившись на пороге.

– Спасибо тебе, Облачко, – с теплотой сказала Настя, оборачиваясь к автоматической поляне. – Ты нам очень помог.

– Чего уж там... – Сфера покачалась на месте (так человек мог бы без особого задора помахать рукой). – А теперь вы должны отдать мне команду об окончании чрезвычайной ситуации. После этого я отправлюсь на место парковки, где буду ждать, когда на поляне произойдет еще что-то недоброе...

В голосе бота слышалась неподдельная тоска, и даже огоньки его сканеров потускнели.

Дети переглянулись. В это мгновение между ними вновь проскочила та самая невидимая искра, что позволяет настоящим друзьям понимать друг друга без слов. Озвучить общее мнение решил Виктор.

– Мы не хотим отсылать тебя в спячку, – сказал он, от волнения глядя на пыльные носки своих ботинок. – Поэтому не будем отдавать такой команды. Можешь делать, что захочешь. Если нужна протокольная команда, то мы оставляем чрезвычайную ситуацию открытой...

– Добросердечная аргонная сварка! Это правда?! – Облачко разом засветился, словно внутри сферы зажгли десять ярких зеленых ламп. – Вот это да! Ты слышал, Озорник?

– А они милые и добрые, – согласился тот, чем вызвал на детских щеках краску смущения.

– Спасибо, ребята! – Сфера опустилась на уровень лиц, и от ее пропеллера ударила упругая струя взвинченного воздуха. – Ух, как я счастлив! Если бы мог, расцеловал!

Щеки наших героев загорелись еще сильнее (особенно у Насти), а Димка неловко пожал плечами.

– Да ладно... Раз уж ты к нам с пониманием, то и мы...

– Тогда до свиданья, дети! – Шар взмыл вверх, исчезая из виду. – Я никогда этого не забуду! Озорник, позаботься о них...

Его слова растворились в грохоте фабрик, а Лифт осторожно сдвинул створки, наполнив кабину мягким зеленоватым светом.

– Ну что? – спросил он, пощелкивая реле двигателя. – Поехали, друзья?

Дети, с надеждой переглянувшись, взялись за руки. Однако, к их общему удивлению, путешествие не было долгим. Кабину вдруг повело в сторону, подбросило вверх, за бортом раздался шелестящий звук, затем лязг, и створки распахнулись.

– Мы что, уже прибыли? – с недоверием поинтересовался Виктор, осторожно выглядывая наружу.

К его неприятному изумлению, за дверями Озорника снова шумела поляна-фабрика. Громоздкая, подвижная, безумная Штамповальня, похожая на внутренности гигантского хронометра с гирьками.

– Неужели мы вернулись обратно? – пропищала Настя, обнимая себя руками за плечи, словно ей стало холодно.

И только Димка молчал, внимательно глядя на внутренний планшет управления Озорником. По блеску в глазах мальчишки было видно, что он разгадал очередную шутку Лифта. И тот подтвердил это, рассмеявшись негромко и задорно.

– Нет, девочка Настя. Мы и не уезжали. Я лишь хотел похвастать возможностями конструкции, доказав, что способен с легкостью менять не только поляны, но и шахты!

Действительно – и в этом тут же убедились все, – место, куда их доставил Озорник, было непохожим на то, где они познакомились с Лифтом и попрощались с Облачком. Прямо перед шахтой разместилась фабрика по производству пустых банок для продуктов питания, а на пыльном пятаке перед ней не виднелось ни одного человеческого следа.

Настя и Витя переглянулись, молчаливо вопрошая друг друга – ну разве можно доверять Лифту с таким многозначительным именем? Димка же, наоборот, приткнулся к микрофонам планшета.

– Здорово! – восхищенно осматривая Лифт, похвалил он. – Вот, значит, для чего эти конструкции под потолком?

– Именно так, мальчик Дима! – В словах Озорника слышалась гордость. – Спасибо, что оценил по заслугам. Множество шахт города устроено с возможностью моего уникального внедрения. А перемещаться между ними мне позволяют специальные манипуляторы, потолочные рельсы и личные бортовые двигатели.

– Мы вроде бы не просили вас демонстрировать свое мастерство, – стараясь говорить вежливо и учтиво, привлек его внимание Виктор.

– А, вот про это я и говорил... – недовольно заморгал лампами Лифт. – И ведь что обидно? Люди так привыкли к моим особенностям, что даже перестали обращать на них внимание... Пойди туда, принеси то, отвези это. Знаете, дети, как называется Лифт, постоянно несущийся по поручениям? Банка пневмопочты.

И он опять рассмеялся, намеренно не замечая, как недовольно хмурится Витя.

– А, может быть, дяденька Озорник... – попробовал тот снова обратиться к микрофонам. – Мы все же...

– Да-да, вне всяких сомнений! – Лифт плавно сдвинул изогнутые двери. – Уже стартую, нетерпеливый мальчик. Не все понимают безобидные проделки, что уж поделать.

И он подмигнул улыбающемуся Диме одним из ярко-зеленых диодов.

– Вот вам еще хохма, чтобы не скучать: поднимается Лифт в ресторан на верхних полянах. Чистота кругом, все сверкает, официанты снуют. Ну, его шеф-повар и спрашивает – чего изволите? А Лифт ему в ответ – понятия не имею. Это же вы меня вызывали! Согласитесь, забавно?

И когда кабина рванулась вверх, Димка наклонился к сестре, негромко и с улыбкой спрашивая ее на ушко:

– Правда, он клевый?

Глава 6, в которой взрослые совершают абсолютно недопустимое кощунство, а кое-кто начинает ходить строем и осуществляет настоящий побег

На этот раз Озорник нес «путешественников поневоле» именно вверх – об этом детям сообщали их особенные вестибулярные аппараты жителей Спасгорода. Кабина мягко

покачивалась, навевая дремоту, ускорения Лифт почти не задавал.

После шутки с перемещением, которую все (кроме Димки) считали неудачной, уже успокоилась даже Настя. Села на пол под планшетом управления и взялась заново изучать разорванный рукав школьной куртки, что-то недовольно бурча. Дима все еще рассматривал панель, а Виктор обошел всю небольшую кабину кругом, задумчиво потирая переносицу.

– Скажите, уважаемый Озорник, – спросил он, обращаясь к микрофонам в потолке. – А вы не боитесь Мглистого Механика?

Тесный салон тряхнуло, после чего в динамиках раздался беззаботный голос необычного Лифта. Как и все несерьезные болтуны, он ответил вопросом на вопрос, что вообще-то считается крайне невежливо по отношению к собеседнику.

– А чего его бояться, мальчик Витя? – Изумрудные огоньки моргнули. – Ну да, страшен, опасен. Как землетрясения, которые в старину под Спасгородом случались. И что теперь – сидеть на складе под брезентовым одеялом и бояться землетрясения? Чему суждено случиться, – протяжно, но совсем без грусти вздохнул Лифт, – то обязательно произойдет.

– Любопытная точка зрения, – хмыкнул Витька, совсем не ожидавший от Озорника столь философского и интересного подхода.

А его брат, показав объективам оттопыренный большой палец, вдруг добавил:

– Вы не беспокойтесь больше об этом Мглистом! Мы обязательно придумаем, как его остановить и спасти Лифты.

– Вы? – Озорник хохотнул, но постарался сделать это как можно безобиднее. – Трое потерявшихся детей? Рад слышать такой оптимизм, дружище Дима. – Он снова подмигнул светодиодами. – Ну что ж, теперь я спокоен, как никогда.

Димка улыбнулся, не уловив сарказма, а Витя и Настя многозначительно покачали головами, но промолчали. Когда их братишка был чем-то увлечен, его способность здраво мыслить часто отступала на второй план.

– Ну что, «спасатели», держитесь, сбрасываю скорость, – наконец отчитался Озорник, и кабина начала торможение.

Детей качнуло, а затем створки приоткрылись, явив совершенно незнакомую и дикийвинную поляну.

– Вообще-то мне сюда нельзя, – понизив голос, доверительно сообщил Лифт. – Но несколько раз я доставлял генералитет в центр управления реакторами, так что старый протокол доступа сохранился...

– А что это за этаж? – поинтересовался Виктор.

Он хмурился и недоверчиво осматривал настоящие лесные холмы (какие до этого видел только в книжках и на открытках с полян для досуга обеспеченных спасгородцев).

– Казармой называют. – Лифт словно невзначай наклонился на подвижных полозьях и тросах, создав угол пола и тем самым подталкивая пассажиров к раскрытым дверям. – Вы идите, друзья... меня тут заметить не должны... Всего доброго.

– А что за Казарма? – не унимался Витька, вцепившись в край створки. – Не со Стражниками?

– Не-е... – совершенно по-детски протянул Лифт, отрицательно замигав лампами. – Не могу сказать, что поляну нынче населяют совершенно нормальные люди. Но к Страже Спасгорода или Гильдии они отношения не имеют. Кроме того, помните – тут, может, и не Летняя Ярмарка, но это еще на один шагок ближе к дому!

Настя, соскользнув по скату, выехала из кабины. За ней порог перешагнул и Дмитрий, которому было откровенно жаль прощаться с таким веселым и неунывающим Лифтом. Витька тем временем все одолевал Озорника вопросами:

– Вы подскажете, куда нам идти дальше?

– Мальчик Витя, – усмехнулся Лифт, – если уж вы самостоятельно добрались до Казармы, то в моих советах вовсе не нуждаетесь. Впрочем... если будет тяжело, найдите Компетенцию, ее шахта расположена в горах возле пересохшего водопада. Скажете, что вас послал я, и она поможет. Ну все, дружище, выходи, мне пора. Удачи вам, милые дети!

- Спасибо, дяденька Озорник, – попрощалась Настя.
- Вы самый лучший Лифт в мире! – махнул рукой Димка.
- Мы очень признательны вам, – подтвердил Виктор.

А Озорник, почти закрыв створки, вдруг спросил на прощание – негромко, но с плохо скрываемым весельем:

– Что сказал Озорник другому Лифту, когда они встретились в одной шахте? – И когда все трое детей озадаченно пожали плечами, сам закончил шутку: – Подвинься, я проеду!

После чего двери его сомкнулись так, что в щель стало нельзя просунуть иглу. Мерный гул из шахты подтвердил, что обожавший юморить Лифт уехал. Обернувшись, наши путники с интересом и опаской осмотрелись (в который раз за это длинное-предлинное путешествие).

Все пространство этажа оказалось покрыто изменчивым бугристым рельефом, почти как на Снежных Склонах (только без снега, разумеется). Слева близнецы заметили искусственную речку с мутной, почти стоячей водой, от которой пахло тиной. Справа – непролазную на вид лесную рощу из фанеры, толстой металлической проволоки и ярко-зеленой пластмассы. В чащобу убегала наезженная дорога для самокатов. Миновав заросли бутафорских деревьев, она пересекала поросшие изумрудной полиэфирной травой холмы и терялась из виду. Потолок поляны был выкрашен светло-голубым и белым. Вероятно, местные системы очистки и подачи кислорода не предусматривали создания искусственных облаков, но архитекторы не растерялись – нарисовали пушистых белоснежных барашков прямо на потолке. Аляповато, неярко, но с любовью.

– Ух ты... – восхитилась Настя, вдыхая чистый воздух (после Фабрики и Свалки он казался буквально кристальным). – И чего это Озорник назвал поляну Казармой? Было бы вернее именовать ее Лесными Чащами или Безмятежными Холмами...

Мальчишки за ее спиной переглянулись, но ничего не сказали. Кое-какие подозрения уже стали закрадываться в их головы, но пугать сестру раньше времени ребята не хотели.

– Вперед, – тихонько скомандовал Витька, пригладив непослушные пыльные вихры. – Время ждать не будет...

– Верно, – кивнул Димка, похлопав сестру по плечу. – Идем, Настена. Дома, поди, уже с ума посходили от переживаний...

И все трое торопливо зашагали по дороге, ползущей на высокий холм (скорее всего, сколоченный из фанеры и покрытый искусственным травяным газоном). Теперь стало заметно, что муляжи деревьев и кустарников, замечательно и таинственно смотревшиеся издали, вблизи вид имеют блеклый, изношенный и невзрачный.

На другой стороне холма им встретились несколько искусственных водоемов – пруды с заросшими бережками. С пыльной, когда-то так похожей на настоящую воду пленкой из клейкой полиэтиленовой массы. Они выглядели заброшено, жалко, но хотя бы не пахли затхлостью, как настоящие лужи, копившие мусор и тину из пробитых труб системы водоснабжения.

За первым холмом нашелся второй, с самой настоящей развилкой дорог и столбом, на котором когда-то крепился указатель. А за ним еще один холм, и еще. Да так, что в какой-то момент детям показалось, что они шагают по складкам великанского светло-зеленого одеяла. На вершине какого-то по счету подъема Димка вдруг споткнулся о поваленный древесный ствол из легкого сплава. Фыркнул, сплюнул на левый башмак и трижды ударил кулаком по кулаку, прогоняя беду.

– Ой, посмотрите-ка! – засмеялся брат, тыча пальцем. – Как дед суеверный! Братец, не пора ли вырасти из этих глупых детских предрассудков?

– Сам ты дед, – недовольно огрызнулся Дмитрий, но стыдливо покраснел. – Вовсе это не суеверия, я в книжках читал. Если запнешься левой ногой, а потом не плюнуть и не постучать, беда будет...

– Да? – не унимался Витька. – И в каких же книжках такое пишут?..

– Да тихо вы! – Настя вдруг оборвала спор (в последние годы возникавший все чаще). –

Смотрите, это же домики!

И вытянулась на цыпочках, указывая куда-то влево. А там, над смонтированной в низине рощей, впрямь виднелись верхушки остроконечных крыш, покрашенных темно-зелеными пятнами.

– Настоящий поселок. – Она повернулась к братьям, хлопнув в ладоши. – Значит, там люди! И Лифты! Скоро мы будем дома!

– Возможно... – почесал макушку Виктор, подозрительно косясь на Димку. Шахты за искусственным лесом видны не были, но он не спешил разочаровывать остальных. – Если поселок не заброшен, как и все вокруг...

– Так давайте проверим! – И не успели мальчики остановить сестру, как та бросилась вниз по склону, радостно повизгивая.

Конечно, ей казалось, что на такой живописной и спокойной поляне не может произойти и сотой части тех горестей, что постигли детей на предыдущих ярусах Спасгорода. Братья, энтузиазм Насти все еще не разделявшие, помчались в погоню... Спустились с холма, перепрыгнули странную прямоугольную траншею, пересекавшую его подножье. Углубились в заросли проволочных кустарников.

– Настюха, да погоди ты! – запыхавшись, попытался вразумить девочку Витя. – Мы же не знаем...

А потом в тонкий ствол дерева рядом с ним что-то ударилось, зазвенело, отскочило прочь. Следом все трое услышали грохот, который мы с вами узнать еще могли бы, но нашим героям он был совершенно незнаком. И снова что-то с лязгом ударилось в древесный ствол, заставив его закачаться, а картонные листья – сорваться с веток и упасть. Затем загрохотало со всех сторон. Грозно, трескуче, страшно. Над головой засвистело, завывало, будто на детей напала целая стая Оперативных Ботов, только очень маленьких – совсем крохотных. Не щадя себя, они бились о железные стволы деревьев и рикошетили в самые разные стороны, чудом не попав в кого-то из путешественников.

– Падай! – Димка первым догнал сестру, схватил за плечи и довольно грубо уронил на пушистый ковролин, изображавший мох. – Голову пригни!

Витька, одновременно с братом сообразивший, что вокруг жужжат вовсе не крохотные боты, а самые настоящие пули, повалился рядом. Отполз вправо, машинально прикрываясь «камнем» из пенопласта.

– Не стреляйте! – завопил он что есть мочи, и в голосе его звенел самый настоящий детский страх. – Мы ничего не сделали! Не стреляйте по нам!

Настя, только теперь догадавшаяся, что они попали под обстрел, вдруг завопила, причем куда громче брата, одновременно прижимая ладони к ушам. Димка, как мог, старался укрыть сестру, вжимая ее в «мох» поляны.

И тогда стрельба стихла. Разом, словно отчаянные крики возымели эффект. Не спеша поднимать головы, дети переглядывались между собой, укрытые ковром из сбитых пулями пластмассовых веток и бумажных листьев.

– Вот они, капрал! – услышали они совсем рядом чей-то грубый мужской голос, и у всех троих от ужаса округлились глаза. – Нарушители обнаружены. Дозволите начинать задержание?

– Дозволю! – ответил ему второй голос, столь же грубый и рычащий.

Затем по мягкому ковру из искусственных листьев к нашим героям со всех сторон двинулись высокие тени. Схватили за одежду, рывком поставили на ноги. Настя оказалась между братьями, зажмурившись крепко-крепко, словно пыталась избавиться от ночного кошмара. Витька не мог поверить увиденному, вертя головой. А Димка рассматривал окруживших их существ с удивлением и совершенно неуместным весельем.

С одной стороны, это были люди. Рослые крепкие мужчины, одетые в старую линялую форму, разрисованную пятнами разного оттенка зеленого и песочного цветов. С другой стороны, напавшие на детей солдаты от людей отличались, причем подчас весьма основательно. У одного обнаружилась полностью механическая нога, внутри открытого

устройства которой виднелись крохотные гидравлические поршни и шестеренки. У второго нечеловеческой была голова – вместо нее на плечах восседала металлическая сфера, с которой таращились глаза-объективы, а на месте рта присутствовал набор дырочек, как на динамиках радиотранслятора. Еще двое имели железные, подвижные и конструктивно сложные руки, а пятый вообще выше пояса казался роботом Сортировщиком, и только лицо оставалось человеческим. Там, где автоматика заменила военным части тела, они не носили одежды, а оттого зрелище было пугающим и немного ненормальным. Когда кто-то из солдат двигался, внутри его протезов что-то шипело, вращалось или запускало в ход автоматику.

Все десять военных, возникших из кустов, были вооружены винтовками, а на головах носили каски такого же защитного цвета. Тот, что имел на рукаве несколько незнакомых нашивок (стареньких, дырявых, но чистых и бережно пришитых), сделал шаг вперед. Теперь стало видно, что у него тоже есть механические дополнения – из-под каски на его затылке виднелось вставленное в голову устройство, напоминавшее ламповую микросхему.

Настя наконец-то решила осмотреться. С непониманием уставилась на странных мужчин вокруг себя и вдруг не сдержалась.

– Птицы вас побери, почему вы в нас стреляли?! – Если бы Дима не придерживал сестру за локоток, она бы бросилась на военных с кулаками. – Мы же обычные дети! Нельзя стрелять в детей!

Полумеханические солдаты переглянулись. Старший, которого другие называли «капралом», уставился на девочку с абсолютно пустым выражением лица. Казалось, он вообще не понимает, о чем идет речь.

– Дети? Что значит, дети? – спросил он, и в его электрифицированном затылке что-то щелкнуло. – Мы открываем огонь по любому вероятному противнику. Согласно воинскому Уставу, мы должны быть всегда готовы к отражению атаки. – И он, вытянувшись в струнку, процитировал: – «Солдат Спасгорода обязан быть начеку и при малейшем признаке угрозы применять вверенное ему оружие, отражая угрозу всеми доступными средствами».

– Болваны, – обиженно прошипел Димка.

Витька взволнованно повернулся к капралу.

– Вы что, не можете отличить какого-то там противника от обычных детей? Да вы чуть не совершили одно из самых страшных преступлений!

Командующий отрядом перевел на него взгляд, но в нем все еще не читалось понимания.

– Дети? «В случае нарушения определенных Уставом границ гарнизонные части Спасгорода обязаны применять оружие», – снова отчеканил он с противным скрипом. – «Вероятным противником может являться любой...»

– Вы с ума сошли? – звонко перебил его Виктор, обыкновенно сдержанный и благовоспитанный. – Да Гильдия Смотрителей вам головы поотрывает! Мы будем жаловаться! Вы тут совсем рехнулись со своим Уставом?

– Гильдия? – Зрочки капрала загорелись неприятным багряным светом, что выдавало установленную в глазницах электронику. – Отделения механиков и Смотрителей за Лифтами не имеют юрисдикции над гарнизонными подразделениями Спасгорода. Нелогично предполагать, что наши действия будут признаны незаконными. Причем не кем-то, а совершенно не уполномоченной для установления законов структурой. Вы еще скажите, что цех пекарей разоружит нашу часть, признав превышение полномочий!

Механические бойцы вдруг засмеялись, оценив солдафонский юмор своего начальника. Неестественно засмеялись, натужно, словно не выражали эмоции, а выполняли предписанную когда-то программу радости. Замолчали одновременно, встав по стойке «смирно», будто смех был регламентирован по времени.

– Чего? – снова взъелась Настя, набрав в легкие побольше воздуха. – Это Смотрители-то не уполномочены? Люди, управляющие целым городом? При чем тут вообще пекари?

– Отставить разговорчики! – рявкнул на девочку капрал с электронным мозгом, грозно наклоняясь вперед. Искусственные суставы в его теле зажужжали, защелкали и заскрипели. –

Если вы не вероятный противник, то кто? Отвечать на вопрос!

– Мы?.. – Настя потерялась в словах, не зная, что ответить вояке, но за сестру вступился Витя.

– Мы просто дети! Обыкновенные дети! С поляны Заботинск. Мы заблудились, понимаете? А вы нас чуть не поранили! – Он прямо-таки задохнулся от несправедливости и вернувшегося страха за свою жизнь. – Неужели вы не понимаете, что оружие и дети должны быть как можно дальше друг от друга? Это неписанные законы любого военного: дети – это главное сокровище, и поднимать на них руку – преступление!

– Заблудились?

Казалось, капрал не понял и половины произнесенных Виктором слов, но кое-что его все же заинтересовало.

– Это невозможно. Протоколы взаимодействия полян не предусматривают такого понятия. Рядовые 14-087, 14-566 и 11-003! Приказываю взять нарушителей границы под стражу до дальнейшего допроса в расположении воинской части!

И не успели путешественники что-то сказать или возразить, как сильные механические руки опустились им на плечи, разворачивая в сторону поселка, замеченного среди деревьев. Витька скривился от боли, а Настя попробовала вырваться. Только Димка, внимательно наблюдавший за разговором, молчал, послушно позволив увести себя в плен.

– Шагом марш! – скомандовал капрал, и процессия поплелась вперед.

Гуськом они миновали рошу, пересекли ненастоящий ручей, на берегу которого дети рассмотрели здоровенную пушку, нацеленную куда-то на холмы. Только теперь им стало ясно, что все это время они шли по полигону, на котором полулюди-полумеханизмы отрабатывали свои военные маневры. Упражнялись в стрельбе, засадах, перемещениях и шумно маршировали по долинам. Точнее, это поняла Настя, потому что мальчики заподозрили неладное чуть раньше – когда заметили в траве целые россыпи матовых латунных гильз. Заметили, но решили не пугать сестру и промолчали о своей находке...

Нужно сказать, что двигались военные не очень-то уверенно. Половина из них хромала и скрипела суставами. Кое-кто все время норовил выйти из строевой колонны, словно у него кружилась голова, а ноги уносили в сторону. Один постоянно ронял винтовку, рискуя отстать от остальных, пока подбирал оружие. Не лучше дело обстояло и в других отрядах, которые стали заметны на склонах вокруг воинской части. Отделениями по 10—15 человек (ну, или почти человек...) они отрабатывали маневры, репетировали зарядание пушек, разборку винтовок и нелепый бег, во время которого у некоторых отваливались ноги. Солдаты Казармы казались дряхлыми, выходящими из строя, как изношенная бытовая техника. Но все еще грозными, опасными и готовыми стрелять даже в детей...

Подталкиваемые сопровождающими, наши герои понуро брели в сторону поселка. Теперь его было хорошо видно – расчерченный, как по клетчатой бумажке, его выстроили ровно и строго, совсем непохоже на родной уютный Заботинск. В центре расположился здоровенный плац для построений и флагшток со знаменем. Вокруг него вытянулись ровные ряды казарм. Здание побольше напоминало столовую, слева от нее виднелись гаражи самокатов и ангары другой военной техники. В двухэтажном строении на дальнем краю плаца угадывался штаб – аналог Ратуши, в которой обычно заседали самые умные взрослые их домашней поляны.

Весь населенный пункт оказался обнесен прямоугольником ограждений из колючей проволоки с четырьмя воротами. По углам виднелись дозорные вышки, а на них – такие же разваливающиеся на куски, но еще вполне боеспособные солдаты. Но главным наблюдением, приведшим Виктора в окончательное расстройство и глубочайшую печаль, стало полное отсутствие Лифтовых шахт. Не заметив ни одной, он обернулся, с отчаянием глядя на друзей и ища поддержки. Но те равнодушно уставились под ноги.

– Озорник – предатель, – тихонько прошипел тогда Витька, привлекая внимание сестры и брата. – Знал ведь, кем Казарма населена, а все равно высадил...

– Лифт иначе не мог... – Настя покачала головой. – Сказал же, что на шажок ближе к

дому...

А Димка внезапно окрысился на брата, возмущенно сжав кулаки.

– Замолчи, не говори так! Ничего он не предатель! Озорник предупредил, что тут психи живут. Это мы сами виноваты, что...

– Отставить разговорчики в строю! – злобно прикрикнул на них капрал, оказавшись совсем рядом и нависая мрачной тенью.

Холодные солдатские пальцы на плечах сжались еще сильнее, принуждая к повиновению, и Настя вскрикнула от боли. Витька и Димка переглянулись, было заметно, что между мальчиками идет непримиримый спор. Но безропотно замолчали, повесив головы. Оба искренне надеялись, что в штабе все встанет на свои места. И что управляющие полевой люди разберутся в ошибке и все же доставят их наверх. Надеялись, хоть в глубине души каждый уже понимал, что шансы на это крайне малы – уж слишком большой и умирающей казалась им Казарма...

На гостей почти не смотрели – занятые муштрой (а она, судя по всему, занимала все свободное время местных жителей), вояки были всецело поглощены любимым делом. Строем подметали улицы поселка, перетаскивали ящики с боеприпасами или чинили самокаты. А вот офицеры, командовавшие отделениями, на чужаков косились с любопытством и озабоченностью. Вероятнее всего, припоминали Устав и его рекомендации в отношении пленников.

Процессия из десяти вооруженных мужчин и троих детей пересекла бетонированный плац. Витька, задрав голову, силился рассмотреть флаг на дюралевой мачте, но, кроме меча на мятой выгоревшей ткани, разобрать ничего не смог. Получив подзатыльник, ускорил шаг, и через несколько десятков метров они наконец прибыли к штабу.

Постройки тут все как одна казались собранными из конструктора. Причем для не самых развитых детей, если вы понимаете, о чем я хочу сказать. Простенькие стеновые панели светло-зеленого цвета, одинаковые темно-зеленые крыши, клонированные оконные рамы, невзрачные коричневые двери и крохотные крылечки – все было преисполнено грубой угловатости и примитивизма, отрицавшего даже намек на красоту.

На пороге штаба отделение солдат замерло по стойке «смирно», и внутрь с детьми вошел лишь капрал. Обменявшись армейскими приветствиями с охранником-секретарем, он повел пленников на второй этаж, где заседал таинственный «начальник гарнизона».

Герои попали в просторный кабинет, большую часть которого занимала массивная и устаревшая счетно-вычислительная машина. У окна за широким столом восседал толстый мужчина в украшенном нашивками мундире. Отдав ему честь, капрал замер у двери, вытолкнув пленников вперед.

– Господин полковник, – щелкнув пятками, отчитался он, – во время выполнения маневров на пересеченной местности мое подразделение задержало отряд условного противника! Задержанные доставлены для допроса!

Господин полковник оторвался от изучения информационного планшета, и теперь близняшки смогли его рассмотреть. Верхнюю часть лица командующего полевой занимали здоровенные черные очки, за которыми не было видно глаз. Нижнюю челюсть заменили на металлическую, грубую и выступавшую вперед, что придавало офицеру угрожающий и вечно недовольный вид. Из левого уха торчал провод, убегающий в вычислительную машину.

Не успел полковник как следует оглядеть нарушителей, как Витька вскинул подбородок.

– Как вы могли стрелять в детей? – дрожащим от пережитого испуга голосом спросил он за всех троих. – Что б вас Птицы заклевали! Это же бесчеловечно! Это самое страшное кощунство, какое только можно представить!

Казалось бы, истина, бесспорная для нас с вами, была обязана произвести на военного должное впечатление. Но путешественники еще не привыкли, что окружающий мир подчас бывает не таким *правильным*, как бы того хотелось хорошим людям.

– Ребенок, завербованный противником и отправленный в тыл, – враг, – хрустнув толстыми пальцами, ответил полковник, отчего челюсть его закрипела. – В него стрелять можно.

От его невозмутимости и беспредельного ощущения собственной правоты стало жутко и неудобно. Настя, сделав маленький шаг за спину братьев, вцепилась в руку Дмитрия. Витя замешкался, но все же нашел в себе еще немного смелости и выпалил:

– Кажется, вы заигрались в войну, дяденька полковник. – Его лицо покраснело, и он затравленно обернулся на капрала, словно ждал подзатыльника. – Какому чудовищу придет в голову отправлять своих детей под пули?

Машина в углу шумно защелкала, по дисплеям пробежали строчки незнакомых символов. Полковник, словно получив от нее подсказку, повернул голову, глядя прямо на юного смельчака.

– Враг коварен и способен на все что угодно, – заученно ответил он. – Так гласит Устав.

– Да какой еще враг? – возмутился Димка, поддерживая брата. – Нет никакого врага. Мир давно.

– Условный враг. – Толстый полковник заерзал в кресле, скрипя коленными шарнирами. – Враг со всех сторон. Умный, только и выжидающий возможность напасть и захватить наши ресурсы, взять пленников и разрушить Спасгород. Например такой, что послал вас, маленькие шпионы!

От этих слов Витька задохнулся, а Димка сжал кулаки.

– Кто шпионы? Мы?! – продолжили оправдываться мальчики. – Что за глупости...

Полковник поднял голову, уставившись на капрала, и облизнул верхнюю губу, все еще человеческую.

– Смотрите, капрал, – с усмешкой прокомментировал он, – какие разговорчивые и ловкие модели вам попались.

– И верткие, – услужливо поддакнул тот, выпячивая грудь и задирая подбородок. – Залп целого отделения не смог причинить им вреда, только испортил униформу на этом образце.

Он ткнул пальцем в Витьку, и только теперь дети заметили, что шальная пуля все-таки порвала штанину мальчика, чудом не задев ногу. Димка хотел вспылить, Витя побелел от запоздавшего страха. А полковник довольно потер ладоши.

– Значит, враг разработал очередную модель шпионов! – Казалось, он неподдельно рад, хотя чему именно – оставалось загадкой. – Новую модель, уменьшенную. А что, очень удобно... ростом модель гораздо ниже стандартной боевой саморемонтируемой единицы. Не такая заметная. Быстрая. В пользу моего предположения также говорит сходство между ними. Видимо, пока враг успел запустить только одну линию производства...

Он повернул голову, из-под непрозрачных очков рассматривая всех троих.

– Не уверен, что их скелет выдержит вес боевой амуниции. Но это лишь подтверждает, что перед нами – разведывательный образец.

– Да мы же близнецы! И никакие не модели, – вступила в разговор Настя, но у нее получилось не очень убедительно и чуть-чуть плаксиво. – Мы просто дети. Вы тоже, до того как стать саморемонтирующимися моделями, когда-то были детьми!

И полковник, и капрал замолчали, не понимая, о чем говорит девочка. На минуту в кабинете стало тихо, и только пощелкивал внутренними реле вычислительный аппарат в углу. Казалось, начальник ветхого гарнизона прислушивается к советам машины, а лампочки на штекере за его ухом замигали часто-часто.

– Это невозможно, – наконец констатировал тот, откидываясь на спинку кресла. – Картотека воспоминаний сообщает мне значение слова «дети». Но наиболее подходящие по субъективному семантическому анализу понятия это: кадет, новобранец или конскрипт. Вы кадеты-новобранцы?

– Да нет же! – не зная, какие еще аргументы привести твердолобому вояке, в отчаянии

закусил губу Витька.

Дмитрий же, пока никто не видел, вдруг нахмурился, о чем-то глубоко задумавшись, и уставился в пол. Однако следующие слова полковника заставили его вздрогнуть и забыть о размышлениях.

– Тогда вы шпионы... – с нотками радости в механическом басистом голосе промычал полковник. – Господин капрал, расстрелять их!

Настя вскрикнула, Виктор повернулся к капралу, сжимая кулаки и готовясь драться. А Димка, вдруг посветлев лицом, вскинул руки над головой и бросился к столу.

– Нет, постойте!

Он лихорадочно поглядывал то на капрала, готового к исполнению приказа, то снова на брата и сестру.

– Господин полковник, произошло недоразумение! – заискивающе проговорил мальчик. – Вы совершенно правы, мы кадеты... Новые модели, без функции саморемонта.

Настины брови полезли на лоб, а Витька раздраженно фыркнул.

– Димка, ты чего городишь-то?..

– Тихо... – прошипел тот, почти не открывая рта. – Я разгадал их алгоритм...

Капрал замер на месте, ожидая дальнейших распоряжений, а полковник задумчиво почесал затылок под фуражкой. Огоньки на его ухе снова замигали.

– Капрал, отставить... – наконец сказал он, постукивая железными зубами по остаткам настоящих. – Ожидаемое подкрепление прибыло. Примите новобранцев в свое отделение и немедленно приступайте к боевой подготовке.

Машина довольно затрещала реле. Символы на ее экранах побежали с утроенной скоростью, обновляя базу данных Казармы. Полковник начал перебирать бумаги, пестрящие синими и черными печатями, что-то штампуя в бланках.

– Добро пожаловать в Казарму, недомерки, – пробасил он, через провод в ухе отдавая вычислительному аппарату какие-то распоряжения. – Для начала вам будет прочитан базовый курс молодого бойца. Затем вы пройдете необходимую подготовку, выучите Устав, выберете оружие и узнаете способы ведения боя. Ваши идентификационные номера?

– 38-985, 38-986 и 38-987, – не давая Вите и Насте опомниться, выпалил Дмитрий, сочиняя на ходу.

– Зафиксировано. – Полковник кивнул, продолжая штамповать личные дела «новобранцев». – Через три десятка лет, когда ваши органы начнут приходить в упадок, вы пройдете курс саморемонта. После этого заступите на вечное служение Родине. Без болезней или мутаций, с чистым стремлением отдать жизнь за оборону ее границ.

Настя чуть слышно застонала, а Витька покачал головой, только представив себе три десятилетия, проведенных в подметании плаца и ношении автомата. Дима же, как безумный, радостно улыбнулся полковнику, даже неумело щелкнул каблуками.

– Так точно, господин полковник!

– Можете идти, – распорядился толстяк. – Капрал, определите новеньких в казарму и выдайте им униформу. С рассветом приступайте к учениям.

– Будет исполнено, – отдал честь капрал, открывая двери. – Новобранцы! За мной, шагом марш!

И они понуро вышли из кабинета, в котором правили военный с искусственной челюстью и его устаревшая машина, бредящая условным врагом.

– Ну и что ты наделал, дурень? – Прижимаясь теснее, чтобы не расслышал солдат, Витька уцепился за плечо.

– Тсс... – отмахнулся тот. – У меня есть план...

– Не хочу курс саморемонта, – прошептала Настя, теперь сжимавшая локоть Виктора. – Вообще служить в армии не хочу... Это все неправильно. Эти существа ничем не лучше червяков...

– Тут все неправильно. Но до вечера придется потерпеть... – стал успокаивать ее Дима, пока рука капрала не хлопнула новобранца по затылку.

Молча, под его неустанным присмотром, они покинули штаб, направившись к одной из казарм на краю поселения. Уже не пленники, но начисто лишённые свободы...

Жилая часть здания оказалась одной огромной комнатой, в которой разместились несколько десятков двухъярусных коек. Даже беглый осмотр кроватей давал понять, что из них используется совсем немного, в лучшем случае процентов десять. На остальных матрасы и одеяла были свернуты в рулоны, а прикроватные тумбочки пусты.

– Выбирайте места, – приказал капрал, оставив детей в одиночестве и удалившись в подсобное помещение.

Не сговариваясь, они переместились в самый дальний, почти нежилой угол спальни. Им очень хотелось выговориться, но военный за тонкой стенкой мог подслушать, а потому все трое прикусили языки.

Еще через минуту тот вернулся, притащив несколько комплектов форменной песочно-зеленой одежды. Бросил на кровать, задумчиво осмотрев кадетов.

– До ужина у вас свободное время, – проскрежетал он, уперев руки в бока и вращая механическим глазом. – Нашивки с именами будут готовы завтра, тогда же пришьёте их к нагрудным карманам. Так что пока – заправить койки и переодеться. По сигналу горна отделение направляется в столовую. Затем общее построение и отбой. Завтра начинаем физические упражнения и курс знакомства со стрелковым оружием. – Вояка широко улыбнулся, сверкнув железными коронками. – Это сейчас вы жалкие хлюпики. Но совсем скоро ваши мышцы станут железными, сухожилия – витыми канатами, а кости не сможет сломать даже самый сильный удар! Вы рады?

Ответом ему были рассеянные и совсем безрадостные кивки. На наших героев вообще было жалко смотреть. Смирившись с горькой участью, они молча выслушивали инструкции капрала, не поднимая голов. И только Димка изучал казарму внимательно, заинтересованно, стараясь не пропускать ни единой мелочи.

– Когда я закончил, положено отвечать – да, господин капрал! – Военный поднял руку для подзатыльника, но так и не ударил. – Это ясно?

– Да, господин капрал... – нестройным хором ответили дети.

– Выполнять приказ, – напоследок бросил солдафон, покидая комнату.

Настя и Витя немедленно обернулись к брату. Тот, словно ни в чем не бывало, начал перебирать принесенную одежду. Тут нашлись штаны с множеством карманов, нижняя рубашка, куртка защитного цвета, пилотка и универсальный пояс-трансформер, откровенно заинтересовавший мальчика.

– Какой Птицы ты наделал, балбес?! – шикнул на него Витька, надвигаясь и выбивая из рук стопку одежды. – Дать бы тебе в ухо...

– погоди, Витя... – Настя ухватила его за плечо. – Димка, правда, ты не хочешь объясниться?

– Отчего же... хочу. – Тот делал вид, что провокационная выходка брата его нисколько не задела. – А может, вы мечтаете, чтобы капрал вывел нас на плац и расстрелял? Так я могу попросить...

– Перестань паясничать!

– Ладно... – Дмитрий уселся на панцирную сетку, еще не заправленную матрасом. – Неужели вы не поняли, что вояки живут исключительно по Уставу? В котором вообще нет места такому понятию, как «дети»...

– Допустим... Но дальше-то нам что делать? – не сдавался Виктор. – Ну, отсрочил ты время нашей казни. А потом? Служить тут до старости?

– А железо в воде тонет? – фыркнул Димка, словно услышал что-то забавное. – Разумеется, мы сбежим.

– Отсюда? – Настя обернулась и понизила голос, будто капрал мог стоять за дверью и слушать их разговор. – Ты видел забор из колючей проволоки?

– А ты видела дыры, которые в нем давно никто не ремонтирует? – вопросом на вопрос ответил ей брат. – Да тут все разваливается, вы только посмотрите.

Он демонстративно потряс койку, на которой сидел. Та заскрипела и чуть не распалась на куски.

– Если уж мы сбежали от крыс, червей и оборотня, – продолжил заговорщицки шептать Дима, – то отсюда тоже сумеем. Главное – найти Компетенцию.

– Мы даже не знаем, где ее шахта... – уже более спокойно, но все равно хмуро пробубнил Витька.

Разобрав комплекты униформы, они принялись прикладывать ее к себе, поражаясь огромным взрослым размерам. Это было логично – детской одежды на поляне не было и в помине.

– Надевайте поверх, – скомандовал Димка. – В случае чего, так еще и теплее...

И хоть он и не уточнил, в каком это таком *случае*, «новобранцы» начали натягивать мешковатую военную форму. За время этого опасного и полного неожиданностей путешествия быть готовыми ко всему научились все трое...

– И как же ты думаешь бежать? – справившись с воротником гимнастерки, поинтересовалась Настя, все еще оглядываясь на вход в казарму.

– Позже, после столовой... – кивнул ей мальчик, будто давно уже все придумал. – Вспомни, как в нашей школе – на выходе из пищеблока всегда образуется пробка. Я сам видел, как хулиганы успевают смыться, если хотят прогулять урок... И тут сработает. Если до вечернего построения нас не хватятся, будет время улизнуть...

Однако никто из них, мерявших военную форму и застилавших себе кровать, и предположить не мог, насколько сильно ошибается Дмитрий. Потому что если толпа школьников на самом деле шумна, многочисленна и не поддается пересчету, то военные ходят есть строем. И никто не имеет права покинуть столовую до тех пор, пока не отужинает все отделение.

Здание, в котором обитатели Казармы принимали пищу, вообще достойно отдельного упоминания. Например, на длинных столах, за которыми размещались несколько сотен солдат и офицеров, кроме кастрюль с похлебкой стояли также бутылочки с машинным маслом. И пока одни ели суп, зажевывая его пресным сухим хлебом, другие капали масло в шарниры, на механические суставы и даже в рот.

Никто не разговаривал – под низкими сводами пищеблока стучали ложки, клацали искусственные челюсти, скрипели механические протезы и шаркали под столами подошвы ботинок. Над входом в столовую висел старый и потускневший плакат, на котором было написано: «Когда я ем – я вспоминаю Устав».

На детей, облаченных в форму, никто даже не смотрел, негласно и окончательно приняв в огромную сумасшедшую семью военных. На то, что один из новобранцев – девочка, внимания не обращалось также, – жители Казармы действительно не знали, что это такое. Да и вообще, как заметили близнецы, лишние разговоры и обычная жизнерадостная болтовня тут были не в почете. Это вам не приятный ужин с мамой и папой...

Усевшись за стол с теми же самыми солдафонами, что поймали их в искусственном лесу, новички рискнули впихнуть в себя по ложке невкусного супа. Аппетита не было совершенно, но наблюдательный капрал заставил их съесть хотя бы половину.

Затем гарнизон поляны вывели на плац и построили рядами. Там, под ветхим дырявым знаменем, толстый полковник (одна нога которого тоже оказалась механической) провел полную перекличку, объявив отбой и распустив подразделения спать. Бодрствовать остались лишь те солдаты, которым предстояло заступить в караулы.

Замыкая походную колонну, братья и сестра строевым шагом вернулись в казарму. Застыв у дверей, ненавистный капрал терпеливо дождался, пока все улягутся по койкам. Улучив момент, когда тот отвернулся, наши герои юркнули под одеяла, не снимая одежды и даже ботинок. Убедившись, что все разместились по кроватям, офицер выключил свет и вышел прочь.

Съежившиеся, напуганные и предоставленные сами себе, путешественники дрожали под тонкими одеялами, прислушиваясь к незнакомым звукам общей спальни. Кто-то

ворочался, кто-то уже храпел, кто-то скрипел суставами и кроватьной сеткой. Ни о каком сне не могло быть и речи, и дети терпеливо переживали двадцать бесконечных минут, пока комната не затихнет окончательно...

Глаза понемногу привыкли к темноте, и вот Витька заметил, как с верхней койки бесшумно соскользнул брат. Толкнул Настю, сжавшуюся в комок на соседней кровати.

– Пошли, Витька... пора... – чуть слышно прошептал он, озираясь. – Попробуем через вон то окно. Я заметил, там сломана задвижка...

Настя тоже выбралась из-под одеяла. Девочку трясло от страха, и она прикрыла рот рукой, чтобы не стучали зубы. Всем троем казалось, что из мрака на них сейчас грозно таращится неугомонный капрал, поймавший «шпионов» в лесу.

– Я не могу... – прошептал в ответ Виктор, чувствуя, как свело мышцы ног.

– Чего?! – Димка не мог поверить ушам.

– Давайте не сейчас... – Его брат был готов заплакать, так велико оказалось пережитое напряжение. – Давайте дождемся, когда нас отправят в караул, и тогда... я сейчас не могу... меня и так чуть не ранили уже...

– Ты с ума сошел? – Настя нависла над мальчиком, встряхнув за плечо. – Вставай, а то перебудим всю комнату!

– Витька, не глупи... – Судя по голосу в полумраке, Дмитрий начинал злиться, но пока сдерживал эмоции. – Вставай, дурень, другого шанса может вообще не быть! А если нас в караул порознь отправят? А если через два года? Вставай, говорю!

И он ухватил брата за ногу, осторожно потянув с койки.

– Витенька, миленький, мне тоже страшно, – бережно, но твердо отцепив пальцы одного брата от штанины другого, прошептала тогда Настя. – Ты даже не представляешь, насколько. Но я знаю, что нам нужно бежать. Прямо сейчас. Мы уже через столько прошли, чтобы вот так вот сдаваться! Поверь, братишка, всю жизнь прятаться под одеялом ты не сможешь...

Какое-то время казалось, что Виктор не слышит сестру. Лежит в темноте – только руку протяни, но одновременно где-то далеко-далеко, и за неделю не найдешь, – смотрит в потолок и готовится стать настоящим военным. Но затем он сдавленно всхлипнул, отбросил одеяло и аккуратно поставил ноги на пол.

– Я готов...

Конечно, и Настя, и Дима понимали, каких усилий стоило их брату принять это решение, победив собственный страх. Но хвалить его времени не было, и они лишь кивнули Витьке, надеясь, что тот рассмотрел этот жест поддержки в окружавшей темноте. Гуськом, стараясь идти на цыпочках, троика двинулась к окну. Димка, задававший направление, первым достиг рамы. Открыл скрипучую створку. В этот момент им показалось, что за спинами во мгле уже давно проснулись все десять полумеханических солдат. И теперь стоят рядом, насмехаясь над жалкой попыткой побега, только и выжидая момента, чтобы посильнее напугать громким «стоять!». Но казарма спала, храпя и ворочаясь, видя сны об Уставе, строевых учениях и сотнях бомб в бездонных арсеналах. Бомб, способных разорвать Спасгород на куски... Придержав створку, Дмитрий дождался, пока брат и сестра выскользнут наружу. Осторожно выбрался следом, закрыл окно.

– У меня такое чувство, что в нас уже целятся с вышек, – прошептала Настя, озвучив самые черные страхи остальных.

– Не бойся, сестренка, – подбодрил ее Дима. – Мы справимся.

И они двинулись вдоль казармы, стараясь не выходить на освещенные прожекторами места. Поселение спало, по улочкам не ходили даже патрули. При этом казалось, что единственного громкого звука будет достаточно, чтобы армейский форт всколыхнулся, выплеснул на плац десятки автоматчиков, а кругом завывли сирены. Перебегая от одного здания к другому, дети добрались до ограды. Присели на корточки там, где луч прожектора проходил мимо, сохраняя для них тень.

– Ну и где же твои дыры? – все еще дрожа, спросил Виктор.

Он внимательно рассматривал несколько рядов колючей проволоки. Которая хоть и выглядела старой и заржавленной, но была исправно отремонтирована в местах прежних разрывов.

– Кажется, я недооценил полковника... – пробормотал Дмитрий.

Он попробовал оттянуть «колючку», как это с канатами делают боксеры, выходящие на ринг. Увенчанная зубчиками ограда не поддавалась мальчику, и тот задумчиво потер подбородок – жестом, копирующим их папу в минуты неуверенности или раздумий.

– Кажется, есть идея, – наконец сказал инициатор побега, расстегивая военный пояс. – Хотел на память оставить, но раз так...

Он перебросил ремень через три ряда проволоки. Щелкнул крохотным переключателем в пряжке-пульте, настраивая умный прибор. Ткань пояса сразу стала эластичной, удлинившись в несколько раз. Затем мальчик застегнул магнитную пряжку и потянул «лассо» на себя, заставляя нижний край ограды приподняться над полом.

– Я читал про похожие пояса, их выдавали всем солдатам времен строительства Спасгорода, – покраснев от натуги, зашептал Дима. Снова нажал что-то в пряжке, заставил ремень сжаться до привычных размеров и собрать ряды «колючки» в пучок. – Никогда не думал, что такой попадет ко мне в руки...

– Если спасемся, – успокоила его Настя, – я тебе свой подарю.

Она первой опустила на живот, пролезая в образовавшуюся брешь. За ней скользнул Виктор. Выбрался наружу, перехватил конец пояса у брата, все-таки порезавшись об острый шип.

– Ай... – Он прикусил губу, но мужественно потянул ремень на себя, позволяя Димке проползти под оградой.

– Бежим, – сразу скомандовал тот, поднимаясь на ноги.

– Куда? – все так же шепотом спросила Настя.

– Точно не знаю... но Озорник что-то говорил про водопад...

Надо отметить, что дети иначе, чем мы с вами, воспринимали водопады. Настоящих рек в Спасгороде по понятным причинам никогда не было. А потому водопады строились исключительно декоративные или искусственные, чтобы по большим праздникам радовать людей радугами и каскадами технической воды. Впрочем, на такой поляне, как Казарма, где росли искусственные леса и текли полиэтиленовые реки, водопад, скорее всего, тоже был ненастоящим.

Стараясь как можно скорее удалиться от военного лагеря, наши герои бросились бежать в темные холмы. И когда всем троим уже казалось, что побег удался... за их спинами вдруг заголосила протяжная и заунывная сирена. Долго, на одной ноте, от которой сводило зубы.

Настя вскрикнула, Витька чуть не споткнулся, а Димка выругался, за что дома обязательно получил бы немалый нагоняй и суровое наказание.

– Заметили, – ожесточенно прошипел он. – Нужно было ремень с забора снять...

– Бежим, братики! – Настя первой припустила в темноту.

Оставалось надеяться, что направление выбрано верное, потому что дороги пока никто разобрать не мог. Тем не менее братья ринулись за девочкой, ладонями прикрываясь от пластмассовых веток, норовящих хлестнуть по лицу.

Почти сразу форт проснулся. Зажглись вспомогательные прожектора, затрубил горн, объявляя тревогу и построение, затопали по плацу тяжелые ботинки. Несколько лучей ударили в потолок поляны, нацеливаясь на зеркальную систему Светоча. С его мощью они, разумеется, сравниться не могли, но поляна тут же озарилась слабым желтоватым светом, какой мы с вами можем наблюдать на рассвете.

А еще через какое-то время, когда дети уже миновали второй холм, где-то среди казарм вдруг залаяли собаки. Механическими неживыми голосами, злобно рыча и клацающая титановыми челюстями.

– У них есть сторожевые псы! – воскликнул Витя.

– Скорее – охотничьи, – поправил его брат, ускоряя шаг. – Быстрее, вон туда!

Он вытянул руку, и в неверном свете армейских фонарей стало заметно, что у самой окраины поляны возвышается настоящая гора (во всяком случае, она таковой выглядела). На ее террасах, изготовленных из пенопласта и прессованных стружек, отчетливо поблескивали полиэтиленовые нитки фальшивого водопада.

Теперь, когда цель стала видна, как и дорога к ней, дети побежали быстрее, огибая декорации деревьев, перепрыгивая через окопы или овраги. Шум за спинами нарастал, а это значило – из лагеря в погоню уже выслали отряд, усиленный собаками.

– Сюда! – Виктор вдруг остановился, утягивая остальных в почти непролазную рощу. – Тут самокаты не проедут!

Они бросились в кустарник. Все трое догадывались, что электронные анализаторы в носках механических животных все равно позволят взять их след. Но верили, что, если лишить охотников хотя бы транспортных средств, силы почти уравниются...

Беглецы миновали холм, а за ним еще один холм, покрытый синтетическим ковровым покрытием, похожим на траву. Задыхаясь и стараясь держаться поближе друг к другу, «новобранцы» неслись к горе. Где-то позади урчали моторами бронированные самокаты, не сумевшие въехать в бурелом. С хрустом продирались через кустарник железные тушки псов.

А затем дети выскочили к горе, по крутому краю которой на самом деле кто-то выложил водопад. Когда-то наверняка тот смотрелся очень живописно, весьма напоминая настоящий. Но сегодня потускнел, как и вся поляна. Покрылся пылью, обветшал и начал разрушаться.

Здесь тоже валялись гильзы и нашлись выстроенные из песочных мешков и фанеры укрепления – армейская машина, помешавшаяся на подготовке к войне, для своих маневров не жалела ни пяди поляны.

– Ищите шахту! – крикнул Димка, по пружинящему озерцу из оргстекла перебегая на другой берег. – Она должна быть где-то тут!

Погоня приближалась, а собаки тявкали буквально за соседним лесом. Рассыпавшись, близнецы кинулись выискивать хоть что-то, похожее на шахту. Но ничего, кроме искусственных валунов или обрывков декоративного мха, найти не смогли.

Догадалась Настя, вдруг задравшая голову к вершине горы.

– Я знаю, почему мы ее не видим! – со смесью испуга и радости выпалила она. – Потому что шахта внутри!

И она первой побежала к пещере, видневшейся за потоком полиэтиленовой воды. Раздвинула струи, как шторы. Юркнула куда-то в пыльную темноту. Братья, уже облазившие половину склонов и разочаровавшиеся в поиске, тут же спустились к подножью. Переглянулись.

– Они совсем близко, – констатировал Витька.

– Если в пещере пусто, нам конец, – хладнокровно подтвердил его брат.

А затем из пенопластовых недр горы раздался крик сестры, от которого с детских сердец свалилась тяжесть.

– Он тут! Скорее сюда!

Не обращая внимания на пыль и полосы «воды», отлетающие от крепежей и падающие на головы, мальчишки бросились внутрь, похожие на перепуганных мышек, ищущих спасения в норе. Солдатские сапоги громыхали где-то неподалеку – охотники забирались на ближайший фанерный холм.

– Вот!

Настя стояла перед двустворчатой дверью Лифта, за пряжку держа в руке армейский чудо-ремень. Крохотный фонарик, спрятанный в нем, подсвечивал спящий пульт протокольного доступа. В пещере было жутко пыльно, влажно и душно, воняло какой-то гадостью, а со стен и потолка капал конденсат.

– Мы спасены! – завопил Димка, подскакивая к панели и начиная давить на кнопки. – Уважаемый Лифт, пожалуйста, проснитесь! Нам нужна помощь!

Лампы тут же моргнули, еще раз, затем часть их погасла, а оставшиеся загорелись ровным фиолетовым светом. Так человек, потревоженный посреди ночи, приоткрывает один глаз, чтобы узнать, кто же решился досаждать ему и мешать видеть сны.

– Чем обязана? – вдруг спросила Лифт приятным, хоть и строгим женским голосом, отчего Димка даже опешил. – Или не помните договор?

– Вы же Компетенция, ведь так? – шагнула вперед Настя, наводя луч фонаря на подвижный объектив амбикамеры. – Вы можете нам убежать с этой поляны?

– Убежать? – с недоверием протянули динамики. – С какой это стати? Или полковник все же забыл наш уговор?..

– Вы нас не за тех принимаете, – вступился Виктор, вдруг сообразив, к чему клонит Лифт. – Мы не военные! И форма не наша, – поправился он, вдруг осмотрев себя. – Но вы же действительно Компетенция?!

И тогда разбуженный Лифт, разговаривавший приятным женским голосом, ответил всем троим. Сухо, чуть надменно, с легкими нотками презрения. Ответил, заставив ноги задрожать, а сердца окаменеть – до того явственно дети представили свою дальнейшую судьбу, когда в пещеру ворвутся механические собаки.

– Не стоит так спешить, юные клоны! – сурово отрезала Компетенция, вспыхнув сразу всеми фиолетовыми огоньками. – То, что вы знаете мое имя, еще не означает, что я вообще обязана разговаривать с вами. И тем более – помогать...

Глава 7, в которой эрудиция приносит пользу и раскрываются тайны, а кое-кто вступает в опасное сражение

В пещере стало тихо-тихо, только шлепала-капала с потолка мутная вода.

Знаете, как иногда растягивается время? Например, когда вечером собрались идти в кино и нужно непременно дожидаться назначенного часа – оно точно превращается в тягучий каучук. Или когда ждешь окончания скучного неинтересного урока – кажется, что минуты изготовлены из жевательной резинки. Похожее ощущение испытали и наши герои.

После того как Компетенция произнесла свои чудовищно-равнодушные слова, дети оцепенели, не в силах поверить ушам. Несомненно, они понимали, что Лифт приняла их за военных полковника (как Ворчун когда-то перепутал с крысюками). Но что делать дальше, решить не могли – от неожиданности из их светловолосых головушек выдуло все мысли.

А погоня тем временем приближалась, и солдатские фонари уже прощупывали окрестности, выискивая следы беглецов. Заливались скрипучим лаем собаки-роботы.

Димка озабоченно обернулся на вход в пещеру, и вдруг глаза его засияли.

– Нас послал Озорник! – он вовремя вспомнил наставления хулиганистого Лифта. – Сказал, вы обязательно поможете... Мы его друзья! И совсем не клоны, просто близняшки!

А потом еще раз произошло нечто, заставившее близнецов почувствовать холод в животах. Потому что вспыхнувшая искра надежды с шипением погасла, оставив их в непроглядной тьме чужой и враждебной поляны.

– Озорник?

Компетенция рассерженно хмыкнула, словно мальчик произнес что-то неприличное.

– Этот шалопай? Да он уже трижды подсылал сюда тупоголовых военных, чтобы подшутить надо мной. Неужели это должно стать аргументом?

– Мы не тупоголовые! – обиженно и устало огрызнулся Витька, одновременно злясь и на Озорника, и на чванливую Компетенцию. – Мы в школе учимся!

– Вот как? – Лифт впервые заинтересованно сфокусировала на нем объектив. – Значит ли это, что ваш интеллект позволит мне отличить вас от механических кукол полковника?

– Тетенька Компетенция, – заламывая руки, пискнула Настя, – если вы нам не поможете, этот экзамен станет последним в нашей жизни...

Димка обернулся, выискивая на полу пещеры палку или еще что-то, чем можно было

бы попробовать отбиться от собак или их хозяев. Нашелся обрезок трубы, и мальчик многозначительно взвесил его в руке. Где-то за ближним холмом, на самых подступах к водопаду и вонючей пещере, лязгали железными челюстями армейские гончие.

– Экзамен никогда не бывает лишним, – преисполненная важности, назидательно произнесла Лифт. – Потому что в знаниях – сила! А некоторые способны помочь человеку... и Лифту, кстати, в самых неожиданных ситуациях. Насколько, к примеру, обширны ваши знания?

Беглецы переглянулись, бледные и осунувшиеся в робком свете фонарика из пряжки. Ах, как же несвоевременно Компетенция решила задавать вопросы! Вопросы, достойные завуча школы, но столь неуместные, когда на пятках висят солдаты и их механические псы!

– Мы стараемся прилежно учиться, – сбивчиво пробормотал Витя, беспрестанно оглядываясь на проход в недра пенопластовой горы.

О том, что примерные школьники делают на забытых Смотрителями полянах, он предпочел умолчать.

– А еще сами читаем, даже вне учебной программы, честно-честно!

– Вот как? – ухмыльнулась Компетенция. – И я могу проверить это?

– Пожалуйста, тетенька Лифт, – снова взмолилась Настя, – за нами гонятся, слышите?.. Вы же Лифт, вы помогаете людям!

– Людям? Здесь, на этой безумной поляне? – Из динамиков вырвалось чуть слышное фырканье. Как если бы усомнившийся в чем-то умник прикрыл рот ладошкой, вовремя сдержав недоверие. – Докажите.

– Что вы хотите знать? – выдохнул Виктор.

– Ну вот, разумный вопрос. – Планшет управления удовлетворенно замигал светловасильковыми огнями. – Про армию спрашивать не стану, имейте в виду. А вот этого, пожалуй, военный не знает... Ну-ка, дети, скажите, сколько цветовых оттенков способен распознать человеческий глаз? – поинтересовалась Компетенция, не спеша распахивать двери.

Мальчишки в ужасе переглянулись, даже не зная, что сказать.

Витька помассировал переносицу и сморщился, будто наелся кислятины, пытаясь вспомнить все, что читал о человеческом организме. Димка же, опустошенно опустив руку с трубой, поник головой – он ответа точно не знал. На самом пороге спасения троица вдруг опять столкнулась со своенравным Лифтом и ее неуместными вопросами.

И когда казалось, что сейчас Компетенция рассмеется над их невежеством, всех спасла Настя.

– Десять миллионов! – вдруг воскликнула девочка, машинально поднимая руку, словно находилась на уроке и отвечала на домашнее задание. – Я вспомнила, нам учитель по рисованию рассказывал! Правильно?

– Похвально, – протянула Компетенция, хоть и с легким сомнением. – Полагаю, спрашивать вас о скорости света или резонансах звука еще рановато... В таком случае еще вопрос. Из другой, так сказать, области...

– Быстрее!

Димка от нетерпения аж подскочил, на что Лифт отреагировала с явным неодобрением. Но динамики ее все же ожили:

– Какой вес может поднять муравей?

– Я знаю! – поспешно вскричал Витька, немало расстроенный, что не смог ответить на первый вопрос и своими знаниями выручить остальных. – В сто раз больше собственного веса! А еще они никогда не спят.

– Хм... Верно. – Компетенция никуда не спешила, словно они находились не в дурно пропахшей пещере, а на чинном чаепитии. – Приятно общаться с начитанными молодыми людьми.

– Теперь вы нам поможете? – Настя умоляюще сложила ладони, поворачиваясь к амбикамерам.

– Возможно. Но лишь после контрольного вопроса. Итак... – Лифт будто бы задумалась, перебирая информационный багаж. – Например, вот... Если вы не с этой заброшенной поляны, то точно должны знать, кто становился семикратным чемпионом Спасгорода по хоккею?

На этот раз челюсти отвисли и у Виктора, и у Насти.

Зато Дмитрий вдруг еще раз подпрыгнул на месте – на этот раз победно. И даже радостно взвыл.

– Я знаю! Это команда Складоугольска! На прошлом финале в Зимних Холмах они обыграли сборную Верх-Уюта! 9:4 разгромили, я смотрел в прямом эфире! – Он бросился к дверям. – Теперь-то вы нам верите?

– Ну что ж... – все еще сомневаясь, протянула Компетенция, но дверь начала раздвигать. – Сопоставив факты и получив необходимую для анализа информацию, я вижу, что вы на самом деле не входите в безмозглое подразделение Казармы...

Щель между створками еще едва пропускала человека, но дети уже бросились в нее. Первым делом втолкнули Настю, затем в кабину нырнул Виктор. Последним, обернувшись на ворвавшихся внутрь горы собак, прыгнул и Димка.

– Не нужно так суетиться, молодые люди, – недовольно пожурив их Компетенция. И небрежно добавила, теперь обращаясь к двум железным собакам, несущимся по пещере: – Стоять!

Вероятно, протокол общения Лифта и механизмов поляны предполагал определенную иерархию. Потому что сваренные из листового железа неуклюжие звери вдруг замерли, подвывая, и присели на задние лапы. Беглецы перевели дух, измученно опираясь на стены.

– Так-то лучше, – назидательно произнесла Компетенция, с сочным звуком закрывая двери до того, как появились полумеханические солдаты. – Ну, молодые люди, не хотите поведать, как же это вас угораздило угодить в эдакую переделку?

Конечно, они поведали. Во-первых, нехорошо скрывать правду от того, кто помогает тебе в трудной ситуации (а тем более – спасает жизнь). Во-вторых, потому что Озорник и так бы все рассказал своей всезнающей подруге. И, в-третьих, потому что дети чувствовали, что Компетенция еще не до конца уверена в том, что они обычные школьники, а не обманщики и шпионы полковника... Поэтому они вкратце рассказали ей о том, как случайно очутились на дне города, про Реакторную Станцию, про Свалку и крыс и еще про Облачко, познакомившего их с Озорником. Компетенция слушала внимательно и молча, не спеша задавать вопросы или включать двигатели. Если снаружи и бесновались военные, этого слышно не было.

– Вы обзавелись весьма любопытными друзьями, – резюмировала Компетенция, когда рассказ был окончен.

– И врагами... – прошептал Виктор, имея в виду оборотня, но его не расслышали.

– И пусть мои протоколы не требуют немедленно сообщить Смотрителям или вашим родителям все подробности этого необычного приключения, – продолжила Лифт, – при возможности я все же составлю отчет.

Дети переглянулись. Отказываться от помощи и снова подвергать себя риску взамен на сохранение тайны им совсем не хотелось.

– Это ваше право, уважаемая Компетенция, – понимающе кивнул Витя, привычно ответив за всех. – Но скажите, пожалуйста, можете ли вы нам помочь? Доставите ли на Заботинск?

– Заботинск? – Лифт задумалась. – Да, пожалуй, я смогу это сделать. Но имейте в виду, что теперь Озорник должен мне одну услугу.

– Даже не сомневайтесь! – радостно улыбнулась Настя. – Если мы встретим его, обязательно передадим ваши слова.

– В таком случае – держитесь, отправляемся. Не уверена, что путешествие будет быстрым, но в пункт назначения вы все же попадете.

И кабина вздрогнула. Загудели моторы, натянулись тросы. Лифт, спрятанная в

искусственной горе, окончательно проснулась, принявшись взбираться по шахте. Утомленные, но счастливые «кадеты» уселись прямо на пол.

Настя, как и обещала, протянула свой пояс Димке, тут же начавшему ковыряться в его многофункциональной пряжке.

– Но вообще вы молодцы, – скуппо похвалила Компетенция, чем немало удивила пассажиров. – Молодые люди вашего возраста далеко не всегда обладают богатыми познаниями. О какой бы сфере ни шла речь. Я за свою жизнь перевезла такое количество ученых и военных специалистов, что можете мне поверить – кое-что в этом понимаю...

Лифт мягко качнула кабиной, осмотрев детей выдвижными объективами.

– Если пожелаете, – продолжила она, – могу стать вашим репетитором и преподавать ряд уроков по физике, химии, истории Древнего мира или литературе. Например, посещая мои занятия, вы узнаете, что максимальная скорость, которую рывком может развить человек при беге, составляет почти 50 километров в час, это доказано экспериментально.

– Ну, уж про бег-то мы на собственном опыте много узнали, – недовольно пробормотал Димка, постаравшись сделать так, чтобы Лифт не расслышала.

Витька и Настя вымученно улыбнулись друг другу, и от этого всем им вдруг стало так тепло и легко, что дети рассмеялись. Приключение подходило к концу, и близость дома заставила померкнуть даже такие ужасы путешествия, как встречу с Красимирой Михайловной...

– Вы что-то сказали, молодой человек? – осведомилась Компетенция.

– А, нет... простите, ничего... – Димка спрятал улыбку. – Спасибо вам за помощь. И за вашу мудрость тоже спасибо. Если получится, мы обязательно посетим ваши уроки.

– Приятно слышать... Кстати, готовьтесь, мы прибываем.

Прибываем. От этого простого слова у наших героев засосало под ложечкой, как всегда бывает в предчувствии чего-то сладкого, родного, долгожданного. Все трое поднялись на ноги, стягивая ненавистную военную форму. И вдруг, когда до высадки на домашнюю поляну оставались считанные минуты, Витька задал вопрос, во многом определивший будущую судьбу путешественников. Задумавшись, он повернулся к микрофонам панели доступа и вежливо поинтересовался:

– Уважаемая Компетенция, вы так много знаете о разных... вещах. – Он закашлялся, не зная, как продолжить. Брат и сестра смотрели с удивлением, не понимая, чего хочет Виктор. – А вы знаете о таком существе, как Мглистый Механик?

Кабина Компетенции вздрогнула так резко и сильно, что дети чуть не попадали обратно на пол. В глазах Димки зажегся огонек понимания. В глаза Насти вернулся отголосок страха.

– Откуда вам знакомо это имя? – строго поинтересовалась Лифт, ощутило сбросив скорость.

– Ну... – Витька замялся, глядя на остальных. Казалось, он уже и сам не рад, что начал этот разговор. – Мы видели его... Видели *это*. На Автоматизированных Фабриках.

– Видели? – Если бы Лифты могли пугаться, они бы говорили именно таким голосом – подрагивающим и взволнованным. – Что значит, видели? Он не спит в своем логове? Снова бродит по полянам?!

– Ну да... – невольно чувствуя вину, признал Виктор, опуская взгляд. – Облачко показал нам его проекцию, когда Мглистый пересекал Штамповальню.

– Бесконечная эрудиция, – взмолились динамики Компетенции. – Это опять началось...

– Простите, а что – *это*? – робко встала Настя. – Он опять охотится на Лифты?

– Значит, вы в курсе. – На этот раз Лифт не спрашивала, она констатировала факт. Скорость свою при этом так и не увеличив, будто чем-то озабоченная или рассеянная. – Что еще рассказал вам последний Ликвидатор Катастроф?

– Это почти все. Но мы обязательно сообщим в Гильдию, едва доберемся домой! Мы защитим Лифты, – горячо пообещал Витька. – Хотя Облачко и говорил, что там знают о Мглистом... Но, быть может, они упустили момент его пробуждения?..

– Увы, – ответила ему Компетенция, и в голосе Лифта звучала тоска. – Они знают. Но либо не могут остановить своего бывшего коллегу. Либо не хотят...

– Что вы сказали? – Димка даже открыл рот, за что его немедленно одернула сестра. – Коллегу?

– О да, молодые люди, – печально продолжила Компетенция. – Когда-то его звали Александр Дрейфус и он считался одним из лучших механиков во всем Спасгороде.

Дети едва сдержали единогласный вскрик, уставившись друг на друга и в красках вспоминая самое начало путешествия.

– Говорят, это не было основной профессией Александра. Но являлось несомненным талантом и призванием. И когда с неполадками не справлялись целые цеха, Смотрители звали на помощь его золотые руки. Как иронична судьба, не так ли?

Так вот, значит, какого Дрейфуса имел в виду Смотритель Карл, когда говорил, что Конклав не в состоянии привлечь его к работе! Вот кто занимается так называемой «утилизацией» – полным отключением уникальных механизмов, секрет строительства которых давно утерян! И, что самое страшное, Карл об этом знает? А еще – знает Петр Петрович?..

– Много лет назад с Александром произошла большая беда, – продолжала Компетенция, настороженно поглядывая за реакцией пассажиров. – Очень большая беда. И в его головном реле что-то замкнуло – люди называют это сумасшествием. Он покинул работу на Летней Ярмарке и ушел в технические коридоры. С тех пор Дрейфус уже не человек. Он – Мглистый Механик.

– Мамоchка, мне страшно от одних только разговоров! – Настя замотала головой, но Лифт еще не закончила.

– Считается, время от времени Мглистый уходит в спячку. – Теперь страх Компетенции передался и детям, а возвращение уже не казалось таким лучезарным. – Но когда просыпается... Все начинается сызнова, и по всему городу гибнут беззащитные Лифты...

Теперь она замолчала, и в кабине повисла такая гнетущая тишина, что ее можно было кусками отламывать от воздуха. Витька сжал виски, отказываясь верить. Димка кусал ногти на левой руке. Настя закрыла лицо ладонями, но плечи ее оставались неподвижны – она просто спряталась, удерживая слезы.

Что подумали тройняшки в этот миг про своего отца? Про родного человека, владевшего столь дикой тайной, но молчащего, потому что так приказало его начальство? Этого не знаю даже я.

Наверное, они злились на папу... Да, такое иногда бывает – когда мы не способны понять поступки близких людей, мы злимся на них. Но еще (и в этом я точно уверен) умные и смелые дети Спасгорода понимали, что Петр Петрович стал частью системы – четкой, выверенной до мелочей и не допускавшей сбоев, как и все (во всяком случае, официально и если верить газетам) в их славном городе.

Они понимали, что по-другому их отец поступать не мог. Никак не мог, вынужденный сохранять секреты Гильдии, подчиняясь ей и тем самым гарантируя семье благополучие и безопасность.

– Теперь это и наша тайна, – прочитав мысли брата и сестры, подвел черту Виктор. – И мы, как и папа, никому не сможем об этом рассказать.

Фиолетовые огоньки на планшете Компетенции вспыхнули, словно так Лифт подтверждала разумность произнесенных слов.

– Мы прибываем, молодые люди, – осторожно произнесла она, будто боялась обидеть. – Добро пожаловать на Заботинск...

Ах, в какой же неуютной тишине они повернулись к дверям! Как опустились их плечи, как потускнели голубые глаза. И даже когда Компетенция мягко остановилась и открыла створки, искра радости или облегчения не озарила детские лица.

Настя, Дима и Витька подняли головы, рассматривая поляну, на которую их доставила Лифт-эрудит. Да, за Пустырем на самом деле раскинулся родной поселок, сейчас

погруженный в крепкий ночной сон. Темнели крутобокими холмами черепичные крыши двухэтажных домиков. Белели пятна палисадов, выкрашенных яркой известью. На перекрестках мягко светились редкие уличные фонари, а по улицам разъезжали приземистые мусоросборочные машины. Наконец-то, после мучительного и полного опасностей возвращения, они попали домой. На хорошо знакомую поляну: надежную, простую, ласковую и любящую. Но отчего-то ни один из путешественников не спешил переступить порог Лифта, бросаясь через Пустырь на поиски своей улочки. И мы сможем понять причину, если задумаемся...

– Вы выходите?... – нерешительно спросила Компетенция, сейчас совсем непохожая на строгую учительницу, не вовремя экзаменующую детей. – Или я ошиблась пунктом назначения?

– Нет-нет, достопочтенная Компетенция, – очень тихо и как будто сонно ответила Настя. – Вы не ошиблись, и это на самом деле наш Заботинск. Просто...

– Просто нам еще рано домой, – вдруг перебил ее Витя, по-прежнему глядя на дремлющий поселок.

– Ты чего такое говоришь, Витенька? – Я точно уверен, что Настя все-все понимала. Но в этот миг девочка все равно уставилась на брата с показным недоумением. – Мама скоро с работы вернется... Мы же так торопились...

– Нельзя всю жизнь просидеть под одеялом – кажется, это вы мне сказали? – пожал плечами тот.

– И что же ты задумал? – откровенно поинтересовался Димка, словно они остались одни, и выручившая их Лифт не дожидалась освобождения кабины.

– Достопочтимая Компетенция, – Витя задрал голову к объективам. – Вы знаете, где расположено логово Мглистого?

Настя ахнула, замотав головой так, что схваченные в хвост волосы шлепнули ее по щеке. Димка нахмурился. Тем не менее, прошу заметить, никто из них не сдвинулся с места и на поляну так и не вышел.

– Возможно... – уклончиво ответила Лифт. – Считается, что он живет на поляне, через которую проходит подавляющее большинство шахт...

– Это очень хорошо, – кивнул Витька, будто выяснение места обитания чудища вправду доставило ему радость. – Вы простите наше непостоянство... но теперь нам нужно на эту поляну.

– В логово Мглистого? – не поверила Компетенция.

А брат и сестра повисли на его руках, сдвинув головы так близко, что их горячее дыхание обожгло Витьке щеки.

– Ты чего задумал-то?

– Витенька, не дури, а?

Тот покосился на Дмитрия, перевел задумчивый взгляд на Настю.

– Да поймите же... никто, кроме нас, не способен помочь Лифтам. И еще... – Он смутился, но продолжил: – Я силой никого не тащу. Не хотите идти – вон Добронравный переулок, от него до нашего квартала рукой подать.

И он качнул подбородком, указывая на Заботинск.

Переглянувшись, висевшие на его рукавах брат с сестрой остались неподвижны, ответив на его вызывающее предложение немым укором. Мысль, озвученная Виктором, являлась общей – невидимым облаком она витала в пространстве кабины, не позволяя со всех ног бежать к Заботинску. Однако, когда пугающие слова наконец прозвучали, стало очень-очень страшно.

Димка с тоской посмотрел на знакомые улицы поселка. Почесал затылок.

– Допустим, мы найдем Мглистого... – пробормотал он, отпуская Витькин рукав. – Но что смогут трое детей, если его бессильна остановить целая Гильдия?

– Ты что, братишка, до сих пор не понял? – Мальчик смотрел со смесью недоверия и превосходства. – Да они *не хотят* его останавливать. Но их нужно заставить передумать.

Однако пока сделать этого не может никто...

– Кроме нас, – шепотом закончила за него Настя, круглыми глазами глядя в пустоту.

– Возможно, кроме нас, – так же тихо повторил ее слова Витя. – Во-первых, потому что мы знаем про Дрейфуса. А во-вторых, потому что больше Лифтам положиться не на кого...

Димка, хмурый и сосредоточенный, таращился в пол кабины. Но на это кивнул уверенно.

– Согласен с последним замечанием, – неохотно признал он, пожимая плечами. – Ведь мы же обещали Озорнику. И другим Лифтам помогать обещали. Давайте для начала выясним, где живет Мглистый и чем занят? Расскажем об этом папе. Может, собранные данные помогут ему убедить Смотрителей поймать Механика?

– Разумно. – Витька вытянулся и приосанился, будто готовился принять военную присягу. – Настя, пожалуйста, передай маме и папе, что...

– Ничего я не передам, – со злостью (ведь она боялась и пыталась скрыть страх) ответила девочка. – Я с вами иду, даже не надейтесь от меня избавиться! Ох, братики, и влетит нам за это...

– Все равно влетит, – философски согласился Витька. – Многоуважаемая Лифт, вы могли бы доставить нас на поляну, где предположительно обитает Мглистый Механик?

– Вы приняли окончательное решение?

– Да. – В поисках поддержки Витя посмотрел на остальных, и те решительно закивали.

– В таком случае, – подсказала Компетенция, а ее объективы нацелились на кучу военного тряпья, небрежно сваленного у дверей, – рекомендую надеть это обратно. Там, куда мы направляемся, весьма прохладно...

Лифт тронулась с места, теперь – вниз. И если еще какие-то пятнадцать минут назад детские сердца преисполняли томное предчувствие и восторг возвращения, то сейчас в них – как и на большинстве полей Спасгорода – воцарились ночные сумерки. Они с таким трудом добрались до дома, чтобы принять нелегкое и очень взрослое решение снова его покинуть. На этот раз понимая, что впереди ждут риск и опасности.

Ехали в тишине, а добрая половина огней на планшете Компетенции погасла, словно Лифт вместе с детьми обдумывала неожиданный и смелый поступок. Никто не шутил, не улыбался и не старался подбодрить друг друга. Наши герои решили добровольно столкнуться с одной из самых мрачных тайн Спасгорода и сейчас настраивались на эту встречу, стараясь укрепить свои юные сердца.

Кабина вдруг замерла, мягко качнувшись на тормозных зажимах. Свет внутри потускнел – Компетенция определенно не хотела афишировать свое присутствие.

– Прибыли, – негромко сообщила она. – Аппаратная поляна Снежинка-РЗВ.

– Снежинка? – с интересом спросила Настя. – Как на Снежных Холмах?

– Не совсем... сейчас увидите сами. Вы, люди, обычно называете это место по-своему – Радиатор.

Лифт не спешила открывать двери, дожидаясь, пока все трое пассажиров влезут в армейскую форму, подтянут ремешки и как можно плотнее пригонят камуфлированную ткань к поддетой ниже школьной форме.

– И еще... Имейте, так сказать, в виду, молодые люди... – Казалось, Компетенция с трудом подбирает слова. – При всей симпатии к вашей образованности и отваге медлить я не стану. Как только вы покинете кабину, я сразу возвращаюсь вниз, подальше от этого... чудовища...

– Мы понимаем, – честно ответил ей Виктор, и не подумав упрекнуть в трусости. Он накинул капюшон, затягивая его шнурки потуже. – Равно как понимаем, на что идем. Спасибо вам за все, тетенька Компетенция. Раз уж мы смогли проделать такой долгий путь, то уж отсюда и подавно выберемся!

И он озорно (с напускной бравадой, присущей многим мальчишкам) подмигнул объективам взгрустнувшего Лифта.

– Вы удивительно храбрые дети, – сказала Компетенция на это. – И я буду молить

Всесильные Реакторы, чтобы у вас все получилось... Помните, наша братия на Снежинке предпочитает не останавливаться. Поэтому... если что-то пойдет не так, ищите во внешней стене вентиляционные желоба под маркировкой «44-BVK», они помогут экстренно покинуть Радиатор...

– Спасибо за совет, уважаемая Компетенция. И вот что, – уже повернувшись к дверям, вспомнил Виктор. – Если мы не попадем на Заботинск в течение пары суток...

Ему было очень тяжело произносить *такие* слова и пугать остальных, но выбора не оставалось.

– Так вот... если это произойдет. Пожалуйста, сообщите нашим родителям, что случилось. Просто чтобы знали...

– И еще, что мы их очень-причень любим! – вставила Настя.

Чтобы скрыть мерцание подступающих слезинок, она поглубже натянула капюшон. Девочка вообще держалась очень мужественно и даже не помышляла отказаться от принятого братьями решения.

– Как вам будет угодно, – ответила Компетенция.

После чего открыла двери, и храбрецы дружно перешагнули через порог, погружаясь в мерзлоту Снежинки-РЗВ.

С тихим шипением гидравлики, стараясь лишний раз не бряцать тросами, Лифт смежила створки. И почти сразу стало слышно, как аккуратно, но быстро убегает с поляны Мглистого ее цилиндрическая пассажирская кабина.

– Держимся вместе, – шепотом приказал Димка. – И не шумим.

Витя и Настя кивнули, стараясь унять сотрясавшую их дрожь.

Поляна оказалась похожа на огромную морозильную камеру, словно дети уменьшились до микроскопических размеров и залезли в кухонный холодильник. Даже ее «небосклон» был выкрашен в белый цвет. Хотя, быть может, потолок поляны покрывала вовсе и не краска, а, скажем, наледь, но с изрядного расстояния разглядеть это возможным не представлялось.

Повсюду громоздились здоровенные никелированные баки, чей диаметр ощутимо превосходил их высоту в несколько метров. Таких тут были десятки, если не сотни – казалось, огромные круглые конструкции занимают всю площадь яруса. Над металлическими бортами цистерн, тонко покрытых инеем, клубился морозный пар.

А еще тут были шахты – много-много тонких столбов (они только казались такими хрупкими на фоне гигантских резервуаров) хороводами спиц облепили жбаны с охлаждающей жидкостью, напоминая диковинный лес. Некоторые жались к самым краям бассейнов. Некоторые выступали прямо из дымящихся баков, обледенелые почти до потолка и от этого очень красивые.

С шахтами соседствовали обыкновенные полиметаллические трубы самых разных калибров – именно по ним холодный воздух Радиатора уходил на другие поляны Спасгорода, чтобы помочь машинам и цеховым агрегатам делать их непростую работу, не опасаясь перегрева.

Поверх скоплений охладительных цистерн была проложена целая сеть переходов, лестниц и мостков, по которым могли перемещаться инженеры, не рискуя свалиться в леденящую жидкость. Их перила и решетчатые полы тоже схватила изморозь, превращая великанскую охладительную установку в сверкавшую снежинками зимнюю сказку.

Светоч-ЗСИ-2 здесь всегда работал вполмощности, не делая различий между «днем» и «ночью». А потому Радиатор сверкал и переливался, напоминая о каникулах. Однако едва близнецы вспомнили о том, чьим домом стала холодная поляна, сверканье инея и хромированных резервуаров тут же показалось зловещим и бесконечно-холодным.

– Поднимите воротники и старайтесь дышать через ткань, – со знанием дела скомандовал Виктор, морща нос. – Эти испарения могут быть вредными...

Они пошли к ближайшим бакам, проход между которыми напоминал ущелье. Под ногами предательски скрипел покрывавший все слой инея. Из-под капюшонов вырывались

клубы пара. Если бы не универсальная всепогодная форма, случайно украденная с Казармы, все трое замерзли бы за считанные минуты. Пока же они чувствовали лишь легкую прохладу да старались лишний раз не вынимать рук из карманов.

– Я и не представлял, что охлаждательная установка может достигать таких размеров, – с восторгом прошептал Витька, вертя головой.

– Успеешь налюбоваться, – одернул его брат. – Лучше под ноги смотри! Если на этом снегу мы оставляем следы, их должен оставлять и Мглистый.

– Братишки, а может, наверх? – Настя мотнула головой на скованную льдом лестницу, уводящую на верхний край ближайшего бассейна. – Оттуда же обзор лучше.

– Верно, – важно кивнул Димка, насупившись. Он расстроился, ведь до такого решения мог додуматься и сам, если бы не тратил время на препирания с братом. – Витька, лезь первым.

Натянув рукава так, чтобы не морозить ладони обледенелыми ступенями, тот полез на борт открытой цистерны, продолжая восхищаться величию Радиатора. За ним последовала Настя, а затем и Дима.

Сверху поляна казалась еще более красивой и сверкающей. словно сказочный великан в великанском кафе заказал огромный круглый поднос, сплошь уставленный здоровенными чашками с дымящимся какао. При этом, что выглядело еще более загадочно, снаружи великанские кружки оставались очень холодными и даже запотевшими.

– Смотрите под ноги.

Витька, забравшийся первым, уже успел изучить систему переходных мостков. Часть из них оказалась натянута прямо поперек резервуаров, а часть огибала по бокам и вокруг Лифтовых шахт, которых тут было в избытке.

– Кажется, тут давненько не было ремонтников...

И правда – в разных местах, пусть и не очень часто, ограждения переходов были сломаны, погнуты или вообще отсутствовали, отвалившись давным-давно. Огибая проломы, дети осторожно зашагали по мосткам, стараясь не заглядывать в чаны. Там – внизу, клубясь и напоминая человеческое дыхание на морозе, дымила закачанная в охладители специальная густая жижа.

– Какое удивительно сочетание жуткости и красоты, – прокомментировала Настя, с опаской перешагивая через дыру в решетчатом полу мостика. – У меня даже мурашки по коже, причем вовсе не от холода...

– Стойте, – вдруг сказал Витя, осматриваясь. – Нужно разработать план.

– Пойдем по периметру? – предложил его брат. – Например, по ходу хронометровой стрелки? Если сделаем полный круг и ничего не найдем, тогда свернем к центру.

– Хорошо, – кивнул Витька. – Но я не вижу никакой системы – шахты и резервуары разбросаны совершенно хаотично. Значит, чтобы не заблудиться, мы должны оставить знак.

– Вот. – Настя полезла под капюшон, вынимая желтую ленту, которой перетягивала волосы. – Это пойдет?

– Отлично! – Димка забрал полосу ткани, повязав на перила. – Теперь не промахнемся.

И они зашагали дальше.

Один бассейн за другим миновали путники, внимательно вслушиваясь в звуки яруса. Но не обнаруживали ничего, кроме гудения насосов, хруста собственных шагов, бульканья охлаждающей жижи под ногами и глухого гула, с которым сновавшие по шахтам Лифты старались проскочить зловещую поляну.

И когда уже стало казаться, что близнецы обречены вечно скитаться по краям здоровенных баков, понемногу проигрывая битву холоду, Витька вдруг остановился, поднимая руку. Повернулся вправо, куда-то к центру поляны, и осторожно стянул капюшон, тут же отморозив кончики ушей.

– Слышите?

Димка и Настя насторожились, но тут же отрицательно замотали головами.

– Это там! – уверенно сказал Витя, вытягивая руку. – Сворачиваем, я что-то слышал!

И крохотный отряд торопливо свернул на соседний мост, заскрипевший под весом ребят. Перебрались через бассейн, обогнули еще один, высунулись из-за шахты безымянного Лифта и замерли. Витька, услышавший что-то даже сквозь гул насосов, оказался прав.

У основания соседнего резервуара, от самой ближайшей шахты (среднего диаметра, в каких обычно работают пассажирские модели Лифтов) доносилось бряцанье. Как будто кто-то лениво перебирал железяки, разложенные на листе войлока. А еще они слышали насвистывание – незатейливую мелодию, которую без усталости выдували чьи-то губы. Раз за разом, круг за кругом – один и тот же мотивчик, без фантазии или желания сменить репертуар.

Жестом Димка вынудил остальных опуститься на корточки, поэтому к краю они подбирались очень медленно. Зато уж когда добрались и выглянули вниз...

Мглистый Механик был здесь – высоченный, широкоплечий, угловатый, как армейский бронированный самокат. Он разложил свои рабочие сумки прямо на заиндевевшем полу поляны и теперь задумчиво перебирал инструменты, звонко бряцавшие в морозном воздухе.

Тут были гаечные ключи, различные щипцы, ножовки по металлу, газовые горелки, плоскогубцы и кусачки, паяльники и совершенно незнакомые детям конструкции, изготовленные самостоятельно. От всего этого сверкающего арсенала веяло каким-то необъяснимым ужасом, словно призванные помогать инструменты вдруг переметнулись на сторону врага, научившись причинять боль.

– Ой, мамочка родная... – еле слышно прошептала Настя, чуть не выдав всех троих.

Она первой сумела оторвать взгляд от туши Мглистого и его инструментария, заметив раскрытую кабину Лифта. Дверь была раздвинута силой – об этом красноречиво сообщал домкрат, распиравший створки. В стенке шахты зияла безобразная черная дыра, выпиленная дисковой пилой или горелками. Через нее-то Мглистый и добрался до Лифта, который теперь собирался мучить.

Планшет доступа оказался открыт, виднелись свисающие провода. Часть внутренних и внешних ламп еще работала, но часть уже была разбита молотком. Внутри кабины мерцал дрожащий бледно-желтый свет.

Продолжая насвистывать, Мглистый Механик выбрал из своего набора длинные щипцы и крохотную газовую горелку. Поднялся на ноги и повернулся к плененному Лифту. Теперь стало заметно, что из его рта совсем не идет пар...

– Что бы ты ни сделал с моим механическим телом, презренный уродец, – внезапно сказал Лифт высоким мужским голосом, преисполненным неслгибамого благородства, – тебе никогда не сломить мою душу! Ты думаешь, я начну умолять о пощаде?! – Лифт театрально рассмеялся. – Не дожدهшься, глупый и кровожадный комок мышц, лишенный сердца!

Мглистый заинтересованно склонил голову, изучая динамики Лифта. Затем вдруг гнусно улыбнулся, включил горелку и сделал шаг вперед.

– Давай, чудовище! Наслаждайся разрушением! – Вспыхнул уцелевшими лимонными огнями обреченный Лифт. – Когда-нибудь беспощадная кара постигнет и тебя, и никто из оскверненных Лифтов этого города не останется неотомщенным!

Продолжая беззаботно насвистывать (ох, какой же мрачной и безысходной казалась эта простая мелодия!), Мглистый шагнул к планшету Лифта. Медленным движением горелки опалил сразу несколько проводов, потянул их щипцами и почти выдрал наружу.

Не сговариваясь, наши герои зажмурились, искренне ужаснувшись. Витька сразу вспомнил здоровенную занозу, которую год назад загнал себе в ладонь. Настя – лист школьной тетради, которым в прошлой четверти неосторожно порезала пальцы. А Димка – коварный гвоздь, на который наступил, играя на Пустыре Заботинска. Боль, испытываемая Лифтом, передалась всем троим, и на глазах появились непрошеные слезы.

Лифт, тем не менее, не проронил ни звука, хоть лампы его тревожно моргнули.

– Пусть каждое преступление, совершенное этими руками, бездушное существо, – с вызовом сказал он, – десятикратно скажется на тебе! Желая сгинуть во тьме, породившей тебя!

По-прежнему посвистывая, Мглистый Механик отложил горелку, теперь взявшись за кусачки на длинной ручке. Снова потянулся к планшету, и тогда Настя вдруг встала в полный рост, наваливаясь на перила. Наверное, она не собиралась делать этого, подвергая братьев смертельной опасности. Но хладнокровие, с которым чудовище мучило Лифт, не позволило девочке молчать.

– Убери от него руки, ты – жестокий урод! Не смей обижать тех, кто не может дать сдачи!

Сердца Вити и Димы оледенели, словно их окунули в один из охлаждающих жбанов. Они вцепились в штанины сестры, пытаясь утянуть ее обратно, но было поздно. Мглистый резко вскинул крохотную голову, а его похожие на шестеренки окуляры жадно уставились на детей. Внутри шестеренок теперь стало возможно разглядеть крохотные черные линзы, заменявшие Механику зрачки.

Чудовище ухмыльнулось, обнажив желтые зубы, и опустило инструменты. А затем зарычало и шагнуло к резервуару, на вершине которого прятались дети.

– Всемогушие Конденсаторы! – в испуге воскликнул пленный Лифт. – Милые дети, что вы делаете в этом ужасном месте? Немедленно бегите! Эй ты, чудовище! – Он вытянул вперед один из уцелевших манипуляторов (такими Лифты самостоятельно чинили мелкие поломки), пытаясь ухватить Мглистого за руку. – Стоять на месте, висельник! Даже не смей думать о детях!

Механик отмахнулся от тонкого манипулятора, как мы отмахиваемся от надоедливой мухи. Он все еще смотрел на Настю, и с лица его не сходила зловещая ухмылка.

– Что же ты наделала, сестричка? Мы ведь только проследить собирались! – всхлипнул Витька. – Он же лезет к нам!

Но Настя, оцепеневшая от собственной выходки (смелой, но одновременно безрассудной), уже видела все сама. Мглистый тяжелым шагом достиг лестницы, лепившейся к борту цистерны, и начал грузно взбираться. Под его немалым весом покрытые инеем ступени прогибались и скрипели.

– Наверное, нам опять нужно бежать? – жалобно спросила девочка трясущимися губами.

И они бросились прочь. Подальше от истерзанного Лифта с характером, чью смелость не смог сломить даже Мглистый. Подальше от края резервуара, к которому приближался мучитель. Куда глаза глядят, петляя на сложной системе переходных мостков и с замиранием сердца перепрыгивая проломы.

– Настя, Птицу тебе под одеяло! – рывкнул на сестру Димка, перебираясь на соседний холодильный бак. – Зачем?!

– А как терпеть такое? – Злость и отчаянье вытеснили из души девочки страх и стыд за совершенный поступок. Щеки ее вспыхнули, даже несмотря на наполнявший поляну холод. – Как можно молча смотреть, как *это* издевается над Лифтом?

Тут все трое одновременно обернулись, застыв на месте. И заметили (Витька даже застонал), как Мглистый выкарабкивается на край бассейна, который они только что покинули. Теперь их разделяло не меньше двух широченных баков, но было очевидно – пустившись в погоню, Механик и не подумает отстать.

– Бежим к Компетенции! – выкрикнул Витька. – Найдем метку, попробуем вызвать ее!

– Она же сказала, что не будет нас ждать, – вспомнил Дима прощальные слова. – Не стоим! Он медленный, мы успеем что-нибудь придумать! Надо отыскать маркировку «44-ВВК»...

– Прячьтесь, милые дети! – услышали они вдруг голос пленного Лифта. – Бегите и прячьтесь!

Но наших героев не нужно было уговаривать – они и так неслись по верхушкам цистерн со скоростью зимнего ветра. Снег теперь скрипел противно и злобно, а остающиеся на мостиках следы предательски выдавали направление, в котором удалялись ребята.

Один резервуар, за ним – еще один. Они убежали так далеко, что перестали даже

слышать голос смелого Лифта. Остановились перевести дух, жадно вдыхая холодный воздух Радиатора и выпуская из-под капюшонов пышные струи пара.

– Оторвались? – с надеждой спросила Настя, высматривая Мглистого за их спинами.

– Сомневаюсь, – тяжело выдохнул Витя. – Судя по всему, он уже не человек... А значит, уставать не умеет.

И будто в подтверждение его слов на одном из переходов охлаждающего бассейна (примерно в десятке таких же жбанов от наших беглецов) из-за скопления многочисленных шахт и труб показалась знакомая угловатая фигура. Мглистый шел неспешно, но уверенно, сжимая и разжимая огромные кулачищи, в каждом из которых уместилась бы детская голова.

– Нам не убежать... – все еще восстанавливая дыхание, обреченно пробормотал Витька. – И я сомневаюсь, что на поляне есть Ликвидатор Катастроф, способный помочь... И маркировку вентиляции мы найти не успеем...

– А может, и не надо бежать?

Все с удивлением и недоверием обернулись к Димке, задумчиво изучавшему мост, на котором они стояли. Под ногами монотонно бурлила и дымилась специальная жидкая смесь.

– Если от опасности нельзя убежать, ее остается лишь встретить, – закончил свою мысль тот, горящими глазами глядя на брата и сестру. – Не об этом ли мы читаем в любимых книгах?

– Что ты задумал? – встревоженно спросил Витя.

– Ты с ума сошел, братик? – перебила его Настя.

– Нет! – отрезал Дмитрий, неожиданно измерив ширину мостка шагами. – Не сошел! И если Мглистый – всего лишь машина, значит – человек всегда сможет ее перехитрить! Вот здесь!

Димка подскочил к самой середине моста, где перила были отломаны и висели на одном единственном болте. Брат его тут же оказался рядом, внимательно выслушивая инструкции. Настя, не сумевшая разобрать мальчишечью болтовню, стиснула кулачки.

– Братики, быстрее, он уже рядом!

Мглистый Механик на самом деле приближался, медленно, но неотвратимо. Вышагивал по переходам над цистернами с видом хозяина положения, а с его квадратного лица не сходил грозный оскал.

– Ты все понял? – торопливо спросил брата Димка.

Тот закивал, отчего капюшон почти сполз на плечи.

– Хорошо. Настя, беги отсюда!

– Никуда я не побе...

– А ну тихо! – прикрикнул на нее мальчик, отчего в его голосе прорезались отцовские нотки (когда Петр Петрович сильно сердился, он иногда повышал на детей голос. Хотя и очень редко). – Ты побежишь и спрячешься. И если мой план провалится, вернешься на Заботинск и расскажешь родителям, что случилось. Мы – не Лифты, и если Мглистый причинит нам вред, Смотрители не смогут проигнорировать случившееся!

От уверенности и командирского напора в словах брата Настя попятилась и обиженно поджала губу. Но все же понимающе кивнула, коротко и жарко сжала ладони обоих мальчишек и бросилась прочь, резво прыгая с одного мостика на другой. Дмитрий без промедления приступил к исполнению последней части плана.

– Витек, ты готов?

– Нет... но выбора все равно не осталось. – Тот вымученно улыбнулся.

– Держись, братишка, – подмигнув, Дима опустил на колени, расстегивая подаренный Настей пояс.

Мглистый был уже совсем рядом. Еще несколько шагов – и он взошел на мостки того самого резервуара, на котором стояли близнецы. Витька, отступив к самому дальнему краю, встревоженно слушал, как бешено колотится его сердце. А Димка, неожиданно вскрикнув и сильно захромав на левую ногу, остался на середине моста – ровно над центром бассейна.

Механик вышел на прямой финишный мосток. Замер, рассматривая уязвимую добычу,

и широким шагом направился дальше. Высокий, в страшном толстом фартуке до колен. Из-под короткого козырька кепки, перемазанной машинным маслом, посверкивали черные плоскости глаз. Великан казался настоящим чудовищем из ночных кошмаров, ожившим по приказу злого волшебника...

– Быстрее! – завопил Витька, все же не сдержав нервного напряжения.

– Беги, я не смогу! – звонко ответил ему Димка, театрально приволакивая ногу.

Механик, прислушавшись к ребячьему разговору, улыбнулся еще шире. Ускорил шаг. И когда уже нависал над спиной Дмитрия, тот вдруг рванулся прочь, словно и не страдал хромотой. Прыжок, второй, мальчик едва ушел от растопыренной пятерни в рабочей перчатке, которой Мглистый пытался ухватить его за капюшон. И бросился к Витьке... вдруг по-настоящему споткнувшись и с грохотом рухнув на оба колена.

Мглистый замер, будто наткнулся на препятствие.

Пошатнулся вперед, удивленно скашивая глаза вниз. Там он с удивлением обнаружил армейский пояс-трансформер, закрепленный на перилах поперек мостка, который и поставил ему подножку.

Великан качнулся вбок, эластичная ткань ремня еще сильнее вдавилась в голенища рабочих ботинок, а затем Мглистый начал заваливаться. Прямо в пролом на ограждении, за которым клубилась паром ледяная жижа.

– Сработало! – потирая отбитые коленки, завопил Димка. – Падай, гад!

Механик попытался перешагнуть через препятствие, но тяжелые ноги великана слушались не очень охотно. А потому он покачнулся еще сильнее. Попробовал уцепиться за перила, но в этом месте обледенелые прутья отсутствовали, и его пальцы царапнули мерзлую пустоту. Он накренился сильно-сильно, уже готовый рухнуть вниз... и устоял.

– Нет! – жалобно закричал Дмитрий, пытаясь встать и корчась от боли. – Падай!

И тогда Витька бросился вперед.

Перескочив через брата, расстегивая собственный пояс и умоляя время растянуться подольше – лишь бы успеть все подготовить. Димка, чье лицо вытянулось, а рот открылся в молчаливом крике, с ужасом наблюдал за его самоубийственным прыжком, похолодев от макушки до самых пяток. Перебросив край ремня через уцелевшие прутья перил, Витька активировал мощный магнит, скрытый в пряжке. И когда теплый металл намертво схватился с морозным, вдруг прыгнул прямо на врага – ногами вперед, наматывая на кулак свободный конец армейского ремня и вложив в удар весь свой невеликий вес. Настя, издали беспомощно наблюдавшая за мальчишками, вскрикнула и прикусила кулак, стараясь не разреветься. Димка все еще силился встать, наплевав на боль, которой, казалось, прямо-таки полыхали колени. А Витька уже врезался в бок Мглистого, заставив того окончательно потерять равновесие.

Механик застонал, заваливаясь все сильнее, и едва не ухватил мальчика за ботинок. Но затем Мглистого неумолимо повлекло вниз, он раскинул руки и глыбой ухнул в пролом ограды, издав лютый нечеловеческий вой. Через секунду массивное тело соприкоснулось с охлаждающей жидкостью. Дети услышали звук липкого удара. Потревоженный падением пар разошелся хлопьями и снова сомкнулся, а вверх взметнулся фонтан холодной слизи. Несколько капель долетело и до братьев, болезненно резанув по щекам.

И когда казалось, что желанная победа одержана, Витька по инерции соскользнул следом за уроненным Мглистым. Со вскриком исчез за краем. До ломоты в пальцах вцепившись в ремень, теперь он раскачивался где-то под днищем конструкции. Димка, взыв, тут же оказался на ногах, бросаясь к пролому.

– Витька! Руку! – Чуть не сорвавшись вслед за Механиком, он упал на живот, смело свешиваясь с мостика. – Карабкайся!

Повиснув на зафиксированном военном поясе, вытянувшись в веревку, тот безуспешно пытался ползти по нему вверх, шипя от боли – на его лице блеснули капли охлаждающей смеси. Руки мальчика дрожали от усталости и физического напряжения, губы побелели.

– Хватайся! – Свесившись предельно опасно, Димка все же дотянулся – ухватил брата за рукав, рванув на себя. – Держись!

Но как бы ни был тренирован Дима, вытащить на мост двойной вес ему оказалось не под силу. Он заскрежетал зубами, выругался от злости и испуга, но сколь бы отчаянно ни тянул, Витька оставался на прежней высоте. Тот, конечно, тоже пытался спастись: одной рукой вцепившись в запястье брата, другой он пытался перехватывать ремень, но силы покидали его, как песок утекает из дырявого мешка.

И тогда – когда обоим казалось, что сейчас они вместе сорвутся в ледяную пустоту прямехонько за канувшим чудовищем, – Димку кто-то дернул вверх. Резко, сильно, одним усилием вытащив почти до пояса. Затем еще раз, и еще. А за ним – по цепочке, и Витьку. Тот, наконец, смог дотянуться до края моста, где в его плечи впились пальцы родных, и вскоре оказался на холодных панелях. Упал на спину, жадно хватая воздух распахнутым ртом и пытаясь соскрести со щеки тягучие капли.

Димка, будто отказываясь поверить в спасение, удивленно обернулся. Прямо над ним стояла Настя, измотанная так, что едва держалась на ногах. Девочка чудом успела вернуться, ухватить брата за штанины, и каким-то немыслимым образом нашла в себе силы, чтобы спасти обоих... Знаете, такое ведь иногда бывает – в минуты страха за своих близких люди творят настоящие чудеса, которым завидуют даже цирковые силачи...

Глава 8, в которой новые друзья помогают справиться со старыми врагами, а кое-кто возвращается на свою поляну

Сжав друг друга в объятиях, они не сдерживали чувств. Сражение, в которое близнецы добровольно вступили ради защиты Лифтов Спасгорода, вымотало всех троих как физически, так и эмоционально.

– Настенка, спасибо! – Димка был единственным, кто стеснялся бегущих по щекам слез, поэтому отворачивался и бубнил: – Если бы не ты, я бы Витьку не удержал... А ты тоже – хорош герой! А если бы ремень порвался? А если бы ты соскользнул?

– Кажется, мы знали, на что шли, – устало ответил ему брат, потирая щеку.

Там, где брызги охладителя коснулись кожи, осталось несколько крохотных багряных шрамов. Но если у Витьки шрамы «украсили» левую половину лица, то у Дмитрия следы остались на правой.

– Глупые вы оба, – утирая с носа замерзающие на морозе хрустальные капельки, охнула Настя со смесью облегчения и обиды. – Ну как я вас могла спасти, когда это вы всех спасли? И вообще, мы справились только потому, что играли командой...

– Верно... – все так же сонно пробормотал Витя. – Слаженность действий была на удивление своевременной...

Брат и сестра даже рассмеялись деловитости его тона. Словно тот обсуждал не отчаянную схватку за их жизни на шатком мосту, а недавно просмотренный по амбивизору фильм.

– Так, значит, – осторожно поинтересовался Димка, косясь на пролом в перилах, – мы справились?

– Справились, – с робкой улыбкой кивнула девочка, отирая Витькино лицо от слез и остатков жгучей слизи. – Упав в эту химию, Мглистый точно не уцелел...

Наши герои невольно приблизились к опасному краю, вглядываясь в дымящуюся внизу жижу. Клубы пара плыли над бурлящей поверхностью, будто забыв о том, что несколько минут назад туда рухнуло двухметровое чудовище...

– Мы спасли Лифты... – констатировал (впрочем, без особенной радости) донельзя утомленный Витька. – Сделали то, чего не смогли Смотрители...

– Как думаете, – вдруг встрепелась Настя, – мы сможем об этом рассказать?

– Безусловно – нет! – в один голос ответили ей братья, а Виктор назидательно добавил:

– Мне все сильнее кажется, что Смотрители неспроста медлили с поимкой чудовища. Если это правда, значит, что-то тут нечисто... Как бы наш героизм не аукнулся родителям. Ты ведь не хочешь, чтобы у них начались неприятности? Поэтому будет безопаснее, если никто не узнает о том, что нам стало известно за время путешествия...

Они помолчали, обдумывая тайну, которую отныне были обязаны хранить.

– Отметины останутся, придумать нужно будет что-то, – поморщился Дима, ощупывая щеку. – И коленки болят, просто ужас как стукнулся...

– А я вообще без сил, – призналась Настя. – Руки как будто из чугуна... и мышцы ноют.

– Уверен, что это – меньшая из цен, которые мы могли бы заплатить за схватку с Мглистым, – все еще выдерживая назидательный тон, вставил Витя. – Вставайте, друзья. Если мы останемся на этом холодном мосту еще ненадолго, можем замерзнуть. Навсегда.

И они поднялись на ноги, хоть каждому это далось с огромным трудом.

Витька дотянулся до пряжки, все еще примагниченной к перилам, отстегнул и смотал свой пояс-трансформер. Димка развязал путы, в которые попался Механик, но подпоясываться не стал, отдав военный ремень Насте.

Стеная и охая, как самые настоящие старички, дети добрались до края резервуара. Теперь, когда азарт и всплеск адреналина прошли, их начало морозить и потряхивать. Сбившись в кучку (им казалось, что так теплее), они принялись обсуждать дальнейшие действия.

– Может быть, теперь Компетенция вернется на поляну? – неуверенно предположила Настя.

– Нет, – мотнул головой Димка. – На ее шахте даже не было вызывного механизма.

– Что же нам делать? Искать выходы в технические тоннели?

– Подожди-ка, Настя... – Витя задумчиво потер переносицу. Задел пальцем свежий шрам, поморщился от боли. – Предлагаю наперво вернуться к Лифту, который мы спасли. Что скажете?

– Отличная мысль, – согласился его брат.

Все трое повернулись к центру моста, с которого упал Мглистый, и ни у кого из них не возникло желания снова пересекать это страшное место. Не сговариваясь, путешественники двинулись в обход, пытаясь обнаружить участок, где впервые столкнулись с пленным Лифтом и его мучителем.

Несмотря на то, что Мглистого Механика больше не существовало, поляна все равно казалась им мрачной и пугающей. Холод понемногу проникал под утепленную армейскую одежду, заставляя дрожать и стучать зубами. Чтобы хоть как-то согреться, дети размахались руками, но мышцы всех троих так болели, что упражнения не принесли результатов.

Еще почти четверть часа бродили они по верхушкам резервуаров, пытаясь хотя бы примерно вспомнить место, с которого сбежали. И когда уже почти отчаялись найти его, решив возвращаться к желтой путевой ленточке, вдруг услышали знакомый благородный голос:

– Даже если ты победишь, безмозглое чудовище, история о трех детях, решившихся спасти подвергаемый пыткам Лифт, станет достоянием всего Спасгорода! Ты слышишь меня, мой мучитель?! Об этом узнают все, от самых примитивных Лифтов для перевозки отработанного радиоактивного топлива до элитных гильдейских моделей! Справедливая кара все равно настигнет тебя, и не будет в городе места, где ты смог бы укрыться от праведного гнева мстителей!

Ребята вышли на край цистерны, совсем с другой точки рассмотрев распахнутые двери и инструменты, разложенные по полу перед плененной кабиной. Нашли лестницу, торопливо спустились.

– Мы здесь, – сказала Настя, прерывая разглагольствования Лифта, адресованные пустоте. – Здравствуйте...

– О, Сверхмощное Замыкание! Сударыня! Вы ли это? Вы, сумевшая спасти меня столь

грозным выкриком, что тот пронзил даже броню бездушия этого чудовища!

Объективы Лифта судорожно завертелись, осматриваясь.

– Вам удалось спастись? – уже тише продолжил он. – Быстрее прячьтесь во мне... если успеем, мы покинем эту поляну до возвращения Мглистого! Второй раз я в его ловушку не попадусь, не таков Великосветский Гранд!

– Уважаемый Гранд! – Витя встал перед Лифтом, чтобы попадать в объективы. – Бояться нечего. Мглистый Механик больше не будет угрожать вам. Он вообще никому не будет угрожать...

Он с печалью рассматривал раскуроченную панель и механизм Великосветского Гранда.

– Мы можем вам чем-то еще помочь?

– Что, юный герой, вы сказали? – Канареечные лампы вспыхнули азартом. – Повторите, я не верю своим микрофонам!

– Мой брат сказал, что Мглистый Механик больше не придет, – с удовольствием повторила Настя. – Он упал в чан с охладителем. Если вы понимаете, о чем мы.

– Не может быть! – возликовал Лифт, хоть часть его ламп и планшетов безнадежно не работали. – Вы, трое смельчаков и героев, сумели наконец-то остановить это чудище?! Всемогуший Анализатор! Да еще так своевременно – не позволив вандалу даже подступиться к моему центральному процессору! Это же подвиг, достойный воспевания в балладах! Вы – герои!

Дети смущенно улыбались, хоть, конечно же, похвалы спасенного Гранда были им очень приятны.

– Вы так... храбро отвечали Мглистому. – Настя хотела сделать Лифту ответный комплимент, но запуталась в словах. – Когда он... когда он мучил вас... Вы не сдались, это поразительно.

– Иногда у нас не остается ничего, сударыня, – кротко ответил девочке тот. – Ни друзей, ни здоровья, ни возможности свободно перемещаться по родной шахте. Но есть нечто бесценное, чего не отнимет ни один злодей на свете – это наша честь и гордость. И когда наступает *настоящая* тьма, разогнать ее способно лишь сияние гордого и отважного сердца. Я не стал бы молить о пощаде даже под страхом лишиться центрального процессора...

– Дяденька Гранд, – первым перейдя к делу, практически поинтересовался Дмитрий. – А можно, мы продолжим разговор в вашей кабине? Снаружи очень холодно...

– О, тысяча извинений! Где мои манеры? – Яркие желтые светильники смущенно мигнули. – Прошу меня великодушно простить, молодые люди. Сударыня, спасительница моя, позвольте виртуально припасть к вашим ногам и вымолить прощение за этот конфуз! Быстрее же внутрь, герои! Но...

Объектив покосился на размыкавший двери домкрат, а манипулятор многозначительно похлопал по его пружине. Димка и Витя, не говоря лишнего, тут же навалились на агрегат, снимая его со створок. Брезгливо отбросили к другим инструментам Мглистого, торопливо входя в Лифт. Тот (правда, с чудовищным скрипом и стоном) сразу закрыл двери и включил систему отопления. Намерзший на ресницы иней тут же стоял, и дети вздохнули с облегчением.

– Позвольте же официально представиться, – с гордостью произнес недавний пленник. – Великосветский Гранд, развлекательный Лифт Экстра-класса для Комфортабельных и Скоростных перемещений! Судя по сходству ваших лиц, могу сделать предположение, что своим спасением обязан братьям и сестре?

Рассматривая внутреннее убранство Гранда, храбрецы по очереди представились в ответ. Внутри Лифт на самом деле оказался очень удобным и стильным, хоть и небольшим. По стенкам разместились уютные диванчики, все стены были усеяны экранами и нишами амбивизоров, а количество объективов не поддавалось исчислению.

Даже несмотря на то, что половину приборов Мглистый уже успел расколотить, вид

Лифта все равно впечатлял.

– Это что, настоящие проекционные амбикамеры? – деловито поинтересовался Витька, сжав ладошки лодочкой и дыханием отогревая окоченевшие пальцы.

– О да, молодой человек, самые что ни на есть настоящие! – Гранд был польщен. – Когда в былые времена я возил высокопоставленных руководителей Спасгорода, мой спектр развлекательных номеров для них был весьма и весьма многообразен.

И рядом с Витькой вдруг возник еще один Витька – точь-в-точь как настоящий, греющий ладони и зябко притоптывающий на месте. Настя даже вскрикнула от неожиданности, отшатываясь и падая на диванчик. Дима охнул, повернувшись в сторону двойника, и какое-то время даже не мог понять, который из мальчиков настоящий.

Впрочем, спроецированного Виктора выдавала легкая рябь, изредка пробегавшая по голограмме.

– Ух ты... – восхищенно покивал Витя, разглядывая свое очень даже живенькое отражение. – Вот это скорость! У вас великолепные микросхемы, уважаемый Гранд!

– Благодарю вас, сударь, – скромно, но с достоинством ответил Лифт. – Пятнадцать камер быстрого захвата и девять голографических проекторов! Я заснял вас со всех сторон и теперь готов к демонстрации полноценной трехмерной модели. И это лишь тень великолепия, на которую был способен ваш покорный слуга до тех пор, пока не попал в лапы этого...

Он горестно замолчал, потрескивая искрами в раскуроченной панели.

Лже-Витя погас, растворившись в воздухе сжимающейся точкой. Дети расстегнули армейские куртки и расселись по диванам. Опустошение после сражения продолжало клонить их головы, как и доброе тепло кабины.

– Друзья мои, – с ликованием произнес Гранд, стараясь хоть как-то растормошить утомленных детей. – Судари и достопочтимая сударыня! Не станем же беседовать о грустном! Молю, поведайте мне – угодившему в западную олуху и простофиле, что же стряслось там, в глубине поляны, после того как Мглистое страшилище устремилось за вами в погоню?

И дети по очереди, дополняя и немножко перебивая друг друга, рассказали Гранду, как заманили Механика на чан с охладителем, а затем сбросили вниз. Все это время Лифт восхищенно цокал, отпускал витиеватые комплименты и жизнерадостно моргал потолочными лампами. Казалось, несмотря на весьма плачевное и полуразобранное состояние, он пребывает в великолепном расположении духа, ликуя о победе над старым недругом.

– Это потрясающе, милостивые государи! – подытожил он, когда наши герои завершили повествование. – Я не в силах сдержать эмоций! Мой блок внешней связи основательно поврежден, но, как только я устрою себе косметический ремонт, о вашем подвиге узнает каждый Лифт нашего славного града!

– Да что вы, достопочтенный Гранд, – потупился Витька, – оно того не стоит... На нашем месте так поступил бы любой...

– О нет! – жарко перебил его Лифт. – Отнюдь не любой, примите мои заверения! Большинство людей, не говоря уже о ваших сверстниках, в панике бросилось бы прочь при одном виде Мглистого и изувеченного Лифта! Но вы! Вы! Вы одолели свой страх! И об этом узнают все.

– Вы преувеличиваете, – неуверенно оправдался Виктор.

Но на самом деле поставил на свое место (а также на место Димы и Насти) своих школьных приятелей, знакомых папы и мамы, учителей и даже урядников, следящих на Заботинске за порядком, и невольно признал правоту Великосветского Гранда. Большинство тех, кого Витя знал, ни за какие коврижки не полезли бы спасать незнакомый и уже почти разобранный Лифт...

– Кроме того, – вставил слово его брат, – нам бы хотелось сохранить свои похождения в тайне. А если об этом узнают все... – Он многозначительно замолчал, но Гранд с

легкостью уловил невысказанную мысль.

– Ах, речь идет о тайне! Понимаю, судари мои, понимаю, – тактично поправился он. – Обязуюсь хранить молчание, клятва благородного Лифта! Да что там? Отныне я и вовсе ваш слуга, а потому не только сберегу произошедшее в секрете, но вообще обязуюсь выполнять любую прихоть!

– Ой, правда? – Настины щеки уже потеряли молочно-известковый оттенок, а теперь на них даже вернулся румянец. – И на Заботинск нас доставить сможете?

– На Заботинск? – притворно и излишне бравурно удивился Лифт. – Да это же вообще элементарно!..

И замолчал, многозначительно водя лучом сканера по раскуроченной панели протокольного доступа, грубой дыре в шахте и прочим повреждениям.

– Кхм... – Гранду было не по себе, но дети не могли его винить. – Вынужден снова просить прощения, судари и сударыня... Разбрасываясь обязательствами, я совсем не учел крохотного факта – я не могу сдвинуться с места...

– Это ничего, – пожал плечами Димка. – Когда мы доберемся до дома, обязательно сообщим о вашей поломке.

– Спасибо, добрый рыцарь! Но чем же я могу помочь сейчас, если мои функции столь ограничены?

Витя задумчиво уставился в пол, но почти сразу поднял вверх указательный палец.

– А вы могли бы связаться с Лифтом по имени Компетенция? Она привезла нас сюда, она же сможет и вернуть на Заботинск!

– Верно! – подхватила Настя.

На этот раз Гранд не спешил с ответом, анализируя повреждения системы.

– Смогу, – наконец по-простецки и без привычного пафоса ответил он. – Но только если вы поможете мне, судари! Вас, барышня, я утруждать не вправе, а потому могу лишь предложить дожидаться братьев за просмотром юмористических программ, хранящихся в моей памяти. Вас же, юные господа, я попрошу застегнуть мундиры, выйти наружу и кое-что починить, следуя моим нехитрым инструкциям.

Мальчики застегнулись и снова подпоясались, а Настя поудобнее устроилась на диване, повернувшись к ближайшему амбивизору. Теперь, когда возвращение домой уже не было сопряжено с опасностями и стало лишь делом времени (причем, судя по всему, совсем непродолжительного), девочка расслабилась и обмякла.

Гранд приоткрыл створки, впуская вал холодного воздуха, и мальчишки вышли наружу. Брезгливо выбрав в поклаже Мглистого необходимые инструменты, они начали аккуратно чинить поврежденные провода. Учítывая, что перчаток у них не было, работать приходилось посменно, отогревая пальцы в карманах.

Лифт, проявив себя крайне педантичным и аккуратным инструктором, предельно точно указывал братьям, какой провод стоит удалить или заменить, а какой спаять или не трогать вовсе. Наблюдая, как под их руками оживает одно из самых уникальных творений Спасгорода, Витя и Дима улыбались. И от этих улыбок, дружеских и чуть усталых, таял не только иней над верхней губой, но и лед в мальчишечьих сердцах.

Произошедшее с детьми за время этого удивительного возвращения домой постепенно покрывалось туманом. Становилось будто бы ненастоящим, призрачным, а страхи послушно отступали. Добродушие и искренность, с которой Гранд благодарил их за спасение и пытался помочь, укрепляли пошатнувшуюся веру в то, что *добра* в их родном городе все-таки значительно больше, чем *зла* ...

Но совсем скоро (они почти закончили чинить радиостанцию, и Гранд по мере сил помогал им в этом своим единственным манипулятором) эта вера прошла еще одно испытание. Неожиданное, чуть не стоившее жизней всем троим. Учítывая, что в своих мыслях наши герои уже фактически добрались до дома, это представляется мне наиболее ужасным...

Гранд что-то рассказывал юным спасителям, пока те возились с его электронной

начинкой, как вдруг прервал историю и поинтересовался:

– Вы слышали, друзья?

Братья удивленно переглянулись и помотали головами. Кроме звуков поляны, уже ставших привычными, они не улавливали ничего. И когда Димка уже был готов ответить Лифту, до его слуха вдруг донесся необычный звук.

Клац-клац-клац, бам! Клац-клац, а затем снова – бам! Как будто нечто увесистое перепрыгивало с одной шахты на другую, а затем на техническую трубу и дальше. Длинными звериными прыжками перемахивая через резервуары и цепляясь за поверхность полых стволов чем-то острым, неприятно скрежещущим. Клац-клац-клац, прыжок – бам, клац-клац...

Губы Витьки дрогнули, когда нехорошее предчувствие охватило мальчика. Димка тоже все понял, испуганно обернувшись к кабине, в которой все еще находилась их сестра, даже не подозревающая о приближавшейся опасности.

– Выходит, мне не показалось, – признал Гранд. – Однако, друзья мои, что же это может быть?

А затем они услышали пение. Громкое, протяжное, на мотив самой-пресамой знаменитой колыбельной, известной каждому ребенку. Приятным женским голосом, который далеко разлетался под сводами Радиатора, кто-то пел:

Бабушка гостей ждала,
Им сюрприз приберегла.
Думала детей любить,
Вкусным супом накормить.

Витька ахнул, с пронзительным звоном роняя гаечный ключ, который держал в левой руке. А Дима скинул капюшон и завертел головой, пытаясь понять, откуда приближается новая напасть.

– Судя по вашей реакции, судари, я могу сделать вывод, что вам известен исполнитель этой песни? – негромко поинтересовался Великосветский Гранд. – А еще я вижу тревогу на ваших лицах. Хотя и не стану спешить делиться этой информацией с находящейся внутри меня юной очаровательной особой...

– Да, дяденька Гранд, – прошептал Витя. – Мы догадываемся, *что* может петь эту песню...

А колыбельная между тем становилась все ближе – казалось, перемещающееся по шахтам существо хаотично скачет по поляне, заглядывая во все щели. Клацая по трубам, она весьма мелодично затянула второй куплет:

Злостью дети отплатили,
Бабушку поколотили.
Но детишек я нашла,
Им гостинцев принесла.

Димка вернулся к Лифту, торопливо соединяя провода, так и оставшиеся безжизненно свисать из панели. Подхватил ключ, стал устанавливать на место крышку. Его брат, стараясь как можно быстрее завершить свою часть работы, начал сбивчиво объяснять Гранду, кто может распевать эту зловещую колыбельную. Распевать, прыгая с одной шахты на другую, как школьники играют на детских гимнастических городках.

Знаю я – вы где-то здесь,
Значит, скоро будем есть.
К бабушке быстрее идите,
Извиненья принесите...

Над скоплением резервуаров разнесся еще один куплет песенки, от которой в жилах стыла кровь. «Клац-клац» теперь звучало совсем близко, отчего Витька вконец занервничал, снова роняя инструменты.

– Это печально, друзья мои, – ответил Гранд, выслушав его сумбурный рассказ. – Но толстые стены Спасгорода скрывают и не такие секреты. Не говоря уже о населяющих их мрак существах... Чем же могу помочь вам я, ваш преданный слуга и раб до конца своих дней? Прячьтесь, мои двери не дадут вас в обиду!

– Нет! – решительно замотал головой Витя. – Вы не можете двигаться, а это значит, что мы попадем в ловушку. Своего рода консервную банку, вскрыть которую для Красимиры станет всего лишь делом времени...

Он почти завершил починку радиоблока, но дрожащие от холода и страха руки не хотели слушаться, и штекера все время попадали в чужие гнезда.

– Единственный выход, это связаться с Компетенцией, – продолжил мальчик, стараясь не слушать гипнотизирующего «клац-клац-клац», доносящегося со всех сторон. – И бежать в попытке обогнать оборотня...

– Согласен! – Димка, выполнив свою часть работы, полез помогать брату, аккуратно забрав из его трясущихся пальцев штекеры и сменные лампы. – Вы позовете Компетенцию, а мы опять положимся на собственные ноги... Ох, как же Настя перепугается.

Гранд какое-то время размышлял, анализируя темпы ремонта радиостанции. Внутри кабины ничего не подозревающая девочка продолжала смотреть кукольное выступление, смеясь задорно и чисто.

– Я знаю, как помочь вам, мои юные друзья! – вдруг восторжествовал Великосветский Гранд, мигнув лампами. – Я не позволю какому-то мерзкому порождению технических ярусов причинить вам вред, клянусь! Но для этого нам нужно сделать следующее...

И он заговорщицки (как будто бабушка Крася могла подслушивать неподалеку) поведал мальчикам свой простой, но весьма надежный план.

– Только попрошу быстрее, – поторопил Гранд, тоже прислушиваясь к «клац-клац», которое приближалось, казалось, по сужавшейся спирали. – И по одному, так мы достигнем лучшего эффекта. Но сначала, судари, позвольте известить вашу даму. Я клянусь своим мотором, что постараюсь не шокировать ее сверх меры.

Братья переглянулись и пожали плечами – они-то сказали бы сестре все как есть, прямо «в лоб», не особенно заботясь, сильно ли перепугается девочка. Не теряя времени, они предприняли еще одну попытку починки.

Какое-то время внешние динамики Лифта молчали – он общался с Настей. Затем двери открылись, и девочка вышла наружу. В армейской куртке и штанах, но без школьной формы, сброшенной на пол кабины. Бледная, но совсем не испуганная. Мальчишки так и не узнали, что сказал ей утонченный и велеречивый Лифт, но к внезапному появлению оборотня та оказалась готова лучше них.

– Если хотите, чтобы план сработал, – прищурилась она, ежась от холода. – От старой одежды придется избавиться... И давайте быстрее, тут не жарко, а нам еще бежать к стене.

– Ты уже покричала? – недоверчиво осведомился Виктор сразу у сестры и Лифта, и оба ответили утвердительно. – Хм, действительно мгновенный захват...

И он вошел внутрь, оставив Дмитрия подключать последние реле.

А затем, когда в кабине поочередно побывали все трое, а верная школьная форма осталась валяться на полу Гранда кучей тряпья, они выстроились перед Лифтом, взявшись за руки.

– Я уверен, у нас получится, – зашептал тот, вертя выдвижными объективами. – Главное, бегите молча и никуда не сворачивайте, пока не достигнете ближайшей стены. Сигнал бедствия выслан, Компетенция уже на пути сюда, она подаст световой знак.

– Спасибо вам, – улыбнулся Виктор, но вышло как-то грустно и устало. – Вы спасаете нас.

– О нет, – отрицательно замахал манипулятором Гранд. – Нет-нет-нет, и еще раз – нет! Это вы спасли меня, вырвав из лап настоящего монстра. То, что я собираюсь сделать взамен, не отдаст и сотой части долга, который я обязуюсь выплачивать вам, пока эта кабина цела!

– До свидания, дяденька Великосветский Гранд, – попрощалась Настя и даже попыталась сделать книксен (это такой вежливый дамский поклон, который она подсмотрела в кино). – Мы вас никогда-никогда не забудем!

– Бегите, мои герои! Удачи вам...

Димка, расставанием озадаченный гораздо меньше, чем приближавшейся бабушкой, лишь кивнул. К чему пустые слова, когда поступки говорят за себя – именно так рассуждал мальчик, с тревогой ожидая вот-вот увидеть обезображенное старушечье лицо.

А потом они бросились прочь от Лифта, как он и советовал – к ближайшей внешней стене, петляя среди многочисленных резервуаров и стараясь не отклоняться от выбранного маршрута. «Клац-клац-бум» раздавалось где-то слева и над головами, и от этого монотонного звука очень хотелось кричать. Но наши герои знали, что сейчас только тишина станет их спасителем, а потому стискивали зубы, не позволяя себе даже усталого стоны...

Теперь нужно рассказать, что в этот момент делала злобная Красимира (да-да, как наши путники и предположили, это оказалась именно она). Прыгая с одной шахты на другую и удерживаясь на их холодных стенках с помощью когтей, она жадно вынюхивала мерзлый воздух Радиатора, в котором явственно ощущался запах обидевших ее ребят. Словно сумасшедшая, оборотень бормотала себе под нос всякую всячину, общий смысл которой сводился к тому, что дети очень плохие, а она обязательно должна их наказать. Запах становился все сильнее и отчетливее, а потому бабушка постепенно сужала круг поиска, выискивая в царстве сверкающего инея хотя бы одно яркое пятно. Ох, если бы наши герои только представляли, как же близко от них проскочила однажды баба Крася, по счастливой случайности не успев заметить...

А затем она увидела детей. Всех троих, испуганно сбившихся в кучку в кабине Лифта с развороченной стенкой шахты.

– Милые малявочки, наконец-то я вас нашла, – пробормотала, принявшись спускаться с резервуара. – Теперь-то вы никуда не денетесь, мои хорошие...

Лифт, в котором намеревались спрятаться ее обидчики, был сломан и даже не мог закрыть двери. Все тужился, тужился, моторчики его гудели, но створки заело, и он продолжал оставаться нараспашку. Дети жались друг к другу, словно это могло защитить их от гнева Красимиры. Перебирая мохнатыми паучьими лапками, старуха поползла к раскуроченной шахте.

– Пойди прочь, мерзкое создание! – закричал вдруг Лифт, заставив бабу Красю испуганно замереть на месте. – Еще шаг, и я испепелю тебя электрическим током!

Близняшки, видневшиеся внутри, испуганно завопили на три голоса, тыча в оборотня пальцами. Глупые малыши, полагавшие, что раненый Лифт их спасет!

– Не двигайся, чудовище! – продолжал угрожать Лифт, моргая ярко-желтыми лампами. – Убирайся во тьму, тебя породившую, и не смей приближаться к этим славным детям!

Существо, уже вовсе не похожее на добрую бабушку, нервно переминалось на месте. Добыча была так близка, буквально в считанных шагах, и оно жадно впитывало запахи страха и отчаянья, исходившие от неразумных обреченных детишек. Однако Лифт продолжал сыпать угрозами, а за время своей долгой жизни оборотень научилась тому, что иногда помощники людей умеют очень больно огрызаться. Еще бабушка чувствовала посторонний запах – не человеческий, но и не механический. Что-то чужое, смертельно-опасное даже для нее. Уставившись на разбросанные по полу инструменты и брезентовые сумки, она вспомнила, где и когда встречала их хозяина. Затравленно обернулась, но по всему выходило, что способный навредить ей великан покинул это место, и она снова дала волю голоду и ярости.

– Убирайся, предупреждаю в последний раз! – до смешного грозно взмахнул

тонюсеньким манипулятором Лифт. – Если хочешь сохранить шкуру, немедленно пойді прочь! Еще шаг, и я ударю!

Но бить старуху никто не спешил, и она выжидающе пригнулась, внимательно разглядывая его конструкцию. Осмотрела пролом в шахте, еще раз изучила заклинившие двери, жалкие фигурки детей внутри.

– Глупый самонадеянный Лифт, – наконец проскрежетала Красимира, пригибаясь еще ниже и готовясь к финальному прыжку. – Думал обмануть бабушку? Полагал, я не знаю, что твоя модель не оснащена средствами самообороны?

И плотоядно улыбнулась, роняя на покрытый изморозью пол струйки тягучей слюны.

– Ах, как же славно я сегодня покушаю, – добавила она, обращаясь к угодившим в ловушку детям. – Перестаньте кричать, несносные молокососы, у бабушки болит голова.

– Ну все! – грозно вскричал Лифт-обманщик, а его голос эхом прокатился по Радиатору. – Ты сама напросилась, теперь не обессудь!

Он заискрил панелью, из-под которой виднелись обрывки проводов. Но удара током, как Красимира и предположила, не последовало. И тогда оборотень прыгнула к дверям.

– Попались, маленькие гаденыши!

Хищница оскалила зубы, готовясь перекусывать и пережевывать, и на всякий случай растопырила верхние лапы. Даже если дети попробуют сбежать – им не вырваться из уютной кабины, превратившейся в западню!

Красимира влетела в Лифт, но на смену ее азарту и злобной радости тут же пришло несказанное удивление. Потому что мохнатые конечности, увенчанные когтями, схватили пустоту, а перепуганные дети разом испарились в воздухе, и только их крики все еще неслись из динамиков. Баба Крася заверещала, разгадав обман. Развернувшись, попробовав выскользнуть. Но было поздно. Великосветский Гранд, тянувший время, сколько мог, молниеносно захлопнул двери, как моллюск смыкает створки своей крепкой раковины. Вой оборотня отрезало, как бритвой, когда Красимира скрылась за толстыми дверями (как оказалось, вполне исправными).

Мерзкая тварь принялась бесноваться, круша экраны и диванчики, на которых еще недавно отдыхали наши герои. Школьная форма, обманувшая ее запахами детского отчаянья, клочками полетела по кабине, разорванная в припадке злобы. Ненавистные дети перехитрили ее, заманив в капкан, из которого не так-то легко выбраться...

– Лютуй, чудовище! – победно закричал Гранд, с горечью наблюдая, как оборотень крушит его внутреннее убранство. – Неистовствуй и рычи, но тебе не выбраться! Гранд обещал, что ты не причинишь детям вреда. Гранд сдержал свое слово. Мы победили!

А наши беглецы, в этот момент наконец-то достигшие внешней стены, испуганно замерли на месте, обернувшись к центру поляны.

– Кажется, у него получилось, – со смесью восхищения и гордости прошептал Витька. – Сработали амбиграфические проекторы!

А они действительно сработали. Вы ведь уже догадались, какой план придумали дети и Лифт? Я уверен, наверняка догадались – Гранд поочередно заснял своих спасителей на пятнадцать чудесных амбикамер, а потом подложил Красимире виртуальных лжедетей, чей «запах» исходил от брошенной школьной формы.

– Слышали, как она редела? – спросила Настя, ежась то ли от холода, то ли от страха. – У меня чуть ноги не отнялись, когда снова ее голос раздался...

– Ничего, сестренка, – Дима успокаивающе погладил сестру по плечу. – Теперь эта тварь надолго в плену. А может быть, даже навсегда...

– Хорошо бы... – с сомнением протянул его брат. – Но мешкать все равно нельзя. Видите фиолетовый свет? Это сигнал Компетенции!

Они повернулись в указанном направлении, рассматривая фиолетовое сияние, разливавшееся по стене в десятке резервуаров поодаль. Прислушались к звукам поляны, над которыми теперь раздавались лишь победные крики Гранда, и побрели дальше, ежась от прохлады. Всезнающий Лифт, как и предупреждал Великосветский, оказался там, где и

высадил детей на поляну. Створки Компетенция приоткрыла совсем чуть-чуть, словно до конца так и не поверив своему собрату. Вместо приветствия (когда путешественники приблизились к ее шахте) она тихо и перепуганно спросила:

– *Его* точно больше нет?

– Совершенно точно, – с неумело скрываемой гордостью ответил Димка за всех троих. – Видели своими собственными глазами.

– Всесильные Реакторы, – возликовали динамики кабины, а планшеты протокольного доступа озарились ярким фиолетовым светом. – Неужели вам удалось найти на него управу?

И она тут же впустила детей внутрь, спеша уберечь от холода морозильной установки. С шипением загерметизировались двери. Так как диванами Компетенция оборудована не была, наши страдальцы устало повалились прямо на пол, прислоняясь к стенкам. На этот раз пересказывать историю с победой над Мглистым Механиком пришла очередь Насти. Братья слушали, иногда поправляя сестру, а она кратко (но весьма красочно) поведала Компетенции, как им удалось одолеть страшную спасгородскую беду.

Мурашки все еще бежали по детским спинам. Яркие воспоминания накатывались волнами, заставляя раз за разом заново переживать сражение с чудищем. Но внутри Компетенции было тепло, безопасно и светло, а потому произошедшее все больше казалось чем-то сказочным, случившемся вовсе не с ними. И в это можно было бы поверить окончательно, если бы не крохотные шрамы, брызгами усеивающие щеки мальчиков...

– После этого Великосветский Гранд вызвал вас по радио, и вот – мы тут, – закончила Настя, то ли из скромности, то ли из страха намеренно упустив историю с появлением Красимиры. – Спасибо, что вернулись, тетенька Компетенция.

– Это я должна вас благодарить, – с теплотой ответила Лифт. – Вы *такое* сделали... Впрочем, Гранд предупредил меня, что вы не желаете афишировать собственные похождения, а потому...

– Да, – кивнул Виктор. – Мы были бы признательны вам, если бы услышанное осталось в тайне. Равно как и наше знакомство с вами...

– А может быть, – все-таки не утерпел Димка, – мы отправимся домой?

Сестра и брат покосились на грубияна, но молчаливо поддержали – несмотря на все подвиги и приятную благодарность Лифтов, они очень (пожалуй, сильнее всего за бесконечное путешествие) хотели вернуться на Заботинск...

– Конечно, дети! – спохватилась Компетенция. – Новость об исчезновении Мглистого так растрогала и шокировала меня, что заставила забыть о главном. Отправляемся немедленно!

И кабина тут же взмыла вверх, мягко набирая скорость. Под ложечкой сразу сладко засосало, но не из-за ускорения, а от ожидания. И пусть говорят, что дорога *обратно* и уже тем более – домой обычно кажется короче, этот подъем с Радиатора на Заботинск показался нашим героям почти что вечным.

Но свой финал имеет все – и дорога, и приключение, а потому Компетенция остановилась, мягко подытожив:

– Мы прибыли, дорогие дети. Это ваш поселок, и я не вижу еще одного повода, чтобы избежать возвращения к папе и маме...

Близнецы улыбнулись ее камерам, а затем встали на пороге, взявшись за руки.

– Спасибо еще раз, уважаемая Компетенция, – сказал Витя. – Без вас мы бы не только не добрались до дома, но и не смогли бы найти Мглистого. Пусть не ослабеют ваши тросы.

– Всего доброго, ребята, – проговорила Лифт в ответ. А потом назидательно (но совсем не занудно) добавила на прощание: – Душа живого существа похожа на хрупкую и бесценную вазу. Одни наполняют ее чистейшей водой мудрости, доброты и сострадания. Другие – канализационными стоками алчности, разочарования и злобы. Сделайте верный выбор, юные герои, не забывайте наполнять свои души только самым чистым и светлым нектаром.

Теплый фиолетовый свет в кабине вспыхнул чуть ярче – так Лифт выражала

переполюнявшие ее эмоции. Наши герои, гордые тем, что сумели заслужить похвалу недоверчивой Компетенции, переглянулись и крепче стиснули пальцы.

– Учитесь хорошо. – Звук динамиков стал тише, будто близость скорого расставания заставляла Лифт печалиться. – И не забывайте чистить зубы – ученые доказали, что всего одна минута чистки в день укрепляет эмаль и предохраняет ваши зубки от кариеса и заболеваний десен...

И она распахнула двери, открывая вид на замусоренный круговой Пустырь, за которым лежал родной поселок ее пассажиров. Глубоко вздохнув, странники одновременно перешагнули порог, и в этот миг в их светловолосых головах вихрем пронесся целый калейдоскоп воспоминаний об этом необычном путешествии.

Погруженные в свои мысли (они даже не услышали, как Компетенция аккуратно сомкнула двери и уехала на другую поляну), они вспоминали все горести и радости трех минувших дней. Ужасных червей, обслуживающих Реакторы и потерявших человеческий облик. Не менее ужасных носатых крыс, с самого рождения и до самой старости роющихся в мусорных кучах, которые сбрасывали на них остальные жители Спасгорода. Механизированную фабрику, куда уже много лет не ступала нога человека, где царили Сортировщики и обитал последний в своем роде Оперативный Бот. Сумасшедших военных, одержимых мыслями о врагах, посвятивших себя учениям и муштре, готовых сначала взрывать и стрелять, а уже потом думать.

Вспоминали Жадного, Подметку, капрала и полковника. Вспоминали совершенно недопустимо нарушенные протоколы и поездки на Лифтах, вспоминали Ворчуна, Компетенцию, Озорника и Гранда. И также, к сожалению, жутких порождений самых мрачных закутков их необъятного города – Мглистого и Красимиру. От этих образов все трое поежились, мысленно умоляя Гранда как можно дольше удерживать оборотня в ловушке – пока, например, не подоспеет Стража Смотрителей...

Они до самых незначительных мелочей вспомнили свое удивительное и полное опасностей путешествие наверх. Поход, о котором грезит едва ли не каждый ребенок на свете, в действительности даже не догадываясь о том, с какими ужасами он может столкнуться... Они вспомнили слезы и кровь, подъемы и спуски через десятки полей, во время которых проявили свои самые лучшие качества и не дали друг друга в обиду, поддерживали в нелегкую минуту, справились с трудностями и вообще оберегали родных, как самое ценное сокровище.

– Готовы? – наконец тихонечко спросил Витька, стоявший в центре.

Настя и Димка кивнули, и дети неторопливо зашагали через Пустырь. Поселок еще спал, но уже готовился к пробуждению – лучи Светоча постепенно набирали силу, искусственным рассветом лаская красные и желтые черепичные крыши двухэтажных домиков. Пришла пора возвращаться...

В окнах окраинных домов уже начинал зажигаться свет – это просыпались труженики самых ранних вахт. Они вставали с кроватей, умывались и завтракали, чтобы совсем скоро отправиться в центр поляны, к Ратуше и скоплению шахт, разъехаться по своим рабочим полянам и начать снова приносить пользу городу.

Но наши герои точно знали, где окна не гасли уже несколько дней кряду. И свет этих окон, словно путеводный маяк, вел их вперед по знакомым переулкам и улочкам, сейчас пустынным и тихим.

Впрочем, одного прохожего они все же заметили. Сначала замерли, готовые к новому испугу (слишком многому научило их это необычное странствие), но затем Настя признала в пузатой фигуре одного из поселковых урядников, присматривавших за порядком.

Павел Александрович (так его звали, но между собой величали просто Санычем) тоже заметил детей, рядом бредущих посреди пустой проезжей части для грузовых самокатов. Недовольно повертел головой, хмыкнул, покрутил длинный коричневый ус и неспешным шагом направился навстречу. Видано ли, чтобы в столь ранний час дети разгуливали по поселку без сопровождения взрослых?

Но когда до урядника оставалась пара десятков шагов, а тройняшки вошли в бледное световое пятно одинокого фонаря, тот вдруг рассмотрел чумадые лица. Рот мужчины приоткрылся, усы смешно встопорщились, а руки опустились вдоль туловища, словно потеряв силу.

– Ба! – удивленно воскликнул урядник, узнав детей. – Настя! Витька! Димка! Вы ли это?!

И он вскинул руки, словно собирался обнять всех троих (но, конечно, не собирался, и дальше вы поймете, почему). На лице его появилась искренняя улыбка облегчения – по всему выходило, что о пропаже детей на Заботинске уже знают многие...

– Всесильные Конструкторы! – Саныч хлопнул себя по бедрам, продолжая улыбаться. – Это правда вы? Гаечки-святы... Вот так находка! Обнаружилась пропажа-то! Где ж вас, болезные, столько дней носило? – продолжал громко причитать он, укоризненно мотая головой, но не спеша приближаться. – Да весь поселок уже на ушах стоит. Родители ваши места себе не находят! А они тут как тут, прошу любить и жаловать...

«Они», послушно остановившись в кольце света, неуверенно переминались с ноги на ногу. Взгляды, которыми близняшки обменивались под градом причитаний урядника, были много красноречивее слов.

– Здравствуйте, Павел Александрович, – на этот раз за всех ответил Димка, стараясь говорить неуверенно и плаксиво. – А что, несколько дней прошло? Мы ж не помним ничегошеньки... Вот прямо как отрезало... Только-только в школу собирались, а потом – бац! И вот уже перед вами стоим...

Витька незаметно улыбнулся – врать, разумеется, было некрасиво, но выкладывать правду, да еще и не родителям, а толстому уряднику – это явно лишнее. Настя же нервно оглядывалась. Казалось, пока с окраины поселка будет виден Пустырь и внешняя стена города с ее скрытыми шахтами и техническими лабиринтами, девочка не успокоится.

– Что это на вас надето-то? – прищуриваясь, поинтересовался Павел Александрович. Он как будто раздумывал, загудеть ли ему в специальный свисток или все же не будить спящий Заботинск. – Ой, святы-платы, что это за куртки-то такие жуткие?.. А уж чумадые какие!.. Говорите, не помните ничего?

Трое путешественников дружно закивали.

В свисток, кстати, дудеть оказалось не нужно. Сначала зажегся свет в ближайшем доме, разбуженном зычным басом урядника. Из окна второго этажа высунулась мужская голова, рядом женская. Супруги обменялись недовольными и удивленными репликами, причем весьма громко. Это заставило проснуться их соседей в глубине переулка, тоже решивших выглянуть наружу. А когда до посельчан стало доходить, кого именно обнаружил Саныч на утренней улочке, весть о нашедшихся детях понеслась по Заботинску ураганом.

– Ох и влетит вам, непутевые, – покручивая ус, крикнул Павел Александрович, поглядывая, как одна за другой по поселку просыпаются целые улицы. – Ой, влетит...

А потом люди стали выбегать наружу. Держались на безопасном отдалении, кучкуясь за спиной урядника, негромко переговариваясь между собой и обсуждая необычный вид пропавших (и вдруг нашедшихся) близняшек из дома № 119. Посельчан все прибывало, и вот уже Саныч размахивал руками, не позволяя человеческому кольцу сомкнуться вокруг найденышей ту же необходимого.

Дети, которых взрослые на улицы не выпускали, с любопытством наблюдали за встречами из окон, и среди них наши герои увидели немало своих одноклассников. Посыпались вопросы, сначала нерешительные, затем громкие и требовательные. Через считанные минуты жители Заботинска гудели многоголосой трансформаторной будкой.

Однако теперь Саныч, только что журивший и допрашивавший близнецов, встал на их защиту.

– Чего привязались? – грозно топорщил усы урядник, ходя по кругу и не подпуская взволнованных посельчан близко. – Не видите, что ли, дети стресс перенесли? Шок, едрить-перегидрить, не помнят ничего... А ну, потише! Все расскажут в свое время. Главное,

живые-невредимые вернулись, вот и славно...

– В карантин их! – выкрикнула какая-то женщина, и в ее голосе звенел настоящий взрослый испуг. – Вдруг они заразные?

– Да! В карантин их, Саныч! Где шлЯлись, что подцепить могли? – зазвучали в толпе редкие раздраженные реплики.

Но урядник заливисто дунул в свисток, и недовольные мигом стихли.

– А ну, цыц! Выискались, тоже мне, умники, – добродушно рявкнул он. – Сам не понимаю будто! Будет карантин, будет обследование. Дайте хоть с родителями повидаться, бессердечные!

И подмигнул близнецам, подкручивая ус. Те улыбнулись в ответ. Хоть урядник и не бросался обнимать детишек, держа любопытствующих на порядочном расстоянии (да-да, это было сделано на случай, если ребята притащили в поселок какую-нибудь заразу, которой в Спасгороде боялись, как у нас – пожаров), мысли прочитать сумел и в участок забирать не торопился.

А затем толпа расступилась, как под носом лодки разбегается волна. Заботинцы подались в стороны, примолкая и стыдливо опуская глаза, а Саныч удовлетворенно кивнул.

Потому что внутрь человеческого круга вышли Петр Петрович и мама, закутанная в тонкую серую шаль.

– Мама! – закричала Настя, бросаясь к родителям, но мальчишки успели схватить сестру за рукава. – Да пустите же, дураки!..

– Нельзя, сестренка, – твердо прошептал Витька. – Правы люди, нам сначала в карантин нужно...

Петр Петрович, постаревший и осунувшийся, повернулся к уряднику.

– Павел Саныч, – в наступившей тишине попросил он. – Дозволь детей обнять? Домой уведу, утром врачей вызову, сам в карантин пойду, если нужно...

Блюстителю порядка помычал в усы. С одной стороны, он не мог допустить нарушения инструкций. С другой – отлично понимал желание родителей быть вместе с детьми.

– Да что ж делать-то с вами... ведите домой, прикажу оцепление выставить... На работу сообщите, что в карантин уходите, чтобы прогул не влепили...

Но это Петр Петрович и его супруга понимали и так. Как только Саныч великодушно махнул рукой, они устремились к нашим героям, и те ринулись навстречу, уже не сдерживая слез. Обнялись, прижимаясь к папе и маме крепко-крепко, и замерли, наконец-то почувствовав себя в настоящей безопасности.

Юлия Николаевна заметно похудела, словно эти несколько дней даже не притрагивалась к еде. Заплаканная и усталая, она без конца гладила «пропажу» по головам, нашептывая что-то ласковое и бессвязное. Папа эмоции сдерживал более умело, на беглецов глядел строго и с укоризной...

– Что же вы так, родные? – шептал он, рассматривая их необычную одежду. – Разве ж можно так поступать? Мы уже извелись все, места себе не находим. Мама не спит третьи сутки, с ног валится. Весь поселок вас ищет, каждый закуток обшарили, в каждый канализационный люк заглянули. Ведь понимаете, что вас ждет суровое и длительное наказание?

И все равно, несмотря на строгость, с которой папа отчитывал сорванцов, те чувствовали, что он очень рад их видеть.

– Даже не сомневались, папочка, – улыбалась Настя, растирая слезы по щекам. – Хоть на месяц под домашний арест! Но мы честно-честно не хотели вас пугать...

Мальчишки только шмыгали носами, обнимая маму и все еще не очень-то веря, что вернулись домой.

– Пойдемте, – сконфуженно пробормотал Петр Петрович, когда первые эмоции утихли. – А то неловко как-то реветь на виду у всего поселка...

Они взялись за руки: мама слева, папа справа – дети посередине. Посмотрели на урядника. Тот, понимающе улыбаясь из-под усов, приглашающе вытянул руку – идите, мол,

непутевые. И когда все пятеро уже зашагали по улице, провожаемые шорохами толпы, Настя вдруг еще раз обернулась. Да так, что застыла на месте, будто провалившись в пол по колено. Ресницы ее затрепетали, она с неумолимой силой сжала ладошки братьев, заставляя проследить за поворотом своей головы. Едва Витя и Дима тоже оглянулись на внешнюю стену, их сердца чуть не остановились от ледяного ужаса. Настолько сильного, что по сравнению с ним все прежние опасные приключения казались невинными шалостями.

Потому что в проеме технического люка внешней стены, почти целиком погруженный во мрак, далеко-далеко за Пустырем стоял некто высокий и широкоплечий. Угловатую фигуру скрывала густая тень, но воображение тут же дорисовало детям, как злобно и неприятно улыбаются облепленные слюзю губы. Как охлаждающая жижа покрывает рабочий фартук, стекает с перчаток и запчастей-трофеев на поясе, пятнает бледное лицо и хлопает в ботинках.

– Что случилось, мои хорошие? – испуганно встрепенулась Юлия Николаевна, заметив, как побелели лица тройняшек. Страх, сковавший найденышей, мгновенно передался и материнскому сердцу, и женщина спешно повернулась к Пустырю. – Что вы там увидели?

Но в толще внешней стены уже ничего было не разглядеть. Технический люк закрылся, поверхность городской границы казалась надежной и непроницаемой, и ничто не выдавало недавнего присутствия чудовища. Чудовища, которое они совсем недавно мнили побежденным...

Дети, в чьи уши будто напихали ваты, затравленно переглянулись. Они не знали, было ли это видение настоящим или с их уставшими глазами сыграл дурную шутку мираж перегретого теплотрассой Пустыря...

– Ничего особенного, мама, – тихо ответил Витя, без преувеличения шокированный и потрясенный. – Но мы так устали, что теперь боимся каждого шороха...

А Петр Петрович, еще несколько долгих секунд наблюдавший за Пустырем, вдруг покачал головой и многозначительно произнес:

– Кажется, нам предстоит серьезный разговор...

– Перестань, Петенька... Они же только-только вернулись! – не догадываясь, о чем задумалась окружающая ее родня, посетовала мама. – Идемте скорее. Вы, должно быть, очень хотите есть!

И несмотря на то, что увиденное начисто отбило аппетит у всех троих наших героев, они послушно зашагали за родителями в глубь родного Заботинска.

– Расходитесь! – За их спинами урядник Саньч разгонял зевак обратно по домам. – Больше дивиться не на что! Ступайте к себе, скоро на работу. Дайте людям отдохнуть, а новости из газет узнаете...

Глава 9, заключительная, в которой происходит серьезный и очень взрослый разговор с папой, а кое-кто отправляется спать

Петр Петрович налил себе чайного напитка и уселся за кухонный стол. Полная чашка стояла точнехонько перед ним, сильные руки рабочего замыкали ее в кольцо, пальцы чуть подрагивали. Отец семейства молча разглядывал детей, притихших по другую сторону стола, и не спешил начинать непростую беседу.

Юлия Николаевна уже спала наверху. После того, как все пятеро добрались до дома и «возвращенцы» были накормлены, папа дал супруге успокоительного лекарства. Поднявшись в спальню, она наконец-то забылась глубоким беспокойным сном, постанывая и сминая простыню. Очень непросто дались Юлии Николаевне несколько бесконечных дней, которые она провела в переживаниях и тревогах за непослушных отпрысков.

Настя, Дима и Витя, сидя перед едва тронутым завтраком, послушно ждали, когда папа заговорит.

Кусок не лез в горло, но они все-таки заставили себя немного поесть. Хотя бы для того, чтобы вновь не расстраивать родителей.

Воспоминания о Мглистом (если, безусловно, тот не привиделся им с перепуга) никак не хотели отпускать. Однако постоянное присутствие отца не позволяло детям перекинуться между собой и парой слов. А потому троица молчала, послушно допивая напитки и ковыряясь в тарелках.

Близнецы уже переоделись в домашнее, но, похудевшие и бледные, смотрелись в пижамах, будто пациенты больницы. Военную форму (как и чудесные ремни-трансформеры) Юлия Николаевна без жалости сожгла в подвальной домашней печи для пищевых отходов. Димке было жалко, он даже пробовал умолять оставить хоть один ремень, но мама оказалась непреклонна, и воспоминания о Казарме сгинули в ярком пламени...

Из окон кухни виднелся усатый Саныч, платком утиравший со лба пот. Он и еще двое урядников, экстренно вызванных на службу, продолжали обносить дом ярко-желтой пленкой, старательно ограждая зону карантина. Цвет предупредительной ленты вызывал воспоминания об огнях Великосветского Гранда. А они, в свою очередь, – о кровожадной Красимире, надежно запертой в кабине благородного Лифта.

Чуть позже, когда беглецы отдохнут и окончательно свыкнутся с возвращением, в дом нагрянут специальные медицинские службы. Взрослые дяди и тети в герметичных комбинезонах бактериологической защиты придут в их комнаты. Возьмут пробы крови и проведут тщательные анализы. И если за время своих странствий (дети все еще настаивали, что ничего не помнят) путешественники не подхватили никакой заразы, дом всего лишь обработают стандартными антимикробными порошками. А уже через пару дней виновникам суеты предстоит вернуться в школу.

Но пока они тихонечко сидели на кухне – Петр Петрович с нетронутой кружкой и трое притихших сорванцов, от нечего делать пересчитывавших цветочки на клеенке, которой был покрыт стол. От того, сколько новых морщин прорезалось на молодом лице их папы за время бесплодных поисков, нарушителям спокойствия было крайне неудобно.

– Ну? И что же мне теперь с вами делать? – Тот наконец подал голос, и Настя вздрогнула от неожиданности. – Вот уж не думал, что дождусь от вас такого сюрприза...

Он устало покачал головой, отчего всем троим стало нестерпимо стыдно. Однако за время завтрака дети успели настроиться на разговор с отцом, а потому Витька негромко и очень вежливо ответил:

– Па... пожалуйста... ты что хочешь с нами делай. – Он поерзал на стуле и обернулся к брату и сестре за молчаливой поддержкой. – Хоть наказывай, хоть прогулок лишай или амбивизора. Только, пожалуйста, не сердись. Мы же туточки, целые и невредимые – Лифты уберегли... А что так случилось, я тебе честное слово даю – мы не специально.

– Правда-правда, папочка, – горячо вступилась Настя, накручивая косичку на палец. – Мы не специально. Пожалуйста, не злись...

– Целые? – хмыкнул Петр Петрович, с укором рассматривая шрамы мальчиков.

Юлия Николаевна уже успела обработать их специальным раствором, продезинфицировав ранки, и теперь щеки братьев белели от заживляющей мази. Если повезет, от отметин Мглистого в скором времени останутся лишь едва заметные следы.

– Да пустяки, – насупившись, парировал Димка. – Я в спортзале больше синяков набиваю... Витька прав, пап, мы на самом деле не хотели вас пугать или куда-то убежать. Честное слово...

– Честное слово? – Петр Петрович покатал это волшебное словосочетание на языке. – Допустим, я вам верю, Дмитрий Петрович... Но что-то подсказывает мне, что ждать от вас содержательного рассказа не стоит? Так?

И он с внимательным прищуром посмотрел поочередно на своих близнецов.

Те, обменявшись полными мольбы взглядами, только опустили головы, не проронив ни звука. Петр Петрович вздохнул, будто такая реакция была для него вполне ожидаема. Неторопливо отхлебнул чайного напитка, поставил кружку обратно.

– Итак, слушайте. – Он обернулся на окно, за которым все еще трудились урядники. Затем изучил дверь, проверяя, заперта ли задвижка. – Можете ничего не отвечать, мне вашего молчания предостаточно... И маме про эту беседу ни слова, нечего лишний раз нервировать...

Настя хотела недовольно поинтересоваться, как это так – секреты от мамы? Но Димка нахмурился, под столом несильно пнув девочку по ноге, и она понимающе насупилась. Папа, с откровенным интересом наблюдавший за их реакцией, сделал еще один глоток чая, после чего приступил к главному.

– Судя по внешнему виду, от пуза вы не жировали. – Он протянул руку и ласково погладил дочку по похудевшей щеке. – Но и в голодные обмороки не падаете. Из чего я заключу, что вас кто-то прикармливал. Возможно, не один раз. Школьную форму вы умудрились потерять, взамен вернувшись в совершенно нелепой одежде, которую вооруженные силы Спасгорода не носят уже лет сто. – Петр Петрович многозначительно поднял вверх узловатый палец. – Значит, получили доступ или к свалкам, или к заброшенным складам. Размышляем дальше... Вы напуганы и чураетесь любого скрипа, будто наслушавшиеся страшных сказок малыши. Из этого я делаю вывод, что вашей жизни угрожала опасность... И, что самое неприятное, она может угрожать до сих пор. Я прав?

Дети одновременно поджали губы, невольно выдав себя. Но стойко промолчали и на этот раз, виновато посматривая на отца из-под светлых бровей. Сейчас сходство мальчиков с Петром Петровичем было наиболее заметно – те же поджатые губы, тот же непокорно выставленный вперед подбородок.

Тон отца оставался строгим, требовательным, приковывал внимание и заставлял нервничать, но скорого наказания в воздухе не витало, и наши герои внимательно ловили каждое слово.

– Ладно, как хотите. Сам позволил не отвечать. – Ладонь Петра Петровича мягко хлопнула по столу, выдавая его скрытую нервозность. – Исходя из своих наблюдений, я делаю вывод, что эти несколько дней нелегкая носила вас за пределами Заботинска. Возможно, очень даже далеко. Скорее всего – внизу. Как вы туда угодили, пока даже предположить не могу. Но факта это не меняет.

Да, взрослые часто видят детей насквозь, в чем им помогает мудрость возраста и житейский опыт. Особенно – своих детей, каждый шаг которых им ведом с пеленок.

Но даже зная об этой интересной (иногда такой неудобной) особенности своего папы, путешественники испуганно поежились. И все равно, словно партизаны на допросе, сдержали данную друг другу клятву, смолчав и ничего не ответив.

– Если мои опасения верны, – задумчиво продолжил Петр Петрович, посматривая то на Настю, то на мальчиков, – вы могли видеть кое-что... кое-что, что не положено видеть маленьким детям, ничего не знающим об устройстве нашего города и его законах.

Витька облизнул сухие потрескавшиеся губы, покосившись на сестру и брата. Те сидели, стараясь не шевелиться, словно играли в «кто первый моргнет». Задумчивые, вспоминающие. Да, они *кое-что* видели. Поляны, о которых давным-давно забыли. Выходящие из строя аппараты и целые фабрики. Людей, переставших таковыми являться. Существ, рушащих Лифты и охотящихся на первого встречного. А еще они слышали разговоры – много непонятного и загадочного, ставившего под вопрос авторитет Гильдии Смотрителей, их таланты решать трудные задачи и защищать Лифты, а также контролировать жизнь Спасгорода. И на этот раз скрыть потаенные мысли не удалось – понимание и искру догадки Петр Петрович в глазах своих детей все-таки разглядел. Заметил и многозначительно кивнул...

– Поймите, разбойники... мир не так прост, как это кажется большинству ваших сверстников. И понятия добра и зла в нем далеко не так однозначны, как это описано в художественных книгах.

Теперь папа говорил совсем тихо, почти шепотом. Но произнесенное им падало в души близнецов, как свежие семена во вспаханный плодородный чернозем парниковых хозяйств.

– Случается – и история знает массу примеров, – что управляющий городом или страной вовсе не мудр и благороден, как многим бы хотелось. А вольнодумец, не подчинившийся его требованиям, далеко не всегда бунтарь или преступник. Конечно, в Спасгороде существуют законы, и их нужно беспрекословно соблюдать. Но суть нашего города настолько необычна, что понимание механизмов его внутреннего устройства придет к вам далеко не сразу.

Петр Петрович попытался снова уловить в реакции слушателей искорку понимания, но теперь они упорно изучали кухонный пол или задумчиво покусывали ногти. Не отрицаю, что, возможно, рассказ отца оказался слишком несвоевременным для возраста наших героев. Но своим побегом те сами вынудили его поднять почти что запрещенные в Спасгороде темы...

– Видите ли, мои хорошие, – сказал папа, задумчиво потирая переносицу (именно у него этот характерный жест перенял Витька). – Если увиденное угрожает твоей личной безопасности, об этом не всегда можно рассказывать. Понимаете... в нашем необычном обществе не всегда тот, кто обязан защищать и справедливо судить, встает на твою сторону. Не всегда истину, открывшуюся избранным, стоит нести остальным. Иногда ее не заметят, но чаще всего – осмеют или вообще посчитают запретной...

Петр Петрович изъяснялся путано. Во-первых, потому что до сих пор не мог решить, что именно стоит рассказать непосадам о мироустройстве, а что стоит придержать. Во-вторых, потому что сам многого не знал и лишь догадывался, как и все неглупые и образованные люди. И, в-третьих, потому что очень нервничал – он искренне переживал за беглецов и маялся в мучительных догадках, куда именно страшный ветер обстоятельств мог занести тех за время отсутствия...

– Не знаю, что видели вы за время своих скитаний по полянам Спасгорода и на каких запретных территориях побывали, – с теплотой продолжил папа, давая понять детям, что находится на их стороне. – Но сегодня попрошу вас об одном. Всего один раз, но мне кажется, вы поймете... Прошу – сохраните увиденное в своих сердцах и памяти и ни с кем не обсуждайте.

Дети насупленно и удивленно переглянулись. Наверное, они ожидали не совсем такой родительской реакции. Но сам факт того, что Петр Петрович решился войти в их крохотный кружок заговорщиков, наполнял души уверенностью и изгоняло страх. Забрехала надежда, что отцу, хоть и без подробностей, можно будет намекнуть на необходимость профилактики Ворчуна, которому они обещали помощь. Или про Гранда, запершего в себе зубастый ужас технических коридоров. Первое время Лифт еще сможет прогуливать работу, ссылаясь на длительное тестирование систем или необходимость перезагрузки. Но что потом? Не ждать же, в конце концов, когда Красимира издохнет от голода?

– Если когда-то лед оттаяет и вы захотите поделиться своей тайной со мной или мамой, – прошептал мужчина, протягивая руки и сжимая в пальцах ладони сыновей, – мы всегда готовы поддержать вас и помочь. Любой ценой. А пока этого не произошло, моей единственной просьбой будет – храните тайну.

Витька тепло улыбнулся папе в ответ. Димка, чтобы скрыть переполнявшие эмоции, начал ковыряться вилкой в недоеденном завтраке. А Настя, на отца смотревшая с неподдельной любовью, даже встала, обходя Петра Петровича и нежно обнимая за плечи.

– Папочка, мы тебя очень любим...

– Я знаю, Настенька. – Тот тоже улыбнулся и словно расцвел, стряхивая груз переживаний. – Я вас тоже люблю. Сильно-сильно!

Он помолчал, с нежностью рассматривая любимую и непослушную тройню.

– Вы так повзрослели за минувшие дни, – сказал он, заставив мальчиков покраснеть. – И чувствую, что отлично понимаете, о чем я сейчас говорил. Это ведь так?

Витька, внимательно посмотрев на брата и сестру, привычно ответил за всех Димкиной фразочкой:

– Пап, а железо тонет в воде? – Затем он неспешно и выразительно кивнул – так

сдержанно проявлять чувства он тоже научился у отца. – Уверяю тебя, нам будет нечего рассказать врачам карантинной службы. А также представителям Гильдии...

Конечно же, они поняли друг друга. И когда все точки над «і» были окончательно расставлены, напряженные плечи Петра Петровича облегченно обмякли. Отец был безгранично уверен в мудрости своих детей. А те, в свою очередь, безраздельно доверяли его опеке. На этом фоне все остальное (и даже мрачное видение канувшего в бездну Мглистого) казалось сущей ерундой, с которой они обязательно справятся. Главное – действовать сообща!

Осмелюсь предположить, что теплота того душевного кухонного разговора не до конца отогрела детские сердца. И свою вину перед родителями наши герои, что очевидно, ощущали еще не один день. Настолько, что были готовы поклясться чем угодно, что подобного никогда не повторится (к сожалению, иногда мы даем обещания, которые не всегда можем сдержать...). А еще они догадывались, что ужасы внешнего мира долго будут преследовать их во снах. До тех пор, пока они не научатся уживаться с ними и воспринимать, как неотъемлемую часть Спасгорода.

Но сейчас, этим обыкновенным ранним утром на Заботинске, Вите, Насте и Димке все равно стало легко и спокойно. Во-первых, потому что Петр Петрович о многом догадался, но совсем не собирался «закручивать гайки». А во-вторых, потому что он обязательно придумает, как уберечь их, даже если возвращение Мглистого оказалось не только болезненным миражом.

– Хорошо, любимые, – закончил непростую беседу папа, поднимаясь из-за стола. – Я рад, что мы смогли поговорить. А теперь – по койкам, разбойники, вам нужно хорошенько отдохнуть...

И наши «путешественники поневоле» послушно отправились спать по своим уютным кроватям, поцеловав Петра Петровича перед сном. И пусть каждый из них время от времени просыпался в поту, разбуженный кошмарами, они знали, что за стеной дожидается медиков их защитник – отец, а потому снова закутывались в одеяла и благополучно засыпали.

Ближе к вечеру, когда в дом прибыли старшие урядники и представители карантинных служб, дети мужественно не проронили ни слова. Ссылались на усталость и больные головы, на полное непонимание, как же из их жизни бесследно выпали сразу несколько дней. Когда упорство дознавателей начинало переходить границы вежливости, Настя и мальчики упрямо замыкались в себе (девочка даже начинала плакать), заставляя взрослых прекращать суровые расспросы. В итоге психологи и врачи, много часов осматривавшие их, списали все на шок и провалы в памяти. Но еще долго бились над загадкой, где же нелегкая носила троих беглецов.

Никаких болячек те не подцепили, и карантин был снят. Юлия Николаевна еще пару дней оставалась дома, втайне от папы готовя близнецам самые вкусные лакомства. В качестве наказания хулиганов все же лишили развлекательных передач по амбивизору и прогулок, но мама все равно их тихонечко баловала. Петр Петрович вернулся к работе механика. О состоявшемся на кухне разговоре теперь напоминали только многозначительные взгляды, которыми обменивались все четверо, едва речь заходила об исчезновении.

Сами же герои истории совсем скоро возвратились в любимую школу, старательно нагоняя пропущенные предметы. Там, разумеется, их тоже расспрашивали, причем как учителя, так и сверстники. И если первые были полны решимости невзначай вызнать подробности и сообщить «куда следует», то одноклассники элементарно сгорали от зависти. Другие дети необъяснимо чувствовали – эти трое прошли через что-то таинственное и запретное, о чем мечтает каждый подросток. А потому чуть ли не со слезами умоляли поделиться деталями возвращения. Но и на текущей неделе, и в следующей учебной четверти, и даже через полгода Витя, Дима и Настя остались верны своему обещанию, ничего никому не рассказав...

Первые дни их отсутствие обрастало мифическими подробностями, откровенными

небылицами и выдуманными деталями. Но через какое-то время к нему потеряли интерес (почти все, если не считать Смотрителей, начавших приглядывать за троицей и их папой), и взбудоражившее Заботинск событие само собой потускнело, забылось, и вскоре о нем не судачили даже самые заядлые сплетники...

Именно так закончился этот удивительный и полный опасностей подъем домой. Именно так закончилось путешествие, подарившее троим близнецам знакомство с новыми друзьями и встречи с враждебными существами, порождениями самых мрачных закутков Спасгорода. Завершился путь испытания таких понятий, как взаимовыручка, смелость, благородство, отчаянье, доброта, дружелюбие и коварство. Но именно оно – это долгожданное возвращение в родительский дом, – определило дальнейшую судьбу наших героев, которых впереди ждало удивительное множество ярких событий, столь же захватывающих, сколь и опасных. А о том, как именно Витя, Настя и Дима справились с новыми загадками Города Лифтов, я обязательно расскажу вам в следующей истории о приключениях этих отважных детей.